

В этом номере

ISSN № 0130-7045

Ю. ФИШЕВСКИЙ
ЕДИНСТВО
СЛОВА И ДЕЛА

У нас в гостях
журнал
«ЗНАНИЕ — СИЛА»

К. ЮНУСОВА
НА ДАЛЕКОЙ
ЧУКОТКЕ

В. ПАНОВА
НАБАТ «КОЛОКОЛА»

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Л. ЧЕРНЯК
ВОЗВРАЩЕНИЕ
К ИСТИНЕ

С. ИОАНЕСЯН
ЛАОС:
*от патриархата —
к социализму*

А. ГЕРМАНОВИЧ, Л. МЕДВЕДКО
ПОД ИСЛАМСКИМИ
ЛОЗУНГАМИ

7 • 1982

Медаль имени С. И. Вавилова — награда за активный лекторский труд.

"Мы предлагаем создать Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний.

Мы уверены, что наш почин найдет самый горячий отклик, одобрение и поддержку со стороны всех деятелей советской науки, культуры, которые всегда служили своему народу и черпали в нем свои творческие силы".

Так говорилось в Обращении к советской интеллигенции, с которым в мае 1947 года выступила группа видных ученых и работников искусства; среди них были такие крупнейшие деятели науки и культуры, как С. Вавилов, Н. Тихонов и другие.

Постановление Совета Министров СССР о создании Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Заседание правления Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (1950 г.). В президиуме академики С. И. Вавилов (стоит), И. И. Артоболевский (второй слева).

Село Баракхты Васильковского района Молдавской ССР. Здесь разместились центр комплекса лекционной пропаганды и кабинет первичной организации общества «Знание» колхоза «Прогресс».

НАША ОБЛОЖКА

В 1913 году, когда В. И. Ленин работал над проектом речи для выступления в Думе большевистского депутата, он писал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания,— такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России».

Завоевав власть, партия коммунистов в своих планах социальных преобразований с неизменностью, даже в самые трудные годы, вела курс на просвещение широчайших трудящихся масс, всестороннее повышение их культурного уровня. С годами, десятилетиями менялись формы этой работы, поражавшей воображение невиданной в истории масштабностью и щедрой поддержкой социалистического государства.

Осталось оно верно этому курсу и в не легкие послевоенные годы, когда в 1947 году было основано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, позже переименованное во Всесоюзное общество «Знание». 35 лет эта организация, объединившая почти трехмиллионный отряд советской интеллигенции, системой своих подразделений, всеми средствами устной и печатной пропаганды активно участвует в коммунистическом воспитании трудящихся, в обогащении духовного мира советских людей, формировании материалистического мышления.

Атеистическая лекционная пропаганда в системе общества «Знание» представляет важное и ответственное звено идеологической работы. Это наиболее массовая ее форма, которая год от года увеличивается, усложняется, выходя на современный уровень развития общественной и духовной жизни страны. На помощь лектору-атеисту приходят радиоаппаратура, стационарные и передвижные киноустановки, диапроекторы, фильмы. Научная обоснованность выступлений, логическая аргументация, искусство лектора усиливаются зрительными впечатлениями. Этого требует комплексный подход в решении воспитательных задач. Главное, на что обращает внимание партия,— это связь идейно-воспитательной, культурной работы с жизнью. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС: «...Речь идет о том, чтобы добиться на деле единства идейно-теоретической, политико-воспитательной, организаторской и хозяйственной работы партии». И в этом большом деле верным ее помощником было и остается Всесоюзное общество «Знание».

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»
Издается с сентября 1959 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. С. ИВАНОВ
[главный редактор].

И. Ш. АЛИСКЕРОВ,
А. В. БЕЛОВ,
В. И. ГАРАДЖА,
М. М. ДАНИЛОВА,
Е. В. ДУБРОВСКИЙ
[ответственный секретарь].
Н. А. КОВАЛЬСКИЙ,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ
[зам. главного редактора].
В. П. МАСЛИН,
С. И. НИКИШОВ,
М. П. НОВИКОВ,
И. К. ПАНТИН,
И. Д. ПАНЦХАВА,
В. Е. РОЖНОВ,
В. Ф. ТЕНДРЯКОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор
С. И. Мартеньянова.
Технический редактор
С. В. Сегаля.
Корректор
Р. Ю. Грошева.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
© Журнал
«Наука и религия», 1982.

На второй странице обложки: фотографии, посвященные 35-летию Всесоюзного общества «Знание».

На третьей странице обложки: фотографии к статье «Новая жизнь пришла в тундру».

2 Навстречу славной годовщине

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

- 4 Ю. Фишевский.
Идти дальше, добиваться большего
9 Наглядно, образно, эмоционально

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

- 13 В. Колесникова.
Наша Хамис
15 Е. Елагина.
Преданность делу

У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ «ЗНАНИЕ — СИЛА»

- 20 Р. Подольный.
От CETI к SETI
23 Н. Федотова.
Диагноз с первого взгляда
26 Г. Бельская.
Половецкий хан или
византийский император?

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- 30 Д. Корж.
Новая жизнь пришла в тундру
34 В. Панова.
«Зову живых!»
38 В. Долгова.
Звучит старинная музыка

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

- 41 Л. Черняк.
Под сенью святых даров

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО

- 46 К. Яшен.
Хамза

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

- 53 С. Иоанесян.
Новь древнего Лаоса

ЗА РУБЕЖОМ

- 56 А. Германович, Л. Медведко.
«Возрождение ислама» или
пробуждение народа?
60 Л. Тимошин.
США: новые «культы» и молодежь

Навстречу славной годовщине

Нынешний год — год 60-летия образования Союза Советских Социалистических Республик.

Это — большой праздник нашей дорогой Родины, праздник дружбы народов.

Это — торжество ленинской национальной политики. И вместе с тем это хороший повод для подведения итогов, определения и уточнения задач на будущее. Готовясь встретить славный юбилей, мы вновь и вновь сверяем свои действия с ленинской программой строительства нового общества.

Л. И. БРЕЖНЕВ. Речь на XVII съезде профсоюзов СССР

Мы идем навстречу знаменательному событию в жизни советского народа — 30 декабря нынешнего года исполняется 60 лет с того дня, когда на Первом Всесоюзном съезде Советов представители молодых советских социалистических республик — Российской Федерации, Украины, Белоруссии и Закавказской Федерации — приняли Декларацию и Договор об объединении в Союз Советских Социалистических Республик; затем к нему присоединились и советские республики Средней Азии.

В преддверии этой славной годовщины Центральный Комитет КПСС принял постановление «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик». В этом документе ярко, глубоко, всесторонне раскрыто историческое значение создания многонационального социалистического государства, наглядно показаны всемирно-исторические свершения советского народа, великие завоевания социализма.

Рождение Союза ССР — первого в мире единого многонационального государства рабочих и крестьян — стало результатом победы Великой Октябрьской социалистической революции, которая разбила в нашей стране цепи векового социального и национального гнета, подняла к активному историческому творчеству все ее многочисленные народы.

Среди них ведущей силой интернационального сплочения выступил рабочий класс России, который своим беззаветным героизмом в революционной борьбе, в боях гражданской войны, своим самоотверженным трудом в строительстве новой жизни, своим последовательным интернационализмом заслужил признание и доверие трудящихся всех национальностей страны. Пробразом Союза ССР стала Российская Советская Социалистическая Федерация, вокруг которой на добровольных началах

сплотились все советские республики. В первые годы Советской власти русский народ, преодолевая тяжчайшие трудности и лишения, оказывал бескорыстную братскую помощь другим народам страны, внес неоценимый вклад в преодоление отсталости бывших национальных окраин России. Минувя капитализм, они уверенно шагнули в социалистическое будущее и вместе со всей страной достигли невиданных прежде высот социального прогресса.

Братское единство всех наций и народностей Союза ССР крепло и развивалось в годы восстановления разрушенного гражданской войной и иностранной интервенцией народного хозяйства, в ходе социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, в ходе культурной революции, в борьбе за построение социализма. Это нерушимое единство прошло суровую закалку в годы Великой Отечественной войны, когда все народы-братья плечом к плечу встали на защиту социалистической Родины, проявили непреклонную волю к победе и массовый героизм, разгромили гитлеровских захватчиков, спасли многие страны мира от порабощения и уничтожения. Всенародным трудовым подвигом стало возрождение разрушенного войной народного хозяйства.

Всемирно-историческим результатом революционно-преобразующей деятельности братских народов Советской страны, сплотившихся под руководством Коммунистической партии, стало построение развитого социалистического общества. Сегодня в СССР установились зрелые социалистические общественные отношения, сформировалась новая историческая общность людей — советский народ. Эта общность основывается на нераздельности исторических судеб всех народов нашей страны, на нерушимом союзе рабочего класса, крестьянства и интеллигенции,

на возрастающей интернационализации хозяйственной и всей общественной жизни.

В нашей стране сложился и развивается единый народнохозяйственный комплекс. Экономика каждой республики занимает важное место в общественном разделении труда, вносит свой вклад в национальное богатство страны. Примечательным явлением сегодняшнего дня стали повсеместно сложившиеся и успешно функционирующие многонациональные производственные, научные и творческие коллективы. В обществе развитого социализма царят атмосфера коллективизма и товарищества, сплоченность и дружба всех наций и народностей, нравственное здоровье, подлинный гуманизм, демократизм и социальный оптимизм.

На этой благодатной почве развивается и крепнет единая интернациональная культура советского народа, социалистическая по содержанию, многообразная по своим национальным формам, интернационалистская по духу и характеру. Вобрав в себя все общезначимое из самобытных традиций национальных культур, она стала великой силой идейно-нравственного сплочения всех наций и народностей советской страны, каждая из которых сохраняет в то же время свой неповторимый облик, свои национально-своеобразные черты.

Коммунистическая партия Советского Союза, направляющая и организующая всю многообразную деятельность по укреплению братского союза всех наций и народностей СССР, по их постепенному и все более полному сближению, неуклонно руководствуется здесь ленинскими принципами. «Мы хотим доброго союза наций», — говорил В. И. Ленин, — такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой, — такого союза, который был бы

основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии». Последовательно проводя эту ленинскую линию, КПСС решительно борется против таких чуждых природе социализма проявлений, как шовинизм или национализм, против любых националистических вывихов.

Подготовка к юбилею Союза ССР, говорится в постановлении ЦК КПСС, должна способствовать дальнейшему улучшению идейно-политического, патриотического и интернационального воспитания советских людей. Ставится задача убедительно раскрывать великую революционно - преобразующую силу марксистско-ленинского учения, идей пролетарского интернационализма, ярко и аргументированно пропагандировать исторические преимущества и достижения социализма, всесторонне раскрывать содержание социально-экономической политики партии и государства, главная цель которой — неуклонное повышение благосостояния и культуры, обогащение духовной жизни советских людей.

Необходимо глубоко раскрывать закономерности формирования и развития новой исторической общности людей — советского народа, пути дальнейшего упрочения союза рабочих, крестьян, интеллигенции, сближения всех наций и народностей нашей страны, становления бесклассового общества.

ЦК КПСС призвал воспитывать у трудящихся чувство гордости за социалистическое Отечество, чувство братской дружбы народов, высокую культуру межнационального общения, непримиримость к любым проявлениям национализма. Особо подчеркнута необходимость усилить патриотическое и интернациональное воспитание молодежи, активно пропагандировать славные революционные, боевые и трудовые традиции, формировать у каждого молодого человека убежденность в правоте и непобедимости социализма, политическую бдительность, готовность к защите Родины, завоеваний социализма.

Требование активизировать в связи с 60-летним юбилеем Союза ССР всю идеологическую, политико-воспитательную работу в полной мере относится и к такому ее важному звену, каким является формирование у всех советских людей научного, материалистического мировоззрения, атеистических убеждений, активного неприятия каких бы то ни было суеверий и предрассудков.

Развитое социалистическое общество, созданное в Советском

Союзе за шесть десятилетий самоотверженным трудом всех объединившихся в этом союзе народов, — это, как отметил XXV съезд КПСС, «общество, где господствует научное материалистическое мировоззрение». Это значит, что у нас повсеместное распространение получила научная, марксистско-ленинская идеология, что подавляющее большинство советских людей стоят на материалистических мировоззренческих позициях, свободны от религиозных представлений и всяких суеверий. В ходе социального прогресса нашего общества все определеннее и сильнее действует тенденция к полному отмиранию религии в СССР. И этому объективному, закономерному процессу содействует вся многообразная работа по воспитанию нового человека, по укреплению его идейной убежденности, внутренней зрелости и культуры.

Атеистическое воспитание — не изолировано от других направлений коммунистического воспитания, не замкнуто в самом себе. Тысячами живых нитей связано оно с идейно-политической закалкой советских людей, с патриотическим, интернациональным, нравственным, трудовым, правовым, эстетическим воспитанием, с повышением образовательного уровня и культуры, с духовным ростом трудящихся, с обогащением их потребностей, развитием социальных связей, становлением активной жизненной позиции.

Это значит, когда речь идет о той изощренной и коварной идеологической войне, которую идеологи империализма и пропагандисты антикоммунизма ведут против СССР и всего мира социализма, необходимо разоблачать и те идеологические диверсии, которые совершаются под прикрытием религии. Надо конкретными фактами из нашей жизни опровергать измышления буржуазных фальсификаторов о положении религии и церкви в СССР, противопоставить им правду о тех правах и свободах, которыми пользуются все граждане социалистического государства независимо от национальности, социального положения, отношения к религии. Нужно добиваться того, чтобы у всех советских людей — как неверующих, так и сохранивших еще религиозные верования — вырабатывалась способность распознавать, где кончается религия, а где начинаются политические спекуляции на ней, формировалось умение давать идеологическим диверсиям клерикального антикоммунизма должный отпор.

Когда мы говорим о животворной силе дружбы советских наро-

дов, пропагандируем ленинские идеи интернационализма, выступаем против любых отклонений от них, — необходимо опровергать ложные представления, будто национальная принадлежность нераздельна с определенной религией, в которой якобы выражается национальный характер. Следует вскрывать механизм взаимодействия националистических предрассудков с религиозными верованиями, показывать, как религия возводит вероисповедные барьеры между людьми разных национальностей, мешает благотворному процессу интернационализации нашей жизни.

В патриотическом воспитании нужно на конкретных исторических примерах показывать истинную роль религии и церкви в истории народов нашей страны, убедительно опровергать церковные легенды, которыми окружены те или иные исторические события и фигуры, развенчивать претензии церковных организаций, объявляющих себя носителями патриотического начала, хранителями духовного наследия народа.

В ходе нравственного воспитания советских людей следует обращать внимание на формирование у них активной жизненной позиции, несовместимой с моралью «раба божьего», которую внушает верующему религия. Необходимо содействовать тому, чтобы в каждом коллективе, всюду, где работают и живут люди, царил такая здоровая нравственная атмосфера, в которой ни у кого не возникала бы потребность иллюзорного восполнения действительности, не было бы поводов искать помощи, утешения, сопереживания на путях религиозной веры. Надо убедительно показывать несостоятельность религиозной морали, противопоставлять ее иллюзорным догмам все богатство коммунистической морали, последовательно раскрывать гуманистическую сущность нашего атеизма, его обращенность к человеку, заботу о его благе, его духовной свободе. Эта пропаганда позитивных ценностей атеизма должна сочетаться с наглядным, убедительным показом того вреда, который религия приносит обществу и личности.

Долг пропагандистов атеизма, всех, кто причастен к благородному и благодарному делу освобождения людей от религиозных иллюзий, воспитания убежденных атеистов, — в период подготовки к славной годовщине 60-летия СССР активизировать свою деятельность, поднять ее на уровень тех требований, которые сегодня ставит перед нами время, ставит Коммунистическая партия.

ИДТИ ДАЛЬШЕ, ДОБИВАТЬСЯ БОЛЬШЕГО

ПЕРИОД между XXV и XXVI съездами партии характеризовался не только количественным ростом лекционной пропаганды. Изменения коснулись в первую очередь ее качественной стороны — содержания и тематической направленности. Если говорить конкретно об атеистической работе, то организации общества «Знание», положив в основу комплексный подход, стремились увязать ее с пропагандой советского образа жизни, а также с идейно-политическим, трудовым, нравственным, патристически-интернациональным, другими направлениями коммунистического воспитания масс.

Больше внимания, чем прежде, уделяется ленинскому атеистическому наследию, пропаганде духовных ценностей нашего общества, социально-нравственной проблематике, новым праздникам, обрядам и традициям. При этом наши пропагандисты, конечно же, не забывали о критике религиозной идеологии и морали, о необходимости широко разъяснять принцип свободы совести, разоблачать буржуазные фальсификации положения религии и церкви в СССР, об анализе модернистских тенденций в различных конфессиях, а также о мировоззренческих проблемах современной научно-технической революции. Часто читаются лекции и на такие темы, как «Гуманистическая сущность атеизма», «Место атеизма в истории общественной мысли», «Искусство и религия», «Семья и религия» и т. п. Но главное, наши лекторы, чтобы повысить эффективность атеистической пропаганды, стремятся теснее связывать ее с жизнью, с запросами советских людей.

Задача эта очень непростая. Думается, что решение ее обеспечивается прежде всего тем, насколько полно используем мы тот огромный идеологический потенциал, который несет в себе наша действительность, практика коммунистического строительства. «Формирование нового человека», подчеркивал член Политбюро, секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко в докладе, посвященном 111-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, — должно опираться на прочный фундамент

Высокая социально-экономическая динамичность общества развитого социализма, его поистине гигантские производительные силы, рост материального благосостояния народа, духовных потребностей людей, бурное развитие науки и техники заставляют взглянуть во многом по-новому на практику лекционной работы. Повысились требования к ее содержанию, формам, культуре. И вполне закономерно, что XXVI съезд КПСС в числе первоочередных поставил задачу в полной мере использовать возможности нашей пропаганды.

О том, как решают эту проблему организации общества «Знание», рассказал нашему корреспонденту заместитель председателя правления Всесоюзного общества «Знание»

Юрий Константинович Ф И Ш Е В С К И Й.

социально-экономической политики. Если сводить негативные явления лишь к «пережиткам прошлого» в сознании людей, то вне поля зрения останутся недостатки, причины которых следует искать в сегодняшней практике, в просчетах тех или иных работников. Здесь-то и может возникнуть разрыв между воспитанием словом и воспитанием жизнью».

Как известно, совершенствование и актуализация содержания и тематической направленности выступлений наших лекторов во многом зависят от деятельности научно-методических советов. В последнее время они существенно укрепились. Так, в составе совета по наукоуму атеизму при правлении Всесоюзного общества «Знание» многие известные доктора и кандидаты наук, деятели культуры, работники общественных организаций, средств массовой информации. Совет тесно связан с такими же методическими советами на местах, с вузовскими кафедрами и соответствующими секторами Академии наук СССР и академий наук союзных республик, с Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС и его опорными пунктами, с домами и кабинетами научного атеизма в республиках и областях.

На заседаниях научно-методических советов и секций местных организаций общества «Знание» постоянно обсуждаются проблемные вопросы и практика атеистической пропаганды, готовятся тематика выступлений и методические материалы, учебные планы и программы. Советы ведут контроль, выявляя недостатки в работе. Наиболее характерные из них — перегруженность лекций фактическим материалом и выступления по «узким», так называемым «прикладным» темам, что неизбежно сужает возможность глубокого теоретического осмысления. В выступлениях пропагандистов атеизма критический аспект нередко преобладает над позитивным, в ряде случаев отсутствует дифференцированный подход к аудитории.

В этой связи интересным представляется опыт Львовской городской организации общества «Знание». Здесь на основе данных социологических исследований и анализа вопросов слушателей созданы так называемые «Карты лекционной пропаганды научного атеизма». По сути, это методические рекомендации, разработанные с учетом интересов и запросов различных категорий населения. Кроме того, в тематику лекций включается широкий круг вопросов — от мировоззренческих до критики идеологии и деятельности отдельных конфессий. Учен составителями «карт» и принцип комплексного подхода к делу коммунистического воспитания. В итоге атеистическая пропаганда в Львове стала более конкретной и целенаправленной.

Эффективность нашей работы зависит, понятно, не только от темы, но и от качества подготовки и чтения лекции. Анализ показывает, что большинство лекторов-атеистов выступают на хорошем идейно-теоретическом и методическом уровне. Их лекции, как правило, убедительны, насыщены жизненными примерами, достаточно научны и в то же время популярны.

Это характерно, в частности, для тех краев и областей Российской Федерации, где неплохо поставлен

О том, как расширился арсенал технических средств современного пропагандиста, рассказывают эти кадры, взятые из документального фильма о деятельности Всесоюзного общества «Знание». В пропагандистских комплексах райкомов партии, домов политического просвещения — звучащая Ленинана, картотеки магнитофонных записей, дискотеки, кадры документальных фильмов, кинопроекторы, тренажеры лекторов.

контроль за качеством лекционной пропаганды. Многие в этом направлении делают и сами члены научно-методического совета при правлении общества «Знание» РСФСР. Ежегодно на местах они рецензируют свыше 50 выступлений и столько же текстов лекций. По результатам этой работы кандидаты философских наук Н. Д. Горохова и Н. А. Костенко подготовили обзорную рецензию «Нравственное содержание научного атеизма», а кандидат философских наук И. А. Малахова — рецензию «Новые тенденции в идеологии и деятельности христианского сектантства». Они изданы правлением общества «Знание» РСФСР 10-тысячным тиражом и разосланы в местные организации.

В то же время результаты социологических исследований в сочетании с анализом содержания выступлений лекторов Российской Федерации позволили выявить немало недостатков в лекционной пропаганде. Так, опросы слушателей в Костромской области показали: треть из них оценивают атеистические лекции как «не всегда убедительные». Причем аргументацией, прежде всего, были недовольны люди, разбирающиеся в данной проблематике. Они также отмечали, что некоторым лекторам явно не хватает религиозоведческих знаний.

Сюда же можно добавить: стремление отдельных лекторов уйти в прошлое, недостаточное осмысление происходящих в богословии и в сознании современных верующих процессов, слабую связь научно-атеистической пропаганды с задачами идейно-политического, трудового и нравственного воспитания советских людей. Недостаточно полно раскрывается в лекциях и процесс становления духовного мира советского человека, а в связи с этим — гуманистическая сущность научного атеизма, слабо показывается тот вред, который религия приносит обществу и личности. Но наименее разработаны, пожалуй, темы, затрагивающие мировоззренческие проблемы истории, искусства, культуры в целом. Ликвидация этих недостатков, а в конечном счете действенность атеистической пропаганды в первую очередь зависят от лекторов, от уровня их подготовки и отношения к делу. Мы в этом вопросе неизменно руководствуемся указаниями В. И. Ленина, с одной стороны, требовавшего «специализировать, занимать их целиком и беречь сугубо», с другой — решительно возражавшего, чтобы данная область пропаганды заполнялась «малоспособными людьми». Достаточно сказать, что во время проходившей недавно в обществе «Знание» общественной аттестации около 200 тысяч человек не получили права на публичные выступления. В то же время правление Всесоюзного об-

щества «Знание» уделяет большое внимание созданию многогранной системы подготовки и переподготовки пропагандистов атеизма. Свою задачу тут мы видим в том, чтобы привлечь к лекторской деятельности людей заинтересованных и высокообразованных — ведущих ученых, преподавателей вузов и учителей, специалистов народного хозяйства.

В Литовской ССР, например, при правлении республиканской организации Общества уже почти 13 лет действует двухгодичная школа методики атеистического воспитания. Участвует в ее работе и Дом политического просвещения ЦК Компартии Литвы. Аналогичные школы созданы в городах и районах республики, в них учатся около 1500 человек. Социологические исследования, проведенные в Латвии, показали, что около 60 процентов лекторов-атеистов получают основную подготовку в студенческих клубах. А в Белоруссии эту функцию взяли на себя народные университеты. Весьма перспективным представляется и опыт Украины, где родилась новая форма — учеба на заочных отделениях повышения квалификации лекторов-атеистов при высших учебных заведениях, о чем подробно рассказал журнал «Наука и религия» в № 11 за 1981 год. Инициаторы этой работы — преподаватели философского факультета Киевского государственного университета.

Повышение качества лекционной пропаганды во многом зависит и от того, насколько удовлетворяются потребности лекторов в теоретической и методической помощи. Этой цели служат не только методсоветы, но и дома и кабинеты научного атеизма. Сегодня на их базе во многих республиках ведется подготовка лекторских кадров, повышение их мастерства, проводятся конференции, семинары, консультации, разрабатываются методические рекомендации и т. д.

Интересный опыт такой работы накопил Московский Дом научного атеизма. Его сотрудники регулярно проводят дни, недели, месячники научного атеизма, семинары, встречи за «круглым столом». Родились тут и новые формы: создана, например, экскурсионная студия, где ведется подготовка лекторов-экскурсоводов по историко-архитектурным памятникам столицы. Сейчас принято решение преобразовать МДНА в Центральный дом научного атеизма.

Одна из важнейших наших задач — вовлечь в лекторскую деятельность как можно больше молодых специалистов. В этом плане богатый опыт имеется в Закарпатье, где на базе Ужгородского государственного университета два десятилетия действует школа молодого лектора. Подобная школа создана и при кафедре философии Казахского

педагогического института имени Абая. Кроме того, в Алма-Ате есть еще университеты молодого атеиста, например — при Казахском государственном университете имени С. М. Кирова. А в Туркмении эта работа начинается прямо со школьной скамьи — сначала в кружках «Юный атеист», затем — в клубах молодых атеистов, в школах молодого лектора, на факультетах общественных профессий средних специальных и высших учебных заведений.

Довольно результативной формой учебы лекторов-атеистов стали постоянно действующие семинары. На них регулярно освещаются наиболее актуальные проблемы теории и практики, оперативно комментируются важнейшие события общественно-политической жизни страны, оказывается всесторонняя методическая помощь. Вот уже в течение пяти лет встречаются на таких ежегодных занятиях лекторы Российской Федерации. С 1975 года действует семинар «Актуальные вопросы научно-атеистического воспитания трудящихся» на Украине. С лекциями и сообщениями на этих семинарах выступают видные ученые, партийные работники, специалисты народного хозяйства, ведущие пропагандисты. Здесь используются самые разнообразные формы учебы: выступления слушателей на предприятиях, экскурсии к историческим памятникам, встречи по интересам и т. д.

Можно с удовлетворением отметить: такие постоянно действующие семинары оказывают положительное воздействие на содержание и тематическую направленность атеистической пропаганды. Убедительное свидетельство тому — постоянное, год от года расширение круга пропагандистов и увеличение числа выступлений по обсуждаемым на этих встречах проблемам. Думаю, немалое значение имеет и то, что итоги состоявшегося обмена мнениями публикуются потом в виде брошюр.

Регулярно общество «Знание» организует всесоюзные и зональные семинары-совещания пропагандистов, научно-практические конференции, «круглые столы». Только с 1975 по 1981 год по тематике научного атеизма было проведено около 20 таких встреч. Кроме того, на базе Ленинградского музея истории религии и атеизма состоялась стажировка директоров домов и кабинетов научного атеизма, в Москве прошли курсы для председателей научно-методических советов и референтов республиканских организаций.

И, конечно же, весьма важен тут вклад народных университетов. Их опыт убедительно говорит: они и пропагандистов хорошо готовят, и сами плодотворно осуществляют атеистическое воспитание населения, особенно на селе. Так, всего несколько лет

работает молодежный университет научного атеизма в селе Пожарки Рожищенского района Волынской области (Украинская ССР), но за эти годы уже 40 жителей этого села порвали с религией, в течение последних пяти лет здесь не было ни крещений, ни венчаний. Примечательно, что сейчас атеистическая тематика стала включаться в программы и учебные планы народных университетов самых различных профилей: основ научного коммунизма, нравственного образования и воспитания, педагогических, медицинских знаний, культуры, коммунистического воспитания и быта и других.

В то же время необходимо отметить, что такие формы работы еще далеко не везде получили должное развитие. Хотелось бы, чтобы их больше было, например, в Киргизии, в ряде областей РСФСР. Местные организации общества «Знание» должны понять, что именно системные формы атеистической пропаганды (а к ним относятся не только народные университеты, но и циклы лекций, лектории и кинолектории, школы начальных знаний о природе, обществе и человеке) сегодня наиболее эффективны. Недаром они все более пробивают себе дорогу там, где понимают, что научный атеизм как неотъемлемая часть научно-материалистического взгляда на мир особо нуждается в объемном, всестороннем и систематическом изложении.

В Москве, например, уже более половины всех лекций читаются в подсобных формах. Так, к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина разработали тематические циклы: «Ленинский этап научного атеизма», «Осуществление ленинской политики свободы совести в СССР», «В. И. Ленин о научных основах атеистической пропаганды» и другие. Ряд циклов, читаемых в городе, ориентирован на работников небольших предприятий, организаций транспорта и связи, сферы обслуживания, а также на пенсионеров и домохозяек.

23 цикла лекций по проблеме единства атеистического и патриотически-интернационального воспитания разработаны Львовской областной организацией общества «Знание». Особенно большая работа в этом направлении была проведена в период подготовки празднования 40-летия воссоединения западноукраинских земель с Советской Украиной и в связи с 325-летием воссоединения Украины с Россией. Правлению областной организации удалось при этом объединить усилия ведущих философов, историков, специалистов по научному атеизму и научному коммунизму.

Интересен и опыт Латвии. Почти 15 лет существует при Доме культуры республиканского совета профсоюзов в Риге постоянно

действующий «Популярный лекторий научного атеизма». Среди его слушателей есть и верующие. После лекции обычно разворачивается дискуссия. Не споры по пустякам, как это еще, к сожалению, бывает, а деловые обсуждения, всесторонний разбор животрепещущих проблем. Местные атеисты используют их как форму учебы молодых пропагандистов — студентов Латвийского университета. Не раз занятия, на которых выступали люди, порвавшие с религией, транслировались по телевидению, радиожурналисты брали в этой аудитории интервью у верующих. Помимо «чистого» атеистических тем, в этом лектории ведутся беседы о труде, счастье, взаимоотношениях между людьми. Нескольким раз в году организуются экскурсии. В рамках лектория создан даже хоровой кружок.

Важное место в атеистическом воспитании населения занимают школы начальных знаний о природе, обществе и человеке. Возникнув в Белоруссии 20 лет назад, они быстро распространились по стране. Эти школы рассчитаны прежде всего на людей, имеющих невысокий уровень образования, в том числе и на верующих. В течение двух лет слушатели знакомятся с научными представлениями о мире и его законах, о развитии общества, о человеке.

Учебная программа этих школ построена так, что позволяет органически сочетать процесс формирования научных представлений с преодолением религиозного миропонимания. Главное в таком воспитании состоит в том, чтобы тысячами нитей связать человека с нашей жизнью, добиться, чтобы перед ним возникали реальные и увлекательные задачи, ведущие его к людям, к интересам общества, вырабатывать активную жизненную позицию. Вот почему в практику занятий многих школ начальных знаний прочно вошли информации о событиях внутренней и международной жизни, о состоянии дел в области, районе, населенном пункте, производственном коллективе. Это способствует приобщению слушателей к участию в общественной жизни.

По мере того, как такие школы исчерпывают свои функции (по определению В. И. Ленина, это функции «преподавания азбуки, обучения начаткам знания и начаткам самостоятельной мысли»), открываются возможности для перехода их слушателей к более высоким формам учебы — к лекториям, к школам политических знаний, народным университетам.

К системным формам пропаганды научного атеизма близки различного рода устные журналы, дни науки, недели и декады атеизма, общественно-политические чтения, клубы. Последние распространены особенно широко: в Рязанской области, например,

особенно популярны клубы читателей журнала «Наука и религия», в Западной Украине — клубы Ярослава Галана, известные ленинградские КВАТы, клубы ветеранов труда в Воронежской области, марийские «Посиделки», латышские «Клубы по обмену мнениями» и другие. Они объединяют людей по интересам, привлекают их возможностью общения со сверстниками, наконец, являются просто местом отдыха.

Желанный гость даже в самых дальних уголках Туркмении — женский устный журнал «Гульшат». Созданный усилиями научно-методического совета по работе среди женщин при правлении республиканского общества «Знание», он действует в тесном контакте с местными пропагандистами атеизма. По примеру «Гульшат» подобные устные журналы для женщин созданы и в областях республики. Сегодня здесь — более 700 клубов девушек и такого рода журналов.

Чаще проводятся в последнее время вечера-встречи, на которых присутствующие — верующие и неверующие — могут обменяться мнениями. В Запорожье, например, они проходят ежемесячно. Началась эта работа и в ряде районов Латвии, а также в столице Киргизии — Фрунзе. В свое время один из опытных лекторов Мурманской областной организации Общества, депутат Совета народных депутатов г. Кировска А. А. Данилова писала на страницах журнала «Наука и религия»: «Лекций мы читаем много. Не скажу, что верующие на них не ходят. Ходят, вопросы задают. Но, думаю, нужно больше работать индивидуально.

Прийти к человеку... поговорить по душам. По душам — это очень важно. Верующего, конечно, разубедить трудно. Но поколебать, заставить задуматься — можно». Такие вечера-встречи, безусловно, помогают взаимопониманию. Если, конечно, у обеих сторон есть настоящее стремление проложить пути к сердцам друг друга.

Условия, в которых сегодня ведется пропагандистская работа, заставляют нас заботиться не только об эффективности, углублении и актуализации содержания пропаганды научного атеизма и поисках новых форм. Важно и хорошо налаженное сотрудничество между заинтересованными организациями и учреждениями, министерствами и ведомствами. И надо сказать, что сфера атеистической пропаганды существенно расширилась за последние годы. Это произошло за счет широкого вовлечения в нее планетариев и музеев, Общества охраны памятников истории и культуры, медицинских учреждений. В Белоруссии, например, при центральных районных больницах и домах санитарного просвещения созданы лекторские группы, в состав

которых входят врачи, имеющие навыки атеистической пропаганды среди населения.

Сказались эти контакты и на формах повышения квалификации лекторских кадров. Так, в 1980—1982 годах правление Всесоюзного общества «Знание» и Институт научного атеизма провели два «круглых стола», один был посвящен актуальным вопросам критики современного ислама, другой — критике идеологии и практики современного католицизма. В 1978 году в Киеве состоялся всесоюзный семинар-совещание по новым советским обрядам, организованный нами совместно с Институтом научного атеизма, ЦК ВЛКСМ и Министерством культуры СССР. В конце прошлого года правление Всесоюзного общества «Знание», Институт научного атеизма, ЦК ВЛКСМ, Министерство просвещения СССР, Государственный комитет по профессионально-техническому образованию и Академия педагогических наук СССР провели всесоюзную научно-практическую конференцию «Научно-атеистическое воспитание — составная часть коммунистического воспитания учащихся».

Расширились наши связи и со средствами массовой информации. Изданы, например, материалы ряда семинаров и научно-практических конференций, пособия, обобщающие опыт работы в организациях общества «Знание», серия плакатов и альбомов по актуальным проблемам научного атеизма, учебно-тематический план и программа для народных университетов. Наши пропагандисты атеизма регулярно выступают в журналах «Наука и религия», «Людина і світ», других периодических изданиях.

Активно сотрудничают атеисты с редакциями телевидения и радиовещания. Так, в Белоруссии члены научно-методического совета непосредственно участвуют в подготовке передач республиканского телевизионного журнала «Прамень» («Луч») и радиопередачи «Для верующих и неверующих». В Одессе большой популярностью пользуется постоянный телевизионный цикл «Атеистические диалоги», а в Виннице — областной радиоальманах «К светлым горизонтам». И здесь постоянно идет поиск нового. Так, латвийские журналисты организовали выездные конференции для радиослушателей. В них участвуют ученые, пропагандисты, художественные коллективы, в том числе популярная в республике «Сельская капелла» Латвийского радио.

И все же, как было уже сказано, мы далеко не в полной мере используем наши огромные возможности. Ведь то, что сделано, это уже успехи вчерашнего дня. Сегодня, у нас новые, более сложные проблемы. «...Не довольствоваться тем уменьем,

которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти непременно дальше, добиваться непременно большего...» — вот чего требовал В. И. Ленин.

Так, в содержании и формах лекционной пропаганды еще не преодолены штампы, парадность, поверхностность, отставание от жизни — недостатки, на которые прямо указал XXVI съезд КПСС. Некоторые наши пропагандисты «частенько предпочитают доказывать доказанное вместо того, чтобы осмысливать новые явления жизни». Порой лекциям недостает конкретности и наступательности. Их тематика, как уже говорилось, не отражает в полном объеме новых достижений теории и практики научного атеизма, а также процесса модернизации религии. Не всегда учитываются национальный состав населения того или иного региона, характер религиозности и степень атеистической убежденности людей.

Несмотря на то что во многих районах страны остро ощущается дефицит квалифицированных пропагандистов атеизма, особенно высшей квалификации, не получил пока повсеместного распространения опыт двухгодичных школ лекторов-атеистов Белоруссии, Литвы, других республик, а также заочных отделений повышения квалификации на базе вузов. Все еще слабо привлекаются к атеистической пропаганде научно-исследовательские центры. Так, в Казахской ССР атеистическую пропаганду ведут сотрудники лишь двух институтов республиканской Академии наук. Почти не участвуют в этой работе представители творческой интеллигенции, литературы и искусства.

Недостаточно используется все многообразие форм и средств лекционной пропаганды. Нуждается в совершенствовании методика атеистических мероприятий. Слабо поставлена пропаганда научного атеизма на предприятиях сферы обслуживания, стройках, по месту жительства, в отдаленных пунктах. А в так называемых «бесперспективных» населенных пунктах, как показали исследования во Владимирской, Тамбовской и других областях, она просто не ведется.

К сожалению, вопросы научно-атеистической пропаганды редко обсуждаются на заседаниях президиумов и пленумах правлений организаций Общества. Речь тут идет не просто о повышении идейно-теоретического уровня лекций, но, что очень существенно, об органическом соединении их материалов с фактами и тенденциями социально-экономического и духовного развития нашего общества. Такова главная задача, стоящая сегодня перед пропагандистами научного атеизма. Лишь при ее успешном решении мы сможем на этом важном участке коммунистического воспитания масс идти дальше, добиваться большего.

Наши консультации

В выступлениях участников читательских конференций, в редакционной почте, в частности в откликах на выступления журнала о путях повышения эффективности воспитания (1980, № 4, 6, 8), настойчиво звучат просьбы о том, чтобы чаще публиковать методические рекомендации и советы для организаторов атеистической работы. Идя навстречу этим пожеланиям, журнал открывает новую рубрику — «Наши консультации». Одна из ее задач — оказать практическую помощь в выборе наиболее эффективных форм и средств атеистической работы, подсказать возможные пути поисков. Но хотим обратить внимание тех, кому адресованы эти публикации, — не воспринимать наши рекомендации и советы как некий обязательный образец. Пунктуальное повторение даже самого лучшего опыта, без творческого переосмысления, учитывающего местную специфику и возможности, как правило, не дает нужных результатов.

В ближайших планах «Наших консультаций» — методические разработки и советы — как составить план работы, подготовить и провести устный журнал, вечер вопросов и ответов, как лучше организовать работу до и после лекции, использовать в атеистической работе стенную и многотиражную печать, местное радиовещание, как организовать эту работу в клубе, в библиотеке. Надеемся, что читатели откликнутся на новую рубрику, выскажут свои пожелания, сообщат об интересном опыте. Открываем новый раздел темой, которая волнует многих — как лучше использовать в атеистической работе наглядные средства.

НАГЛЯДНО, ОБРАЗНО, ЭМОЦИОНАЛЬНО

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ

Хотя каждый организатор атеистической работы имеет, конечно, определенную теоретическую и практическую подготовку, наверное, не будет лишним напомнить здесь некоторые положения, которыми следует руководствоваться, применяя наглядные средства.

Атеистическое воспитание как необходимая часть единого комплекса коммунистического воспитания строится на ленинских принципах, которые закрепились в важнейших партийных документах, в Конституции СССР, законодательстве о религиозных культах и осуществляются на практике. В любой форме атеистической работы нужно руководствоваться этими принципами и теми практическими задачами, которые были поставлены решениями XXV и XXVI съездов КПСС, постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» и последующими партийными документами, учитывать особенности атеистического воспитания масс в период развитого социализма, сложность международной обстановки, попытки наших противников использовать религию в современной идеологической борьбе. При этом весьма важно помнить о том, что четкая идейная и мировоззренческая направленность всех форм пропаганды (в том числе и наглядной) должна всегда сочетаться с чутким и уважительным отношением к убеждениям и чувствам верующих.

Возросшие требования ко всем формам и методам воспитательной работы заставляют быть более взыскательными и к идейному, содержанию и эстетическому уровню наглядных средств пропаганды. Следует решительно изживать кустарничество, примитивизм, школярство, формализм. Как правило, обречены на неудачу попытки объять необъятное, осветить наглядными средствами, имеющими свою специфику, проблемы, которые требуют основательной теоретической подготовки, длительного исследования, а также иных форм подачи. Задача наглядных средств, прежде всего, — в краткой, образной и эмоциональной форме сообщить актуальную и интересную

информацию, которая дает не только определенную сумму знаний, делает более доходчивой ту или иную идею, но и — это главное! — побуждает к дальнейшему размышлению, к расширению кругозора.

Вряд ли стоит на стенде, в стенгазете, плакате браться за освещение сложных теоретических тем. Скажем, освещать ту или иную философскую проблему, говорить об общих задачах атеистической науки, излагать историю и учение одной из конфессий, вести полемику с теологами, давать обзор зарубежных клерикальных изданий. Если есть необходимость привлечь к ним внимание, то лучше отослать читателей к соответствующей литературе, дать короткий комментарий, порекомендовать, где и когда можно послушать лекцию на эти темы, где получить подробную консультацию.

С помощью же наглядных средств можно сообщить об интересном факте, событии, имеющем важное мировоззренческое значение, объяснить какой-то термин, понятие, рассказать о происхождении отдельных суеверий, религиозных обрядов, познакомиться с новинками атеистической литературы, дать ответ на некоторые вопросы, интересующие людей, и, напротив, задать тот или иной вопрос тем, кому адресована определенная экспозиция.

ГДЕ НАЙТИ И КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ?

Зрительный образ в системе средств наглядной пропаганды необыкновенно важен. Он привлекает внимание к теме, к тексту. Иллюстрации дополняют сообщаемую информацию, воздействуют на сознание через чувства, эмоциональные впечатления.

В качестве иллюстративных элементов в наглядной атеистической пропаганде могут быть использованы фотографии, вырезки из газет и журналов, ксерокопии редких текстов, книги, репродукции. Такой материал можно найти в журналах «Наука и религия», «Наука и жизнь», «Знание — сила», «Культурно-просветительная работа», «Семья и школа» и многих других. Помогут здесь и пе-

риодические сборники Политиздата «Атеистические чтения». Надо шире использовать и такие современные формы, как крупноформатные слайды, световые панно, эстампы, плакаты. Много можно приобрести в специализированных магазинах, заказать в художественно-оформительских комбинатах при местных отделениях Союза художников СССР.

Иллюстрации к тематическим экспозициям надо собирать постепенно. Заведите в своем хозяйстве несколько папок или конвертов, куда складывайте вырезки, открытки, репродукции, фотографии, объединенные общей темой. Например: «Человек и Космос», «Великие атеисты прошлого», «Древнерусская культура и религия», «Религия и дети», «Библейские сюжеты в живописи» и т. д. Материал для таких досок могут дать вырезки из журналов «Огонек», «Работница», «Крестьянка», «Советское фото», различные рекламные издания, иллюстрированные календари и т. д. Можно воспользоваться плакатами и комплектами издательства «Плакат», материалами фотокроники ТАСС, многообразной изопродукцией. Во многих музеях и крупных библиотеках можно заказать ксерокопии и фотокопии редких текстов, документов, иллюстраций в книгах, отдельных экспонатах.

Еще раз хочется подчеркнуть, что важна не столько сама иллюстрация, сколько сочетание ее с текстом, с той идеей, которую вы хотите подчеркнуть, обратив внимание зрителя и читателя на сюжет, историю, замысел создателя картины, фрески, архитектурного ансамбля.

Желательно, чтобы оформлением стендов и экспозиций занимались люди, имеющие необходимые навыки художника-оформителя. Видимо, стоит подумать и о том, чтобы ввести в программы подготовки пропагандистов, организаторов атеистической работы специальные теоретические и практические занятия, которые бы знакомили их с азами оформительского искусства, фотодела.

КАКИЕ ИЗДАНИЯ МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ ПОЛЕЗНЫМИ?

Основу любой экспозиции составляют текстовые материалы. Требования к ним — научность, актуальность, четкость и краткость изложения.

Напомним, что о новинках атеистической литературы, журнальных публикациях по проблемам научного атеизма и атеистического воспитания сообщается в каждом номере журнала «Наука и религия» (на 64-й стр.). Можно воспользоваться еженедельником «Книжное обозрение», указателями, которые издает Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, другие крупные библиотеки страны. Есть и другие рекомендательные издания, например

«Аргументы против религии» (сост. Г. Н. Белавенцева и др. М., «Книга», 1973), «Боги не умирают сами: что читать молодежи о религии и атеизме» (под ред. М. П. Новикова. М., «Книга», 1981). Много можно заказать по предварительным планам издательств «Мысль», Политиздат, «Наука», «Знание», «Советская Россия», «Искусство» и других.

Необходимы каждому активисту также сборники «К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о религии» (Политиздат, 1975), «О религии и церкви» (изд. 2-е. Политиздат, 1981), «Настольная книга атеиста» (изд. 6-е. Политиздат, 1981), «Словарь атеиста» (Политиздат, 1977), популярные издания «100 ответов верующим» (Политиздат, 1980), «Атеистические чтения» (Политиздат, периодические выпуски).

Общие принципы наглядной агитации изложены в книгах: А. В. Шумков. «Наглядная агитация» (Политиздат, 1973), И. Б. Миненков. «Диапозитивы и диафильмы» («Искусство», 1968), В. В. Гудков. «Наглядная агитация» («Московский рабочий», 1972), в брошюрах серии «В помощь художнику-оформителю и организатору наглядной агитации» издательства «Плакат». Полезные рекомендации художникам-оформителям постоянно дает в каждом номере и журнал «Агитатор».

НА ЗАВОДЕ, СТРОЙКЕ, В КОЛХОЗЕ

Наглядные формы атеистической пропаганды имеют свою специфику и в зависимости от того, какому коллективу, какой социальной группе они адресованы. По этому принципу мы и построили наши рекомендации.

Начнем с самой распространенной формы — с информационно-пропагандистских стендов, которые устанавливают или вывешивают в цехах и отделах заводов, фабрик, в вагончиках строителей, в правлении колхоза, совхоза. Желательно дать им постоянное название (от явно устаревшего «Уголок атеиста» советуем отказаться) и всякий раз при обновлении экспозиции объединять материалы привлекательным приглашением, обращением, вопросом. Например: «Прочти и расскажи товарищам», «Для вас, любознательные», «Это полезно знать всем», «Знаете ли вы?», «Как вы к этому относитесь?» и т. д.

Поместить такой стенд можно отдельно или в общей экспозиции, где сконцентрирована вся информация о жизни коллектива. Главное, чтобы стенд находился на видном месте, чтобы к нему было удобно подойти. Лучше всего сделать его небольшим, легким, обтянутым тканью или плотной бумагой, чтобы легко крепить на нем съемные элементы оформления.

На стенде можно разместить несколько постоянных разделов.

1. Информационный (одно из возможных названий «Что? Где? Когда?». Здесь вывешиваются расписания работы атеистических кружков, школ, семинаров и народных университетов с указанием тем и времени проведения предстоящих занятий, консультаций. Сюда же помещают объявления о предстоящей лекции или других мероприятиях, проводимых советом по научному атеизму, клубом, районным кабинетом политического просвещения.

2. Консультационный (например: «Спрашивайте — отвечаем»). Тут надо поместить небольшой ящик для вопросов и на площади в 2—3 столбца периодически давать лаконичные ответы на поступающие вопросы, дополняя их ссылкой на соответствующую литературу. Неплохой эффект тут может дать работа со сборником «100 ответов верующим», который содержит и вопросы, и ответы, и списки литературы по каждой теме.

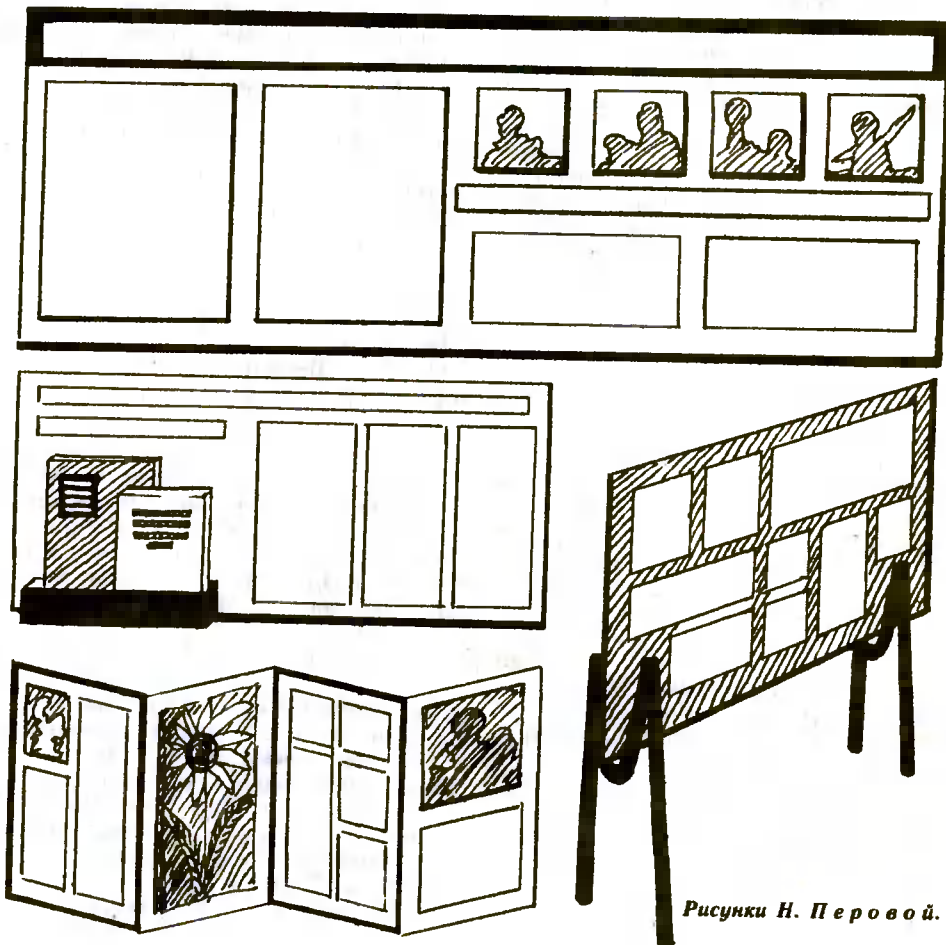
3. Рекомендательный («Советуем прочесть»). Это может быть прикрепленная к стенду полочка или неглубокий ящик для новых книг, брошюр, журналов, аннотаций на новинки в заводской библиотеке. Рядом можно вывесить список литературы по определенной теме, к предстоящей лекции, поместить вырезку из газеты, журнала с приглашением прочесть и обсудить эту публикацию с товарищами, в семье, высказать свою точку зрения.

4. Хроникальный раздел — это своеобразный календарь жизни коллектива, где сообщается о важных событиях (например, о чествовании передовика, посвящении в рабочие и т. д.) и даются несколько фотографий. Здесь можно поместить «молнию», «телеграмму», поздравление виновнику того или иного торжества. Такому разделу уместно дать и постоянное и сменные названия. Например: «Образ жизни — советский», «Дни нашей жизни», «Радость одного — радость общая» и т. д.

Если не позволяют возможности, можно ограничиться одним-двумя разделами. Или же, напротив, расширить круг затрагиваемых проблем и выделить дополнительно такие разделы: «Советы родителям» (по атеистическому воспитанию детей), «Традиции коллектива», «Мир наших увлечений» и т. д.

Наш художник предлагает несколько вариантов общего вида такого стенда и оформления его разделов.

Кроме стендов может быть и более общая иллюстрированная экспозиция, посвященная пропаганде советского образа жизни, социалистическим нравственным нормам, достижениям науки и культуры. Большую тематическую выставку лучше расположить в вестибюле, на заводском дворе, на центральной площади села, парка. А более камерную, затрагивающую один из аспектов жизни коллектива,

Рисунки Н. Перовой.

лучше устроить в красном уголке или уголке отдыха.

Но и в том, и в другом случае общий пропагандистский материал необходимо сочетать с более конкретным, взятым из жизни коллектива. Общий лозунг, цитата, цифры приобретают особое звучание, когда иллюстрируются хорошо знакомыми в коллективе фактами, событиями, отражающими повседневный общественный и личный быт. В таком сочетании по-иному смотрятся фотографии о труде и отдыхе коллектива, фоторассказы о жизни рабочей династии, реликвии трудовой славы и т. д.

Поищите нестандартное и привлекательное название для такой экспозиции, пропагандирующей, например, советский образ жизни, моральный кодекс нашего общества. Скажем, «Наши нравственные убеждения и идеалы», «Что для нас свято, чем мы дорожим», «Об этом мечтали, за это боролись наши деды и отцы», «Завоевания старших — завещание молодым» и т. д.

В ШКОЛЕ, ВУЗЕ, ПТУ

В любом учебном заведении наглядная пропаганда, адресуясь к молодому зрителю, собеседнику, должна учитывать особенности возраста, быть броской, динамичной, увлекательной. При постоянстве места самой атеистической экспозиции желательно всякий раз прибегать к новым формам в подаче материала, в его художественном оформлении. Здесь основной упор, как нам кажется, надо делать на новизну и информационную насыщенность помещаемых материалов, на некоторый интригующий аспект в названии стендов, в текстах, на современную форму подачи иллюстраций.

На наш взгляд, уместен в учебном заведении информационный стенд примерно с теми же разделами, что и для производственного коллектива. Только в характере вопросов и в рекомендуемой литературе надо отразить школьную, вузовскую специфику, теснее связать атеистическое просвещение молодежи с курсом учебных дисциплин. Хорошо бы иметь небольшие стенды в каждом предметном кабинете школы, на ряде кафедр в вузе.

В школьном коридоре или в библиотеке можно поместить полку-витрину с приглашением-призывом «Проверьте свою эрудицию!». Для начала напишите крупно несколько специальных терминов и предложите желающим объяснить их значение. Проверить себя может каждый, заглянув потом в выставленный тут же «Словарь атеиста». Другой вариант — «Что вы знаете об этих ученых, философах?». На стенде — портреты нескольких естествоиспытателей, астрономов, физиков, философов (можно поместить рядом их книги,

цитаты из их трудов, высказывания о них). В этом случае предлагается рассказать о научных заслугах этих ученых и их философских, атеистических убеждениях.

Интересной может быть экспозиция, посвященная тем или иным нравственным понятиям и отношению к ним молодежи. Здесь можно дать несколько известных афоризмов, цитат, а рядом поместить выдержки из школьных сочинений или ответов на анкету, сопоставить разные мнения и предложить каждому самому ответить на поставленный вопрос. Он может или содержаться в названии экспозиции, или завершать ее. Например: «В чем вы видите смысл жизни?», «Назовите 10 заповедей, которые являются для вас главными нравственными ориентирами» и т. д.

Тем, вариантов тут может быть немало, но важно помнить, что каждая экспозиция, рассчитанная на молодого зрителя, читателя, должна содержать конкретное задание, побуждающее его к самостоятельному поиску ответа, решения, к удовлетворению любознательности, проявлению своей эрудиции.

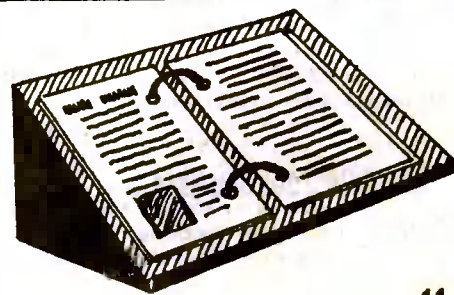
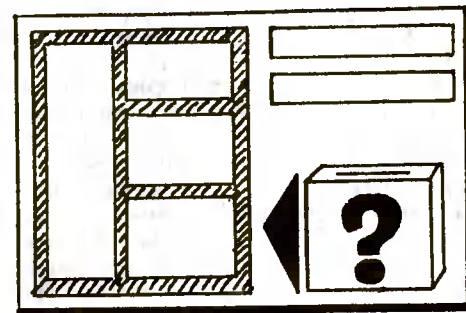
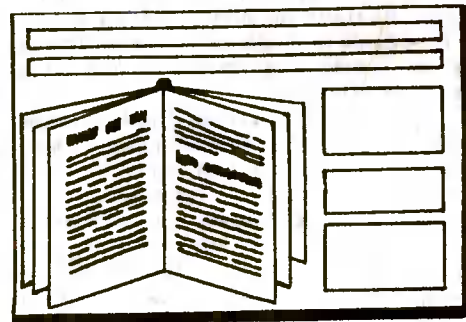
В КАБИНЕТЕ ПОЛИТПРОСВЕЩЕНИЯ, БИБЛИОТЕКЕ

Экспозиция в кабинете политического просвещения адресуется пропагандистам, лекторам, организаторам атеистической работы, слушателям кружков, школ и народных университетов научного атеизма, то есть довольно широкому кругу актива. Поэтому ей стоит отвести в кабинете постоянное место и достаточную площадь. На стене лучше расположить материалы общего и постоянного характера: высказывания классиков марксизма-ленинизма, списки литературы, расписание занятий, объявления о лекциях и консультациях. Здесь же можно помещать тематические, периодически меняющиеся экспозиции (хорошо, если они будут соответствовать темам предстоящих занятий). На полках, к которым удобно подойти, выставьте книги с аннотациями, раскрытые на нужной странице (если хотите привлечь внимание к определенной цитате, положению, разделу). Можно разместить и группу книг, брошюр, журналов, объединенных общей темой, общим автором. Новинки лучше выделить отдельно.

На приставных столиках удобно разложить журналы («Наука и религия», «Вопросы философии», «Слово лектора», «Политическое самообразование», «Агитатор» и другие), альбомы с газетными вырезками, картонные ящики с рекомендациями, что и где прочесть по той или иной теме, с аннотациями на имеющиеся в кабинете слайды и диафильмы. Здесь же можно поместить различные методические материалы, справочники.

Похожим может быть оформление стенда, книжной выставки или даже специального раздела в обычной массовой библиотеке, читальном зале. Только экспозиция здесь должна носить более широкий и эмоциональный характер, быть рассчитана на веряющих и неверяющих, молодых и пожилых, на людей различного уровня подготовки. Для постоянных выставок можно, к примеру, предложить, такие темы: «Великие атеисты прошлого» (дать портрет ученого, писателя, философа, поместить рядом его сочинения, кратко изложить биографию, посоветовать литературу о нем), «Религия и культура» (тему можно широко иллюстрировать книгами, альбомами, репродукциями шедевров мирового искусства, интересными высказываниями). Книжки, монографии, освещающие эту проблему, газетные и журнальные статьи можно объединить крупно написанным вопросом-призывом «А что думаете об этом вы?»

Многих могут заинтересовать такие темы: «В чем смысл жизни?», «Бессмертие подлинное и мнимое», «История одного суеверия», «Человек. Разум. Вселенная». Попробуйте дать серию высказываний по этим проблемам великих людей, отражая разные хронологические эпохи или по странам, характеризуя общечеловеческий интерес к ним. Можно сопоставить два разных мировоззрения, раскрыть религиозный и атеистический

кий подход к одной и той же проблеме.

В ДОМЕ КУЛЬТУРЫ, КЛУБЕ

Очень широк выбор вариантов для оформления интерьеров клубов, домов культуры. Здесь удачно используются в сочетании элементы живописи, скульптуры, световые панно, навесные и приставные стенды, даже музыкальное оформление. Вот несколько тем для такой экспозиции: «Человек и Космос», «Всем нам дорог мир на планете», «Мы дружной и правой сильны», «Осуществленные мечты».

Хорошо смотрятся и вызывают неизменный интерес работы фотолюбителей, объединенные четкой идейной направленностью. Одну из них можно назвать «След на земле». Фотопортреты или сюжетные фотографии лучших людей коллектива, района, города надо смонтировать с иллюстрациями иного плана, воспевающими преобразующий труд советских людей, представителей разных профессий, — строительным или сельским пейзажем, видами новых городов, рукотворных морей, крупных новостроек. Или «Гимн человеку». Это может быть смешанная экспозиция фотографических работ и репродукций известных картин, которая раскрывает величие человеческого разума, богатого духовного мира, высоких нравственных идеалов советских людей. К каждой фотографии, картине можно подобрать стихотворные и прозаические отрывки из книг известных авторов, высказывания великих людей.

Фотовыставка или выставка рисунков, карикатур и шаржей может носить и полемический характер, если соответствующий изобразительный материал сопроводить таким, например, названием — «Что это — мода или убеждение?» (в качестве иллюстраций можно, к примеру, дать изображения молодых людей с крестиками на шее в виде украшения, интерьер современной квартиры с иконами на стене и т. д.).

Продуманным и выдержанным в доверительной и тонкой тональности, нам кажется, должно быть выполнено оформление всех клубных интерьеров и гостиных, чтобы каждый его элемент создавал настроение, располагал к раздумьям, к беседе и в то же время рождал оптимистическую, жизнеутверждающую гамму чувств. Тут не последняя роль принадлежит и освещению, подчас излишне яркому даже там, где людям хочется отдохнуть, доверительно, без помех побеседовать друг с другом.

ТАМ, ГДЕ МЫ ЖИВЕМ

Атеистическая работа по месту жительства имеет особое значение, так как именно в семье происходит

воспроизводство религиозности, передача веры в бога от старших детям. Надо также иметь в виду, что большая часть верующих — это пожилые люди, пенсионеры, домашние хозяйки. Этой категории людей следует уделять особое внимание. Прежде всего, видимо, надо позаботиться о соответствующем оформлении помещения, где они собираются, учесть их вкусы и потребности. Здесь важна теплая, уютная, радужная атмосфера, располагающая к неторопливости, отдыху и общению, чтобы обстановка напоминала домашнюю и всем было удобно сидеть.

Летом пожилые люди, матери с детьми собираются во дворе, в саду. Здесь тоже надо создать соответствующую обстановку, оформить и обустроить полюболюбившийся им уголок двора, сада, разместить тут застекленные стенды (типа газетных витрин), выставки, которые помогут им получить интересную информацию и с пользой провести свободное время. Есть несколько вариантов оформления дворовых агитплощадок (этому посвящены несколько специальных работ издательства «Плакаты»).

Тут уместны и приемлемы многие формы, о которых уже рассказывалось выше. Можно посоветовать периодически вывешивать в застекленной витрине наиболее интересные для такой аудитории материалы из журнала «Наука и религия». Думается, нетрудно организовать в жэках, красных уголках, дворовых агитплощадках тематическую выставку «Наши ветераны — наша гордость» (серия портретов заслуженных людей, живущих в микрорайоне, с короткими данными о каждом из них). «Страницы семейного альбома» — так можно назвать фоторассказ о большой семье или рабочей, сельской династии, известных в районе.

Всегда тепло воспринимаются выставки детского рисунка (их можно сопровождать и высказываниями ребят на атеистическую тему, например как объясняют сегодняшние дети ушедшие из нашей жизни дореволюционные и религиозные понятия). Такой выставке следует придать атеистическую направленность, дав соответствующее название. Например: «Земля и небо глазами детей», «Что на свете всего дороже?» и т. д.

Можно периодически устраивать в жэках выставки цветов, различных поделок, выполненных жителями микрорайона, — все это будет отличной формой агитации за активный образ жизни и творческий, содержательный досуг, осуществлением той важной мысли, что только делаем своими значительным и памятным человеком на земле. Кстати, и само оформление красного уголка, домового клуба с большой охотой и удовольствием возьмут на себя умельцы дома, улицы, микрорайона.

Советуем оформить в красном уголке или на уличной витрине справочно-информационный стенд с несколькими разделами: «Спрашивайте — отвечаем», «Знаете ли вы?», «Советы родителям», «Прочти и расскажи соседям», «О наших праздниках» и т. д.

Хорошо бы иметь в каждом микрорайоне обрядовые комнаты, свой небольшой музей, мемориал в честь знаменитого человека, именем которого названа одна из улиц.

В МЕДИЦИНСКОМ УЧРЕЖДЕНИИ

Просветительная работа в медицинских учреждениях имеет давние традиции, и, как правило, здесь неплохо поставлена и научно-атеистическая наглядная пропаганда, отработаны специфические ее формы. Но все же хотелось бы сделать несколько замечаний.

Большая часть наглядной пропаганды — стенды, листки, бюллетени, световые табло — в поликлиниках, лечебницах, медпунктах располагаются на стенах. А ведь это удобно далеко не всем больным. Поэтому, наверное, лучше помещать необходимую информацию и пропагандистские, просветительские материалы иначе. Например, в форме распахнутого листа, укрепленного на палке, — так его сподручнее держать и, кстати, тут достаточно большая площадь для объемного пропагандистского материала. Полка-подставка, где текст излагается на листах, укрепленных как перекидной календарь, тоже удобна. Ее можно поставить на столик у кресла, держать на коленях и переворачивать страницы по мере надобности. Удобен и настольный альбом.

Второе замечание касается уже не формы, а содержания наглядных средств в лечебных учреждениях. Большинство из них посвящено здоровью человека, профилактике заболеваний. Это, конечно, естественно, но односторонне. Думается, именно в медицинском учреждении должны присутствовать экспозиции жизнеутверждающего характера, пропагандирующие идеи долголетия, активного образа жизни, пользу труда и самовнушения, рассказывающие об огромных возможностях человеческого организма, о перспективах развития медицинской науки, биологии.

* * *

В нашей консультации мы не затронули многих вопросов, касающихся использования наглядных средств в атеистическом воспитании. Мы предполагаем еще не раз возвращаться к этой теме, будем освещать и общие и частные проблемы, отвечать на ваши вопросы и пожелания. А от наших читателей ждем откликов, дополнений к сказанному, уточнений, советов, рассказов об интересном опыте.

В. КОЛЕСНИКОВА,
специальный
корреспондент
журнала
«Наука и религия»

НАША ХАМИС

Так называли эту невысокую, всегда подтянутую, с гладко зачесанными волосами женщину в дагестанском селении Усиша, где она учительствовала почти четверть века, — «нищала Хамис» — наша Хамис. Так называют ее сегодня во всей республике — два года назад ей был доверен высокий пост секретаря Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР...

Хамис Абдусаламовна Казиева казалась бы очень строгой, если бы не ее добрый взгляд и открытая дружеская улыбка. Она из тех, о ком с первых минут знакомства знаешь: «Вот хороший человек», и это первое впечатление не обманывает и через годы.

Биографию ее можно было бы считать обычной — в ней те же вехи, что у тысяч ее сверстниц, кому теперь за 50. Можно было, но ведь родилась она в глухом горном селении, где до Советской власти люди жили в нищете, а до их существования не было никому дела, где не случалось такого, чтобы чья-нибудь дочь выучилась грамоте настолько, чтобы учить дру-

гих. Но ей посчастливилось родиться, когда самые дальновидные уже посылали своих дочерей учиться. Среди таких был и ее отец, Абдусалам Казиев. Этот скромный человек в рядах красных партизан бился за Советскую власть в Дагестане. Он страстно хотел, чтобы все его семеро детей выучились грамоте. И они выучились.

Но нелегко побеждало новое в сознании людей, и даже летом 1947 года, когда Хамис окончила педучилище в Дербенте, отпускать дочь из дома было делом необычным. Хамис не была уверена, что родители разрешат ей поехать учиться в Дагестанский женский учительский институт. Однако отец сразу согласился.

— Что ж, хорошее это дело, дочка, — сказал он, — поезжай.

...Ректор института Изумруд Гаджиевна Губаханова приветливо встретила новенькую, по заведенному порядку побеседовала с нею. Знала, что многим нелегко это давалось — приехать на учебу, что нужно девушкам участие, ласковое слово, совет.

— На каком факультете хочешь учиться?

— Хочу хорошо знать русский язык.

— Да ты знаешь его хоть немного?!

Хотела было ректор отговорить девушку, знала, что будет ей трудно, но уловила во взгляде твердую решимость, почувствовала силу духа.

— Что ж, примем, учись.

Хамис училась с упоением. «Способная», — говорили про нее одни. «Трудолюбивая», — говорили другие. И те и другие были правы. Хамис любила за доброту, за чуткость и деликатность, за то, что она была справедливой.

Через восемь лет после того, как уехала она из отчего дома, дорога жизни вернула ее в родное село Усиша. Здесь она осталась на четверть века. Сначала учительствовала, через несколько лет ее назначили директором Усишинской средней школы. Немало трудностей пришлось преодолеть: родители, например, противились тому, чтобы дети, особенно девочки, продолжали учиться после восьми классов.

— Читать, писать, считать умеет,

а большего и не надо,— рассуждали в таких случаях.

Что тут было делать? Одна бы Хамис вряд ли справилась бы, но у нее были отличные помощники — кого-то, как говорится, судьба послала, многих сама выпестовала, воспитала.

Хамис Абдусаламовна всегда с теплотой и благодарностью вспоминает этих людей: Исагаджи Магомедов, ее бывший ученик, потом пионервожатый, комсомольский секретарь, учитель Абдулгамид Гаджиев, Даудгаджи Сулейманов — тоже комсомольский вожак, секретарь парторганизации Г. Д. Газиев, преподаватель русского языка М. С. Гаджиев. Передавая им свой опыт, она и сама у них училась, ведь настоящий учитель — это и вечный ученик.

Они устраивали родительские собрания, приглашали иных родителей вместе с детьми, убеждали, а то и упрощали:

— Ваша девочка очень способная, она хочет стать зоотехником. Помогите ей — мы еще все гордиться ею будем.

Чаще всего приходилось уговаривать верующих родителей. Проходили годы, и слова эти сбывались, родители горделиво приосанивались, когда хвалили их детей — теперешних усишинских врачей, зоотехников, учителей, работников совхоза разных специальностей.

Еще Хамис Казиева вместе с коллегами вела настоящую битву за новый сельский быт. Тут надо было действовать через женщин и, конечно, через девушек — будущих хозяек, матерей. Именно их надо было учить новому быту. Где? Как? Хамис Абдусаламовна организовала в Усиша клуб девушек.

Как обставить комнаты в доме, чтобы было уютно и удобно, как вкуснее приготовить обед, как пользоваться электроприборами, как одеваться девушке и как — взрослой женщине, как воспитывать детей — все эти вопросы бытового и нравственного воспитания в клубе старались обсуждать наглядно: лекции и беседы сопровождали показом фильмов, а после них вели практические занятия. Хамис Казиева умела «заманивать» в село лучших специалистов республики — врачей, кулинару, историков, психологов, искусствоведов, социологов, они и вели заседания клуба. По примеру Усишинского были созданы клубы в других селах и районах республики. Теперь эти клубы называют университетами культуры. Клуб, созданный в Усиша Х. А. Казиевой, тоже превратился в университет, и она стала его первым ректором.

Одни проблемы, которые когда-то стояли перед клубами, уже стали историей, другие до сих пор остаются актуальными. Сначала на занятия клуба немного собиралось народу, но скоро чуть ли не все жители села

захотели посещать организуемые здесь мероприятия, хозяйки же его всегда радовались гостям. Круг тем занятий и встреч расширялся, поэтому и перерастали такие клубы в университеты культуры села.

Хамис, просвещая девушек, понимала, что одним из главных направлений этой работы должно быть их атеистическое воспитание — большинство росли в семьях, где еще сильны были религиозные традиции. Девушки, охотно участвовавшие в самых разных беседах, когда речь заходила о религии, замыкались, а некоторые говорили: «Коран — книга священная, нельзя ее опровергать». Тогда совет клуба, куда входили девять женщин — учителя, врачи, члены совета старейшин села, включил в программу занятий циклы лекций о религии, о Коране и его толкованиях, рассказы о прошлом религий, о современных верованиях, о роли религии в истории народов. Интересно, что на эти лекции стали приходить верующие. Многие из них впервые получали такую информацию. На лекциях задавали немало вопросов, а убедительность ответов, доброжелательность лекторов, уважительное отношение к их убеждениям, готовность разъяснить непонятное меняли их отношение к людям, не исповедующим ислам, к атеистам.

И в школьной работе Хамис Казиевой преодоление религиозных предрассудков, воспитание у детей правильного отношения к религии было одним из основных направлений. В школу она приглашала психологов, врачей, социологов — для бесед и с учениками, и с их родителями. Чего стоило ей, например, показать вред, который приносит девушке раннее замужество, освященное исламом. Прошел не один год, прежде чем исчез этот обычай.

Вместе с активистами села Х. А. Казиева немало сделала для того, чтобы уходили из быта устаревшие обряды, противоречащие нашему образу жизни.

— По обычаю, свадебные обряды совершались 10 дней, а то и дольше,— рассказывала Хамис Абдусаламовна. — А в сельской местности у людей множество родственных связей — близких и дальних. И вот в дни свадеб в Усиша, как и в других селах района, многие не выходили на работу, а классы в школе были полупустыми. Можно ли было мириться с этим? Конечно, мы разъясняли, уговаривали, иной раз и к советам взывали. Но потом решили действовать иначе. Предложили проводить их в два дня — субботу и воскресенье. Совет старейшин сначала отнесся к этому с недоверием, но аксакалов убедили, и они нас поддержали. Нас — это совет университета культуры. Мы подготовили хороший сценарий, где были и национальные обычаи учтены,

и современные обряды вводились. Очень веселая, интересная получилась свадьба, всем понравилась, многие захотели, чтобы и у их детей такая же была. Теперь всем кажется странным, что можно было пировать 10 дней.

В Усишинской школе под руководством директора атеистический кружок выпускал стенгазету «Из мрака к свету». Каждую неделю звучала атеистическая страничка в передаче школьного радио. Хамис Абдусаламовна, как со взрослыми, серьезно и детально обсуждала с ребятами тексты передач и газеты. Тут надо было иметь в виду и такой деликатный момент: разъясняя детям смысл религии, нельзя было подорвать их уважение к верующим родителям, дедушкам, бабушкам. Хамис не устала разъяснять, почему прежде почти все были верующие, как укреплялись религиозные предрассудки и почему они еще живут и в наше время. Во всяком случае, верующие семьи никогда не упрекали ее за то, что она просвещает их детей.

Атеистические вечера в школе проходили с участием родителей, старейшин села. Они рассказывали об обычаях и укладе жизни в дореволюционном Дагестане, и для молодого поколения — это будто живые картинки далекого прошлого, о котором они, к счастью, знают только понаслышке. Хамис Абдусаламовна объясняла детям, что осталось от прошлого и почему. Просветительной, воспитательной работой в Усиша занимается вся сельская интеллигенция, все учителя школы, врачи, агрономы, работники клуба, детсада, яслей — этого добились Хамис Казиева. Многие из отряда усишинских пропагандистов — выпускники ее школы.

Во всем, что сделано в Усиша хорошего за последние два десятилетия, есть немалая доля ее труда. Тут план социального развития совхоза, согласно которому в селе появились родильный дом, пекарня и клуб, магазины и интернат горянок и многое другое, и составлялся с ее участием, и выполнялся не без ее помощи. Ссорилась, бывало, с руководством совхоза «Усишинский», но добивалась своего. Сами же руководители были ей потом благодарны. Ведь не для себя старалась Хамис, а для общего блага.

— В последнее время,— вспоминает Х. А. Казиева,— многие, когда-то сложные проблемы просто отпали. Если в 50-х годах отправить девочку на учебу было нередко почти трагедией, то сейчас это выглядит так: является возмущенный родитель или оба вместе и обиженно спрашивают: «Почему нашу девочку не отправляют в институт? В чем дело?» Это радостное явление. Еще меня радует, что сейчас буквально во всем обнаруживаются новые черты в жизни сельской

семьи. Какие же? Участие в хозяйстве дочери и сына — в равной степени, доверительные отношения между матерью и взрослой дочерью — раньше это считалось неудобным. Женщина в семье обрела новые права. Многие верующие старшего поколения отказались от навязывания веры младшим.

...Невозможно рассказать обо всех делах и заботах Хамис в пору ее директорства в Усиша. Признание ее заслуг и как директора школы, и как депутата Верховного Совета республики, и как педагога — в звании Героя Социалистического Труда. В Усиша не удивлялись тому, что она никогда не отделяла семейные заботы от других. И обе ее дочки это хорошо понимали. Они с детства были хорошими помощницами по дому, разделяли все ее заботы. А Хамис Абдусаламовна была им другом, советчиком. Сейчас Зубалжат окончила исторический факультет университета, Гидаят учится в медицинском институте.

Март 1980 года стал поворотным в судьбе Х. А. Казиевой — ее избрали секретарем Президиума Верховного Совета Дагестанской АССР.

— Когда это произошло, — рассказывает Хамис Абдусаламовна, — все в Усиша радовались за меня, поздравляли, но и такой эпизод произошел: старейшины села советовались с районным начальством: «Если мы, все жители селения, напишем заявление и попросим нашу Хамис вернуть?» Я понимаю, такое звучит наивно, но для меня это — бесценная награда... Часть моей души всегда будет принадлежать школе, моим ученикам, моему родному селу. Я часто навещаю Усиша, школу, по-прежнему в курсе всех их дел. И сельчане не забывают меня. Когда бывают в Махачкале, всегда заходят.

...Все еще непривычно усишинцам, что нет в селе Хамис Казиевой. Но остались там ее ученики — учителя, зоотехники, врачи, агрономы, ветеринары. Они научились у нее главному — работать для своего народа, не успокаиваться, щедро делиться с людьми всем, что есть.

ПРЕДАН- НОСТЬ ДЕЛУ

Е. ЕЛАГИНА,
специальный
корреспондент
журнала
«Наука и религия»

Работы
учителя рисования
из Кунграда А. Атабаева.

В САМОМ ЦЕНТРЕ Нукуса — столицы Каракалпакской АССР, — на большой замощенной плитками площади, на втором этаже светлого двухэтажного здания (на первом — краеведческий музей) размещился Государственный музей искусства. Из окон, выходящих в квадратный внутренний двор, видна массивная крышка врытой в землю цистерны для воды. Она напоминает о том, что совсем рядом с городом начинается пустыня — весной серо-зеленая, заросшая жесткими, колючими растениями с сероватой матовой листвой, летом — выгоревшая, желто-серая. Однако здесь, возле музея, поверить в это трудно: деревья по краям площади дают плотную прохладную тень, трава на газонах — густая и свежая.

По широкой мраморной лестнице поднимаются посетители музея. Галерея — узкий коридор вдоль всего внешнего периметра здания — и многочисленные комнаты — отсеки заполнены живописными полотнами, предметами прикладного искусства, витринами с ювелирными изделиями, скульптурой, античной и средневековой керамикой, предметами кочевого быта.

Посетитель, попавший сюда впервые, поражается не только обилию экспонатов, но и тому, что здесь собраны произведения высокого искусства: ценные археологические находки, уникальная коллекция декоративно-прикладного искусства каракалпачков XIX — начала XX века, замечательное собрание советского изобразительного искусства. При этом следует иметь в виду, что в залах удалось разместить лишь малую часть сокровищ. Здесь 40 тысяч единиц хранения, хотя музей существует всего 16 лет. Трудно поверить, что собрал все это богатство, составил красочные экспозиции практически один человек — бессменный директор му-

зея Игорь Витальевич Савицкий.

Вот он стоит у входа в зал — немолодой человек, худой и сутулый, с тихим голосом и неожиданно резкими движениями. Подхожу поближе и слышу: Савицкий в пух и прах разносит молоденькую девушку — смотрителя зала. Их тут немало — вчерашних десятиклассниц. Они должны следить за сохранностью экспонатов, занавешивать окна в солнечные дни и открывать их, когда нет прямых лучей солнца, — ведь картины не переносят ни яркого света, ни длительного пребывания в темноте, ни резкого перепада температуры. «Капризничают» не только картины. Изделия из дерева не терпят чрезмерной сухости и высокой влажности; серебро не выносит прикосновений, ковры необходимо систематически проветривать на свежем воздухе, а они тяжеленные. Одним словом, дел хватает. Но не всех 18-летних зрителей эти заботы трогают по-настоящему. И бывает, что Савицкий, махнув рукой, сам закрывает окна, смахивает пыль с витрины, передвигает тяжелую скульптуру...

В свободные часы Игорь Витальевич спускается во двор к своим любимым розам, долго возится с ними. А между тем ему вредно быть на солнце, нельзя поднимать тяжести, вообще нельзя жить в этом климате летом. Но уговорить его полежать, отдохнуть хотя бы немного — бесполезно. Все последние полтора десятилетия каждая минута его жизни полностью принадлежит музею, ему отданы силы и здоровье, время и личные коллекции. Многотрудные обязанности и администратора, и собирателя, и хранителя сокровищ искусства почти не оставляют ему времени самому заниматься живописью. А ведь Савицкий — талантливый и тонкий художник.

Рисовать он начал еще в детстве, но после школы пошел в ФЗУ, работал на

заводе. Однако тяга к живописи была сильна, и он поступил сначала в Московское художественное училище имени 1905 года, затем — в художественный институт имени В. И. Сурикова. Началась война, институт отправили в эвакуацию. Так Савицкий впервые очутился в Средней Азии, в Самарканде, буквально «заболел» Востоком (это, впрочем, случалось со многими европейскими путешественниками, художниками, учеными). Ему казалось, что все тут совсем иное — дома, растения, краски, звуки — очень впечатляющее, яркое, проникающее в душу. И он вернулся. Сначала приехал сюда как сотрудник Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, затем перешел на работу в Каракалпакское отделение Академии наук Узбекистана и остался в Нукусе — теперь уж, судя по всему, навсегда.

Эпохи и века, как волны, набегали на плоские здешние равнины и, уходя, оставляли руины городов и кладбища, обломки орудий труда и осколки керамики. Бесчисленные свидетельства старины лежат в земле Каракалпакии. Пустыня засыпала песком старые ирригационные сети, оплывшие курганы скрыли развалины городов, дворцов и культовых сооружений. Остатки караван-сарая и высоких сторожевых башен отмечают трассу древнего торгового пути вдоль западного побережья Аральского моря. До сих пор в Каракалпакии можно видеть чудом уцелевшие стены феодальных замков и старинных крепостных построек.

Вместе с археологами И. В. Савицкий побывал на раскопках многих памятников древности, сам находил бусины, терракоту, осколки расписной и рельефной керамики, пролежавшие в земле тысячи, полторы, а то и две с половиной тысячи лет. Попадались и статуэтки, изделия из бронзы и серебра. Особенно интересными каза-

лись ему оссуарии — своеобразные четырехугольные или овальные глиняные урны, в которых хранили прах умерших огнепоклонники-зороастрийцы. Этот культ у местных племен существовал вплоть до X века и целых два века сопротивлялся натиску ислама.

В этих экспедициях возникла у Савицкого любовь к археологии. И он старается привить ее своим коллегам. Работники музея постоянно участвуют в раскопках, с помощью археологов пополняют коллекции. Недавно, например, были выставлены тут новые находки керамики XII века из крепости Джампек: чаши из глины, более легкой, чем фарфор, тальковое блюдо на ножке, украшенное растительным орнаментом, керамический фонарь со светильником...

История каракалпаков до сих пор во многом еще остается неясной ученым, поскольку этот народ не имел ни своей государственности, ни своей письменности. А ведь он был известен еще во времена Чингисхана и Тамерлана. В русских летописях XVII века упоминаются каракалпаки («черные клобуки»), помогавшие русским отбить нападения половцев.

В конце XVII — начале XVIII века каракалпаки осели в нижнем течении Сырдарьи, здесь на них совершали набеги хивинские ханы. В середине XVIII века часть каракалпаков приняла русское подданство. В начале XIX века каракалпаки оказались в зависимости от Хивинского ханства и судьба их сложилась печально. «Возмутительно насилие, с каким ханское правительство угнетает этих несчастных тружеников»; «Эти несчастные, изнуренные трудом и недостатками и угнетенные чиновниками хивинского хана, едва покрытые лохмотьями своей ветхой одежды, — представляют живую картину нищеты», — такие горькие замечания встречаем мы у русских путешественников XIX века. А известный

французский исследователь Э. Реклю, автор знаменитой «Новой Всемирной географии. Земля и люди», изданной в конце прошлого века, считал, что народ этот обречен на полное исчезновение и забвение.

Советская власть спасла каракалпаков и от физического исчезновения, и от забвения. «Мы вправе гордиться тем, что в общем строю с трудящимися всех наций страны народы бывших национальных окраин, обремененные прежде на вековую отсталость... достигли высот социального прогресса», — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских

кни), скрупулезно собирал предметы старого быта, национальную одежду, украшения.

Возвращаясь, Игорь Витальевич и его сотрудники сами стирали старые, извлеченные из сараев и чуланов тряпки (они на глазах превращались в тканые полосы и парадные женские наряды несказанной красоты), тщательно срисовывали, изучали и классифицировали национальные орнаменты. Орнаментов тут бесконечно много, и их происхождение теряется во тьме веков. В народе они получали причудливые названия — «брови горной куropатки», «шея гуся», «лапы вороны», «след верблюда», «копыта жеребенка». Многие имеют

И. В. Савицкий.

Социалистических Республик».

С середины 20-х годов многочисленные экспедиции изучают историю, фольклор, быт этого народа. Работая в этнографической экспедиции, И. В. Савицкий вдоль и поперек объездил республику, побывал во всех городах, кишлаках, оазисах, горах и урочищах. Он почтительно вел бесконечные беседы с глубокими стариками и старухами (кажется, он знает всех патриархов Каракалпа-

и символическое значение: рога, например, олицетворяют мужество, голубой цвет — цвет воды, то есть жизни, следы зверей ведут к воде — они тоже означают жизнь... Орнаменты часто служат ученым нитью Ариадны при изучении дописьменной истории человечества.

Когда сотрудники Савицкого составили из своих находок коллекцию, оказалось, что прикладное искусство каракалпаков прекрасно и гармо-

нично. Оно все построено на цветовом контрасте между спокойным, чуть мерцающим фоном степи или интерьера юрты и красочными пятнами женских нарядов. На светлых, спокойных войлочных стенах юрты выделялись коричнево-красные и охристые тона с вкраплением красных, синих, голубых, зеленых пятен. Местные мастерицы комбинировали в одной полосе различные ткани, подстригали на отдельных участках ворс, вводили в узор множество тончайших оттенков одного и того же цвета, и ткани начинали мерцать и переливаться. Женская одежда отличалась гармоничностью и изысканностью: темно-синее платье с

красно-малиновой вышивкой, полосатый халат с вышитыми нарукавниками из красного с черным сукна, золотистый головной убор с розовыми кораллами. Женщины любили серебряные украшения: подвески, кольца, бляхи, браслеты с множеством цепочек и колокольчиков. Ювелирные украшения продавали редко — оставляли их в семье, и они переходили от одного поколения к другому. Обычно после рождения первого ребенка молодая мать большую часть своих украшений отдавала своей более молодой родственнице. Девочек обучали ткачеству и вышиванию с семи-восьми лет, к 18 годам каждая должна была вышить для себя сва-

дебный наряд и другое приданое.

Естественно, что с появлением фабричной одежды ремесло это исчезло. Однако Игорь Витальевич думает организовать при музее мастерские народного творчества — чтобы возродить и сохранить эти прекрасные ремесла.

И. В. Савицкому удалось собрать немало произведений талантливых художников, работавших в 20—30-х годах в Средней Азии, — А. Н. Волкова и Н. Г. Карахана, М. И. Курзина и Е. Л. Коровай, А. В. Николаева (Усто Мумина) и Н. П. Ульянова. Завороженные совершенством местного декоративного искусства, они пытались использовать его язык в своих работах. Их деятельность оказала большое влияние на развитие художественного творчества в Средней Азии. И если вспомнить, что в течение сотен лет мусульманское духовенство жестоко преследовало попытки изображать людей и животных, то можно представить себе, какой важный атеистический заряд несло творчество этих мастеров*.

Коллекция, собранная И. В. Савицким, убедительно показывает, как советское искусство решительно преодолевало религиозные запреты и догмы. В музее представлены работы и тех художников, чье творчество, по мнению И. В. Савицкого, оказывало заметное влияние и на узбекскую школу живописи, — это полотна А. В. Шевченко, К. Н.

Истомина, В. И. Шухаева, Р. Р. Фалька, П. В. Кузнецова, В. А. Фаворского, А. С. Глаголевой-Ульяновой, К. Н. Редько.

Начинался музей в Нукусе очень скромно — первые экспонаты помещались в трех небольших комнатах. Но Савицкий обладает способностью заражать своим увлечением самых разных людей — старожилы приносили ему предметы старинного быта, свой вклад в собрание музея вносили этнографы, художники, журналисты — все, кого интересовали история, культура, народное творчество каракалпаков. Потом пришла мысль, что музею в Нукусе нужны не только предметы народного искусства и археологические коллекции, но и современная живопись и скульптура. Иначе говоря, музей этот будет подлинным культурно-просветительным центром.

Эти свои соображения И. В. Савицкий высказал руководителям республики. Его поддержали — выделили комнаты, отпустили средства, помогли с жильем и транспортом... Сейчас для музея строится новое здание.

Возникнув, музей быстро приобрел множество друзей. Прежде всего вокруг него сплотились самодеятельные художники. Вечно спешащий, по горло загруженный делами, Савицкий уделяет им много времени и внима-

*См. статью Г. Керимова «Как ислам относится к искусству?». «Наука и религия», 1980, № 4.

Н. В. Кашина. «Медник», 1948 г.

В залах музея.

ния. И они тянутся к нему, прислушиваются к его мнению, следуют его советам. Среди его учеников и почитателей — учитель рисования и резчик по дереву из Кунграда А. Атабаев и молодой живописец из дальнего колхоза А. Утегенов. Работы его — яркие, сказочные пейзажи — побывали на многих выставках.

• Быстро растет популярность музея. Теперь его ежегодно посещают более 55 тысяч человек. Кроме лекций и экскурсий, здесь организуются выездные выставки, ведется обмен с другими музеями страны. Коллекции из Нукуса известны сегодня далеко за пределами республики, их знают и любители живописи, и специалисты. И считают, что без них общая панорама советского изобразительного искусства была бы неполной.

На проходившем в Доме художника в Москве вечере в честь 15-летия нукусского музея искусства министр культуры Каракалпакии А. Х. Худайбергенов сказал, что в республике гордятся этим музеем. По заслугам отмечен и труд Игоря Витальевича: он заслуженный деятель искусства УзССР, лауреат республиканской премии имени Берхада, народный художник Каракалпакской АССР.

Квартира Савицкого давно превратилась в филиал музея — здесь и реставрационная мастерская, и импровизированная служебная гостиница для приезжих.

Поздно вечером в доме наконец наступает тишина. Мне грустно: завтра утром лечу домой. Выхожу на балкон. Рядом в парке слышна музыка, а в комнате неутомимый Савицкий разбирает книги, затем раскладывает рисунки какого-то художника. Останавливаю себя и не завожу унылого: «Вы бы отдохнули, Игорь Витальевич!» Все равно он ляжет спать далеко за полночь, а встанет спозаранку. И жить он может только так — в вечных трудах и заботах.

Фото Б. Касимкина, фототелеграф ТАСС.

В ГОРОДЕ СЧАСТЬЕ

Разве это не замечательно — жить в небольшом современном городе, где тебе знаком каждый встречный, где до работы 10 минут пешком или 3 минуты на автобусе, где вашего ребенка легко устроить в ясли или детский сад? В городе Счастье, что на Украине, в Ворошиловградской области, так живут.

— Для его жителей, — говорит председатель горисполкома Григорий Тарасенко, — действительно не существует множества проблем, присущих большим городам. Окруженный степями, глadyю рек и прудов, этот небольшой чистый городок поражает приезжего тишиной и обилием цветов. Единственное крупное предприятие — Ворошиловградская ГРЭС — вынесено за пределы города. Добрая половина населения г. Счастье — энергетики, живут они в квартале домов, который так и называется — «квартал энергетиков».

Не стоит, однако, думать, что город развивается односторонне, подчиняясь требованиям ведущего предприятия. Детские сады и школы, музыкальная школа, Дворец культуры и Дворец пионеров, профтехучилища, библиотеки, гостиница — все они формируют облик современного города.

Исторически он сложился со времен строительства Ворошиловградской ГРЭС — в начале 50-х годов. Сначала, по плану временной застройки, люди жили в домах барачного типа. Затем их снесли и город стал набирать высоту. Одновременно он начал расти вширь. Решена и другая важная проблема — сточные воды Ворошиловградской ГРЭС. Пройдя соответствующую очистку, они образовали ряд каналов и прудов. Здесь водятся окунь и плотва, сазан и толстолобик. Окруженные лесами водоемы стали любимым местом отдыха. Наверное, не зря жители назвали свой город — Счастье.

Здесь находится главный щит управления Ворошиловградской ГРЭС.

Один из первых уроков Тани Филатовой в музыкальной школе.

Воспитатель подготовительной группы детского сада «Ивушка»

Галина Резниченко со своими подопечными.

Не так уж много на свете людей, которые родились в Счастье. Об этом мама Надежда Киларькова расскажет позже своей дочке Любочке.

Занятия в детской художественной студии Дома пионеров.

Они родом из Счастья!

Сегодня у нас в гостях журнал «Знание — сила». Нуждается ли в рекомендациях издание, на обложке которого значится, что выходит оно с 1926 года! Там же сказано, что этот научно-популярный и научно-художественный журнал предназначен для молодежи. Эти два факта говорят в пользу того, что журналом (в соответствующем возрасте) зачитывались едва ли не три четверти наших академиков. И едва ли не три четверти их выступили на его страницах.

Конечно, приобщая своих читателей к науке, журнал адресует не только к будущим ученым. Он приобщает к знаниям в самом широком значении этого слова не только молодежь, но и людей всех возрастов, знакомит их с выдающимися открытиями и изобретениями, важными научными идеями, с наиболее интересными событиями в научной жизни всего мира. Диапазон его публикаций необычайно широк — от физики высоких энергий до детской психологии, от географии до литературоведения.

Его жанры разнообразны: статья, очерк, повесть. Материалы журнала, проникнутые марксистско-ленинской методологией, формируют у читателей научные, материалистические представления о мире и его законах.

Не случайно поэтому многие темы публикаций «Знания — силы» часто перекликаются с выступлениями нашего журнала. Так, например, Р. Подольный рассказывает о современном подходе к проблеме поисков внеземных цивилизаций, как бы продолжая этим материал А. Ершова «Колыбель разума — Земля», напечатанный в № 4 «Науки и религии» за нынешний год. Описывая сенсационную находку украинских археологов и весь спектр связанных с нею гипотез, Г. Бельская вносит свою лепту в

традиционное для нас обсуждение проблем бережного отношения к культуре прошлого, необходимости тщательного и любовного его изучения. Репортаж Н. Федотовой словно отвечает на многочисленные вопросы наших читателей по поводу «чудесных» диагностических способностей так называемых «экстрасенсов», говорит о необходимости объяснения секретов их воздействия на психику легковерной публики. Впрочем, предоставляем читателям возможность убедиться в этом самостоятельно. Итак, слово журналу «Знание — сила».

У НАС В ГОСТЯХ ЖУРНАЛ ЗНАНИЕ — СИЛА

Р. ПОДОЛЬНЫЙ

ОТ CETI k SETI

В сентябре 1971 года в качестве представителя «Комиссии по контактам» при нашем журнале я участвовал в советско-американской конференции по проблеме связи с внеземными цивилизациями. Проходила она в Бюраканской обсерватории, неподалеку от Еревана.

А в декабре 1981 года я отправился в Таллин на заседание посвященного той же проблеме Всесоюзного симпозиума с участием большой группы зарубежных ученых.

10 лет и три месяца отделяли споры в зале Бюраканской обсерватории от дискуссий, которые велись под крышей Дворца парусного спорта в Таллине. 10 лет, вместивших столько событий и отмеченных столькими открытиями... Но не открытием внеземной цивилизации (ВЦ), внеземного разума. Слушая доклады, разговаривая со старыми и новыми знакомыми, перечитывая записи десятилетней давности, я все время спрашивал себя и других, чем же отличается «внеземной» Таллин от «внеземного» Бюракана, что изменилось не только в наших знаниях по проблеме ВЦ, но и в отношении к ней, более того — в мироощущении.

Тогда, в Бюракане, только еще оформлялось, едва получив признание, новое научное направление и новичку представлялось иногда, что он попал в научно-фантастический роман. Таллин потерял привкус фантастики.

Были в Бюракане энтузиасты, рассчитывавшие на установление контакта, пусть одностороннего, в ближайшие годы, — точнее, на то, что мы разглядим на звездном небе явные признаки, говорящие о работе братьев по разуму. Были скептики, склонные считать, что ждать предстоит довольно долго. Но никто, пожалуй, не сомневался, что контакт раньше или позже возможен, более того — неотвратим, хотя понять друг друга будет очень трудно. Самое имя симпозиума, обозначавшееся CETI — первыми буквами английских слов, составляющих полное его название, было до предела оптимистично: связь с внеземным разумом.

За 10 лет английское communication (связь) в названии проблемы обратилась в search (поиски). CETI перешло в SETI. Конечно, и раньше было ясно, что для установления связи с внеземным разумом надо его сначала найти, но дело, конечно, было не в этом уточнении. Замена одной буквы отразила более глубокие процессы.

Во вступлении к сборнику трудов Бюраканской конференции отмечалось: «Попытки прослушивать космический эфир с этой целью (поисков ВЦ. — Р. П.) имеют пока весьма эпизодический характер, и, по существу, серьезная работа в этом направлении еще не начата». Таллинское обсуждение показало, что теперь поиски сигналов ВЦ уже вполне можно считать серьезной работой.

Сильное впечатление произвели на собравшихся в Таллине доклады об этой работе члена-корреспондента АН СССР директора Радиофизического института АН СССР в Горьком Всеволода Сергеевича Троицкого и американского астронома Джин Тартер.

Уже много лет ловят радиотелескопы горьковского института сигналы других миров, ищут признаки разумной деятельности далеких цивилизаций. Некоторые другие советские обсерватории тоже ведут такие исследования. Дж. Тартер развернула перед участниками симпозиума длиннейший перечень работ по ВЦ, проделанных астрономами США, Голландии, Австралии, ФРГ и других стран.

И что же? Что углядели, услышали ученые, работающие с десятками телескопов и радиотелескопов на обоих полушариях Земли?

Руководитель симпозиума В. С. Троицкий, подводя итог всем этим наблюдениям, говорит категорически: результаты пока отрицательны. Ни сигналов, ни признаков «чужой» деятельности в Космосе пока не обнаружено. Похоже, что нет, по крайней мере в нашей Галактике, тех сверхцивилизаций, что, согласно гипотезам, перекраивают на свой лад огромные пространства, свободно распоряжаясь материей и энергией. И не бороздят ближнее космическое пространство межзвездные корабли. Излучение от их двигателей было бы лишь на четыре-пять порядков слабее солнечного, и земные радиотелескопы засекли бы его.

Этого нет, этого не дано, этого и быть не может... А что есть, что хотя бы возможно?

Астрофизик, член-корреспондент АН СССР Иосиф Самуилович Шкловский уже давно говорит об уникальности земной цивилизации, о том, что она возникла в силу исключительного стечения благоприятных обстоятельств. Ведь если бы существовали в нашей Галактике старшие по возрасту цивилизации, они бы за несколько миллионов лет не могли бы не охватить своей деятельностью все ее уголки, в том числе и нашу Солнечную систему¹.

Некоторые астрономы и астрофизики согласны с тем, что земной разум уникален. Но из факта (видимо, факта), что в нашей и ближайшей галактиках нет сверхцивилизаций, эти ученые делают совсем иной вывод: гипотеза о том, что экспансия всякого разума в Космосе неизбежна, не соответствует действительности. В самом деле, история человечества знает не только последние три века с бурным развитием производительных сил и стремительными переворотами в области социальных отношений, но и длительные периоды общественной стабильности. Будущее общество может ведь избрать такой путь развития, при котором многие его характеристики будут стабильными. Вспомним также соображение, опубликованное сравнительно недавно в журнале «Вопросы философии» В. С. Троицким, П. В. Маковецким и Н. Т. Петровичем: расстояние между космическими поселениями разумных существ одного общества не должно превышать одну десятую светового года — иначе общество развалится. А небольшие размеры «зоны заселения» создадут определенные энергетические ограничения, направленные на то, чтобы не ухудшались условия жизни в этой зоне.

Иными словами, деятельность даже далеко ушедших вперед цивилизаций по своим внешним масштабам и проявлениям не будет слишком выделяться. Но если так, то и в нашей Галактике есть место для братьев по разуму...

Президент Академии наук Эстонской ССР Карл Карлович Ребане говорит: развитие — это не обязательно расширение в пространстве. Тем более, что всякое чрезмерное распространение цивилизации повлекло бы за собой огромные траты энергии, угрожающие нормальному существованию природной среды. Огромной энергии потребует и подача дальних космических сигналов. Так что молчание Космоса можно объяснить и экономией энергии, и тем, что иной разум способен рассматривать подачу сигналов как безнравственное вмешательство в чужую жизнь. Молчаливая цивилизация — что же в этом плохого или странного? Это хорошо и естественно.

В. С. Троицкий в частной беседе со мной отметил, что горьковские радиотелескопы «прощупали» весь доступный им объем космического пространства в радиусе 20—30 световых лет, где содержится более тысячи звезд, и не нашли ВЦ.

Ну, а если мы прослушаем на многих диапазонах радиоизлучение, скажем, миллиона ближайших звезд, спросил я, и снова не обнаружим никаких сигналов, что это будет означать?

— Лишь то, что от таких-то и таких-то звезд в таких-то и таких-то диапазонах нет радиопередач. И не более того! Но, разумеется, такого рода отрицательные результаты проблему не закроют. Только, пожалуй, продиктуют необходимость решительного перехода от пассивного ожидания, что кто-то подаст нам весточку, к активной сигнализации неведомым еще адресатам.

— Строго говоря, и эти результаты нельзя назвать еще отрицательными, — говорил Троицкий. — Мы получили вполне положительное знание, что нет поблизости «богов Космоса», неограниченно распоряжающихся материей и энергией. И что следует пересмотреть теоретические выкладки, по которым развитие цивилизации ничем не ограничено.

Человечеству всегда придется считать, — продолжал он, — какие энергетические ресурсы оно может использовать без ущерба для себя и для окружающей среды. И при поисках сигналов следует принять в расчет тот факт, что передавать на миллиметровых волнах выгоднее, чем на сантиметровых, и обратить особое внимание на этот экономичный для отправителей диапазон.

Когда-то в журнальном рассказе о Бюраканском симпозиуме я писал: «Когда выясняли, на какой волне лучше принимать и посылать сигналы, в равной цене оказываются доводы энергетические, экономические, психологические и исторические». Выходит, не всегда в равной. Экономические могут выйти и на первое место.

В ходе симпозиума в Таллине проявилось изменение отношения к так называемым «магическим частотам», к тем диапазонам радиоволн, на которых прежде особенно ждали сигналов, например к частоте излучения космического водорода. В некоторых отношениях эти волны невыгодны для передающего. Искать надо на многих и разных частотах. А искать есть где. Френсис Дрейк, американский астрофизик, недаром сравнивал поиски ВЦ с поисками иголки в стоге сена. Напомнив об этом, Дж. Тартер сообщила: с учетом всех обстоятельств, связанных с рассылаемыми радиосигналами, мы проделали всего лишь одну стоквадрильонную долю (10^{17}) работы по «разборке стога».

Участники Бюраканской конференции в свое время оценили «заселенность» нашей Галактики довольно высоко. В среднем, по их мнению, в нашей Галактике могло быть несколько сот цивилизаций, и от десятка из них Земля могла бы получить сигналы. Сегодня аналогичный опрос дал бы более скромные средние цифры. Но ведь и это — один из результатов той работы, что проделана учеными за минувшее десятилетие.

В выступлении по Эстонскому телевидению астрофизик, член-корреспондент АН СССР Николай Семенович Кардашев выразил надежду на получение радиосигналов уже к концу XX века. А на прямой контакт с инопланетянами лет через сто. Некоторые другие ученые полагают, что времени потребуется гораздо больше, но обмен сигналами состоится и встреча, пусть даже через несколько веков, произойдет.

А вот что сказал автору этих строк известный философ, академик Эстонской АН ССР Густав Иоганнович Наан:

— Рискну сказать, хотя это, пожалуй, не бесспорно, что за 10 лет между Бюраканом и Таллином мы ничего нового

¹ Подробнее см.: А. Ершов. Колыбель разума — Земля. «Наука и религия», 1982, № 4.

не узнали о тех внеземных цивилизациях, которые ищем. Зато мы очень много узнали о том, чего именно мы не знаем. Безбрежному оптимизму пришел конец. Но не оптимизму вообще.

Эти 10 лет, — продолжал он, — были временем определения границы между знанием и незнанием. И в тоже время осознанием того, что же мы ищем. На мой взгляд, мы занимаемся изящным самообманом, делая вид, что ищем других, а не себя. И тот, кто доводит этот самообман до максимума, теряет надежду на результат. На самом деле исследование проблемы ВЦ приносит результаты уже сегодня. Посмотрите, какой интерес проявили к симпозиуму неастрофизики! Сколько здесь докладов по философии, лингвистике, биологии, биофизике, генетике, кибернетике!

Это верно. В Таллине «нефизические» науки были представлены много шире, чем в Бюраконе. И если там доклады по биологии в основном констатировали уже имеющиеся данные науки о появлении жизни на Земле и излагали гипотезы, существовавшие до постановки проблемы ВЦ, то теперь на традиционном подходе к биологическим темам ощутимо лежала тень нового подхода, интереса к земным ситуациям как частным проявлениям общих закономерностей.

Автор этих строк взял интервью у члена-корреспондента АН СССР, биофизика Михаила Владимировича Волькенштейна.

— К возможности реальной встречи с другой цивилизацией я отношусь с изрядной долей пессимизма. Но зато к идее поиска таких цивилизаций — с большим уважением, — сказал Волькенштейн. — Уже потому, что для обоснования направлений этого поиска требуется более глубокое понимание эволюции Вселенной как в биологическом, так и в социальном аспекте. Ландау говорил когда-то, что задача теоретической физики состоит в установлении новых связей. Проблема ВЦ позволяет устанавливать новые связи между почти всеми видами развития.

Некоторые связи такого рода видны уже сегодня. Объекты, например, биологии и астрофизики гораздо более сходны, чем кажется на первый взгляд. Обе науки по сути — исторические. В отличие от обычной физики, для которой не имеет значения возраст протона или электрона, астрофизика занимается космическими образованиями, которые нередко так и называют — молодыми, стареющими или старыми.

Между эволюцией звезд и развитием живых организмов немало общего. И та и другая идет скачками, процесс этот прерывистый, и каждый новый этап возникает после краха неустойчивого равновесия в конце предыдущего этапа. И каждый раз при этом возможны разные исходы. Самое большое различие между двумя эволюциями — отсутствие у звезд конкуренции друг с другом. Лишь на ранних этапах формирования звезд может пойти «спер» между их зародышами за рассеянное в Космосе вещество.

Все это не произвольные и не случайные аналогии. Биологическая эволюция — продолжение общего эволюционного развития Вселенной, следствие его. Новый подход, диктуемый самим возникновением проблемы поиска, должен дать нам еще немало выводов такого рода — выводов, за которыми последуют открытия, пусть касающиеся не новой цивилизации, а старой — Вселенной, жизни, разума...

А вот какую сторону видит в проблеме SETI старший инженер Эстонского института астрофизики и атмосферы Земли Я. Я. Оясте:

— Это предельный случай среди множества других, когда приходится решать задачи, имея заведомо недостаточную информацию. На совещаниях по актинометрии, изучающей лучистую энергию в атмосфере, на конфе-

ренциях по исследованию атмосферы, при обсуждении прогнозирования погоды — всюду оказывается, что нужно знать много больше, чем пока что возможно.

И всюду почти требуется интеграция нескольких областей науки — скажем, для того, чтобы уметь предсказывать урожай по данным спутников, нужны и биологи, и агрономы, и метеорологи, и спектроскописты. Так что проблема ВЦ, требующая объединения почти всей земной науки, тут опять-таки предельный случай, но предельный именно в ряду однотипных проблем. На опыте исследования идеи ВЦ яснее видны некоторые общие закономерности развития человеческой мысли, глубже удается понять, что возможно в науке, а что пока недостижимо.

Впрочем, само обращение ученых к проблеме ВЦ, как ни полезно оно науке, все же вызвано к жизни совсем не чисто научными потребностями. Оно — результат социального заказа. Общество в целом ощутило потребность в открытии братьев по разуму. Для того ли, чтобы убедиться в своем будущем, для того ли, чтобы лучше узнать себя, или для того, чтобы увидеть новые горизонты, новую Вселенную. Наверное, тут можно найти немало других причин и целей, но искать ВЦ сейчас так же необходимо, как пытаться предсказывать урожай на Земле...

Кандидат филологических наук И. М. Крейн сделала доклад, развивающий ее исследования по тому, что можно назвать единой теорией разума, охватывающей и людей, и неземлян, и, может быть, даже дельфинов, если те все-таки обладают разумом, пусть непонятного пока для нас типа. И. М. Крейн предложила на контакте с дельфинами промоделировать будущий Большой Контакт: ведь о дельфинах точно известно, что они существуют, и канал связи есть — звуковой, и межзвездные пространства не мешают.

Вот запись еще двух высказываний — старшего научного сотрудника Радиофизического института в Горьком Г. Л. Сучкина и профессора Московского электротехнического института Н. Т. Петровича (последний участвовал и в Бюраканском симпозиуме).

Г. Л. СУЧКИН. Я член оргкомитета симпозиума, но в проблеме ВЦ человек новый. И как новичку мне особенно видны плюсы проблемы ВЦ. Важно, что здесь можно обсудить спорные вопросы, затрагивающие интересы многих наук. Меня порадовал поразительный энтузиазм биологов, философов. Среди астрофизиков такого энтузиазма поменьше. Одна из причин — компроматация в их глазах проблемы. Чем! Американский ученый Б. Оливер, участник и Бюраканского и Таллинского симпозиумов, года три назад говорил в Монреале, на сессии Международного астрофизического совета, о трех главных врагах проблемы. Он назвал гипотезу палеоконтакта (инопланетяне уже были — чего же их искать!), гипотезу об НЛО (как о космических кораблях — они ведь уже летают) и гипотезу о быстрой колонизации любым разумом своей галактики (это сразу приводит к отрицанию самой возможности контакта — если его еще нет, то и вообще не может быть).

Н. Т. ПЕТРОВИЧ. Я бы добавил и четвертого врага — плохую фантастику, пропагандирующую облегченное представление о контактах между цивилизациями, рисующую эти контакты или только в радужном, или только в мрачном свете.

Главное в нашем симпозиуме — контакт между учеными. Путь между Бюраканом и Таллином отмечен решительным продвижением вперед, причем не столько в технике, в приемной аппаратуре, сколько в понимании глубины проблемы.

Очень важным оказалось для многих участников симпозиума то, что можно назвать футурологическим аспектом проблемы ВЦ. То, чьи сигналы мы приемим,

скорее всего живут как цивилизация дольше нас; сам факт их существования — добавочная гарантия, что человечеству предстоит еще долгий путь. Мы сможем узнать о разных вариантах развития иных миров — пусть не для того даже, чтобы следовать чужому примеру, но чтобы представлять себе диапазон выбора...

Когда я вернулся из Таллина, многие спрашивали меня: неужели нет в Космосе явлений, которые можно было бы истолковать как отзвук разумной деятельности?

В нескольких докладах называли загадочные явления, которые могут, по мнению докладчиков, оказаться вестниками ВЦ. Например, спектр звезды SS-433 свидетельствует как будто, что ее свет по пути к нам подвергся сразу и красному и синему смещению. Так нельзя ли считать это чем-то вроде сигнала, демонстрирующего свою искусственность?

В докладе доктора физико-математических наук из Вильнюса В. Страйжиса некоторые из пекулярных звезд (пекулярной называют звезду, которая отличается чем-то от остальных звезд своего класса) рассматривались как возможное порождение сверхцивилизаций, как результат их деятельности или даже «отходы» ее. Как полагает В. Страйжис, известными нам законами нельзя объяснить отдельные особенности таких звезд, например, то, что некоторые из них слишком богаты тяжелыми металлами.

И. С. Шкловский, Н. С. Кардашев и В. С. Троицкий с этим не согласились: для пекулярных звезд можно найти естественное объяснение. Должно оно найтись и для

парадокса со звездой SS-433. Но поиски ВЦ все равно продолжаться будут. Это так же неизбежно, как и неизбежен целый спектр самых разнообразных мнений по многочисленным аспектам этой проблемы, мнений, часто противоречащих одно другому (читатель уже убедился в этом), но столь же часто и друг друга дополняющих и обогащающих.

Поиски продолжаться будут! В их необходимости убеждены представители самых разнообразных научных дисциплин. Как одному народу на Земле нужны другие, чтобы во взаимных контактах обогащалась культура, так и все человечество сейчас явно ощущает потребность в «космических» собеседниках и сотрудниках. В частности, как уже говорилось выше, — для того чтобы мы могли больше узнать о самих себе, о земной цивилизации. Как часто в диалогах мы узнаем не столько о собеседнике и не столько о том, что было непосредственным предметом разговора, сколько именно о самих себе! «В свете звезд» лучше видно необходимое и случайное в развитии жизни на Земле, земного общества и земной науки. Поиски, еще очень далекие от достижения цели, уже принесли немало новых интересных сведений и идей астрофизикам, биологам, кибернетикам, философам... Вот почему даже те, кто, подобно И. С. Шкловскому, считают саму встречу с ВЦ невероятной, нередко участвуют в симпозиумах по проблеме SETI, и их участие оказывается конструктивным и плодотворным как для них самих, так и для тех, кто придерживается противоположных взглядов.

ЗНАНИЕ-СИЛА

ДИАГНОЗ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Н. ФЕДОТОВА

О чем говорят глаза? О гневе и нежности, о грусти и восторге, о сосредоточенности, растерянности, тревоге.

Надо ли перечислять — они могут выражать такое, чего не выразишь никакими словами. Глаза — зеркало души, все знают. Но есть, оказывается, у них и другое чудодейственное свойство — рассказывать о состоянии нашего здоровья. Они еще и «зеркало тела».

Еще древние египтяне обратили на это внимание. В одном папирусе рассказывается, что они умели угадывать болезни, не считая пульс и не измеряя давления, а только внимательно посмотрев в глаза пациента. Есть сведения, что и в древней Индии, и в средневековой Европе ставили диагноз, используя «магию» глаз. Представьте себе прием больных средневековым лекарем. В «поликлинике» ни лаборатории нет, ни рентгена, ни электрокардиографа, ни эндоскопов. Да что говорить, обычный градусник и то еще не успели изобрести. Ну как тут поставишь правильный диагноз? Поневоле придется довольствоваться тем, что лежит на поверхности, — внимательно изучить черты лица пациента, осмотреть кожу, особенно на ладонях, поинтересоваться, как выглядит язык, пристально заглянуть в глаза...

Глаза — зеркало не только души, но и тела.

Профессор Ф. Н. Ромашов. Фото В. Бреля

Первая научная публикация по иридо-диагностике («ирис» в переводе с латинского — радужная оболочка глаза) появилась 116 лет назад. В 1866 году венгерский врач Игнац Пекцели написал книгу «Открытие в области природы и искусство лечения». Ему же выпала честь создания первой топографической карты ириса. Сейчас таких схем уже 25, более подробных, более точных. Но в основе любой из них — та, первая топография, предложенная венгерским исследователем. В начале нашего века у Пекцели было не более десятка последователей, сейчас — десятки тысяч. Создана международная ассоциация иридологов. Издана масса монографий. Регулярно выходит специальный журнал. Иридологию преподают в медицинских институтах ряда стран. А в 1980 году состоялся международный конгресс по иридологии в Париже и международная конференция в Чехословакии.

У нас в стране тоже есть специалисты этого профиля. Их возглавляют заведующий кафедрой госпитальной хирургии Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы Ф. Н. Ромашов и заведующий отделом клинических исследований медицинского факультета того же университета Е. С. Вельховер. Группа небольшая, шесть человек. Но ведь еще недавно, 13 лет назад, Ромашов и Вельховер начинали вдвоем! За это время накоплен большой научный материал, проведено 5 тысяч наблюдений, огромное число экспериментов, опубликовано немало статей, защищена даже докторская диссертация. Однако, как признают сами приверженцы этого метода, в иридодиагностике еще немало белых пятен и открывать специальные кабинеты, куда бы можно было зайти, чтобы врач проверил тебя «на глаз», преждевременно. Но побеседовать с иридологами, увидеть их «чудеса» — великий соблазн. Автобус доставляет меня в глубь Сокольнического леса. Здесь расположена одна из клиник, на базе которой идут исследования по глазной диагностике.

Кабинет Евгения Сергеевича Вельховера явно «с иридологическим уклоном». На стенах — топографические схемы радужных оболочек, на столе — аппарат с окулярами. Такой же аппарат — называется он «фотошелевая лампа» — установлен и в лаборатории. Там я застала всех сотрудников группы. Через «лампу» можно осматривать радужку при большой освещенности и увеличении, а также фотографировать ее на цветной слайд.

— Посмотрим? — неожиданно предлагает мне аспирант кафедры госпитальной хирургии Рамас Семенович Пичхадзе.

Я усаживаюсь в кресло перед фотошелевой лампой. Рамас Семенович фиксирует мой лоб и подбородок, настраивает окуляры. Вспыхивает красная лампочка — на нее я должна смотреть.

— В легких ничего... Желудок в порядке... Сосуды в норме... А вот горло... Впрочем, боли были давно.

Действительно, я прошла детский «ангинный период».

— Еще одно пятно, тоже старое. Правая нога. Что у вас было с правой ногой?

Человек в легковесном, излишние сомнения не в моем характере, но чтобы так вот, посмотрели — и на тебе... Признаюсь, даже стало немножко неуютно. Зачем знать о себе слишком много без особой на то нужды?

— Было кое-что... Но все давно зажило...

Что же, выходит у меня разные глаза, если рисунок правой радужки отличается чем-то от рисунка левой? Мне они, признаюсь, казались одинаковыми, — наверное, в моем голосе промелькнула обида, на что врачи дружно засмеялись.

— А вы могли бы точнее определить, что у меня было с правой ногой — травма или заболевание? И почему не исчез знак больного горла, ведь оно давно уже не болит? И почему...

Однако хозяева предложили мне сперва послушать кое-что об основах иридологии — строении и функциях ириса. Тут часть моих вопросов отпала сама собой.

Долгое время считали, что радужная оболочка глаза — это некое устройство для расширения и сужения зрачка. И все. Никто не задумывался, почему же тогда у одних людей глаза голубые, а у других — карие. И лишь исследования последних лет показали, что ирис глаза чересчур сложно устроен для простой механической работы: пять слоев, тысячи рецепторов воспринимают световые импульсы. Эту ответственную службу несут хроматофоры — пигментные клетки. Они-то и определяют цвет наших глаз. Пигментный слой тонок — глаза голубые или серые, несколько толще — карие, особенно плотен — черные. Специальные гены передают этот наследственный признак потомству, укрепляя тем наше фамильное сходство. Кстати, обследование радужной оболочки у родственников подтвердило, что и цвет и структура ириса у них во многом совпадают.

Но зачем природе понадобилось это? Означает ли что-нибудь та или иная окраска? Безразлична ли она организму? На сей счет высказывалось немало предположений. К примеру, такая гипотеза, явно идеалистическая: цвет глаз определяется планетой, под знаком которой человек родился. Голубоглазые относятся к лунному типу, черноокие подвластны Меркурию, обладатели карих глаз находятся под влиянием Юпитера, а зеленоглазые — люди воинственного Марса. От этих же светил зависят якобы и темперамент, и конституция, и здоровье человека. Так, лазурно-синие глаза считались признаком полного физического благополучия. Карие — не столь идеальный вариант. Но самые неполноценные — почему-то серые и зеленые, хотя воинственность последних, казалось бы, требует здоровья. Поскольку астральная гипотеза была исключительно умозрительной и не снисходила до скрупулезных проверок, на ее основе волготно было строить самые различные выводы. Так, немецкий «теоретик» Мюллер объявил единственно подобающими человеку небесно-голубые глаза. По его мнению, немец с карими глазами или безнадёжно болен, или вообще не немец.

Довольно скоро, впрочем, выяснилось, что голубые глаза, столь часто воспеваемые поэтами, не только не гарантируют их обладателю непоколебимого здоровья, но скорее наоборот — при определенных условиях могут доставить немало неприятностей. Как мы уже упоминали, цвет глаз зависит от толщины пигментного слоя, а стало быть, и от количества хроматофоров, играющих роль светофильтров. Люди в одном и том же помещении воспринимают его освещенность по-разному: голубые глаза поглотят большую порцию света, нежели черные. Это подтвердил очень тонкий эксперимент, проведенный недавно американскими учеными. Они исследовали активность

коры головного мозга у людей с разным цветом глаз. Оказалось, что один и тот же источник света вызывает у обладателей светлых глаз повышенную активность мозга сравнительно с темноглазыми. Интересно, что и сновидения у светлоглазых гораздо выразительнее и ярче. Ф. Н. Ромашов и Е. С. Вельховер объясняют это тем, что у тонкого и нежного ириса светлых глаз нейромоторный аппарат слабее, а способность зрачка расширяться в темноте и сокращаться при ярком свете более ограничена по сравнению с мощными светофильтрами и нервно-мускульной системой темных глаз. Следовательно, светлые глаза менее приспособлены к яркому солнечному свету и резким переменам в освещенности. В лаборатории, где я побывала, ученые проверили на восприимчивость к свету несколько сотен жителей Москвы. Светлоглазые плохо переносят сильный свет в 18 раз чаще темноглазых. Потому, видимо, центральная нервная система у людей с голубыми глазами при прочих равных условиях болезненнее реагирует на световые раздражения.

Как тут не обратить внимание на то, что жители северных стран в массе светлоглазые, а у южан глаза карие или черные. Разве не ясно, почему обладатели светлых глаз лучше чувствуют себя на тех широтах, где преобладает пасмурная погода, а черноокие легко переносят ослепительное солнце? Стоит светлоглазому человеку переехать с Севера на Юг, как его нервная система сильно перевозбуждается — появляются бессонница, раздражительность, случаются даже гипертонические кризы. И, наоборот, смуглые и темноглазые южане, прибывав на Север, становятся вялыми и апатичными. К счастью, акклиматизация длится, как правило, недолго — наши возможности приспосабливаться к невыгодным условиям колоссальны. Правда, с возрастом они уменьшаются, пожилым труднее привыкнуть к чему бы то ни было, в том числе и к перемене географической широты и светового пояса.

Очевидно, от взаимодействия светового климата и световой защиты организма зависят и наше здоровье, и жизненный тонус. Ничего удивительного, свет — сильнейший регулятор многих физиологических функций. И если случается нарушение энергетического баланса в организме, неважно, чем оно в данном случае вызвано — чрезмерным ли световым раздражением или брешью в световой защите, итог единый — здоровье человека под угрозой. Типичный пример такого нарушения — особая нервозность и раздражительность в периоды повышенной солнечной активности, кстати, чаще наблюдаемые у светлоглазых людей. Разумеется, это далеко не единственный механизм воздействия на наш организм «разгневанного» светила, но, наверное, и чисто световой эффект не стоит сбрасывать со счетов. Не исключено, что именно он вызывает приступы мигрени и гипертонические кризы у некоторых курортников, злоупотребляющих общением с солнцем.

Давно известно, что люди со светлыми глазами не могут носить контактные линзы. Вероятно, чувствительность роговицы глаза зависит каким-то образом и от его цвета. Эксперименты, проведенные английскими учеными, прямо показали, что голубые глаза гораздо чувствительнее к раздражениям, болям и повышению внутриглазного давления. Видимо, стоит учитывать это при лечении некоторых

заболеваний, в частности глаукомы, давая пациентам с «грубыми» карими глазами больше лекарства, чем голубоглазым. Прослеживается и другая связь. Исследование 187 больных язвой желудка и 130 страдающих стенокардией показало, что эти недуги определенно предпочитают обладатели светлых глаз. Быть может, все дело в том, что исследования эти проводили в солнечной Алма-Ате, где у светлоглазых жителей легче мог возникнуть прорыв световой защиты.

Однако разноцветные занавески наших глаз — это не только входные ворота для световой энергии, а хроматофоры — не пассивные светофильтры вроде матового стекла. Радужная оболочка — своего рода пульт, посредством которого осуществляются сложные связи световых импульсов с различными мозговыми центрами, а через них со всеми внутренними органами. Каждый из них — будь то легкие, печень или почки, и не только органы, но целые системы — нервная, лимфатическая, сосудистая — имеет на крошечном поле радужки свое представительство, строго определенную группу хроматофоров.

Вообразите, что к одному из органов подкрадывается недуг. По цепочке нервных импульсов пораженный орган посылает сигнал бедствия в мозг, откуда депеша направляется в соответствующую зону радужки, к своим хроматофорам. И те приходят на помощь: прежде всего хроматофоры теряют пигмент, как бы приоткрывая тем щоту для большего доступа света к главному нерву. Так еще на пороге болезни, задолго до появления первых симптомов, что особенно ценно в этом методе диагностики, на радужке появляется светлое пятнышко, точно в том месте, которое соответствует заболевшему органу. Через это окошко больной орган дополнительно заряжается световой энергией. Если недуг все же не отступает и переходит в стадию хронической осадки, поведение хроматофоров меняется. Поток болевых импульсов, продолжающих бомбардировать хроматофоры, вызывает со временем спазмы питающих их кровеносных сосудов. Лишенная пищи группа хроматофоров теряет свою активность и превращается просто-напросто в пигментную заплатку. Но это не шрам или рубец вроде того, что возникает при инфаркте. Скорее это своего рода щит, прикрывающий больной орган от излишнего раздражения светом. Теперь свет только помешал бы. Кстати, подобные защитные рефлексы организма Иван Петрович Павлов называл некогда самоисцеляющимися, приводя в пример обложенный язык и сопутствующую ему потерю аппетита у больных гастритом. Чем темнее заплатка, тем труднее световым импульсам пробраться к тому участку мозга, который отвечает за больной орган, а значит, тем серьезнее и запущеннее болезнь. Обнаружив пигментную заплатку в зоне печени или легких, врач может заподозрить заболевание этого органа.

— У детей, если вы замечали, радужка ясная, чистая, — говорит Е. С. Вельховер. — С годами она тускнеет, мутнеет, покрывается пятнами, цвет которых меняется в зависимости от степени или давности заболевания. Но пятна — не только признак старения организма, как седина или морщины, а своеобразная летопись здоровья. Иногда они встречаются у малышей, страдающих серьезными заболеваниями, и, наоборот, могут совсем

отсутствовать у пожилых людей, если они никогда ничем не болели. Как правило, темные рельефные знаки, появившись однажды на экране глаза, уже не исчезают, хотя, казалось бы, недуг отступил и заболевший орган спасен. По-видимому, это свидетельствует все же о каких-то необратимых изменениях в нем. Так и остается это пятно на всю жизнь. Что же касается мелких бледных знаков на ирисе — специалисты называют их шлаками, — то они не столь устойчивы и довольно часто сходят с экрана, например после курса лечебного голодания. Очевидно, они представляют собой не постоянную охрану, а скорее защиту временного характера.

Ставя тот или иной диагноз по знакам на ирисе, специалисты руководствуются прежде всего их топографией. Голова, лицо и головной мозг проецируются на верхнюю часть радужки, легкие — на боковую, почки — на нижнюю. Органы, расположенные справа, «отражаются» в правом глазу, слева — в левом. А вот, скажем, желудок и кишечник представлены сразу на обеих радужках кольцом, опоясывающим зрачок. Но есть и такие органы, о местоположении которых на экране ириса идут споры. Где именно, в каком глазу находится таблю, сигнализирующее о нарушениях в этих органах, не ясно до сих пор.

Однако, чтобы прочесть симптомы болезни, одной топографии органных знаков недостаточно. Специалистов интересует и цвет их, и размер, и форма, и рисунок. В фототеке лаборатории более пяти тысяч ирисовых «портретов» мужчин и женщин, стариков и детей, здоровых и страдающих всевозможными недугами. Мне удалось посмотреть около 20 снимков из этой галереи. Чего тут только не было! Какие-то впадины, хлопья, круги, извилины, зерне, борозды, пятна любых размеров и оттенков, от светло-золотистых до темно-кофейных и почти черных. И хотя ирис сугубо индивидуален и неповторим, как, скажем, отпечатки пальцев, опытный глаз ириодиагноста способен отыскать на этом крошечном экране явные признаки недуга и страничку за страницей «прочесть» всю многоцветную историю болезни.

— Вот видите эти рассеянные белые, желто-бурые и черные крапинки? Они встречаются у 68 процентов людей, страдающих ревматизмом. А вот такое углубление — специалисты называют его лакуной — в одной из зон желудочно-кишечного тракта свидетельствует о язве желудка...

Сегодня точность диагноза по глазам при некоторых болезнях достигает 80 — 90 процентов. Особенно ясно записаны в ирисе недуги, связанные с болью, например стенокардия, инфаркт, острый холецистит, язва желудка. «Тлеющие» процессы — эндемический зоб, опухоли, пороки сердца — как правило, при опросе глаз молчат. Травма оставляет отчетливый след на радужке, а вот операция — нет, вероятно, по причине наркоза. Видимо, боль, само ощущение болезни включает передатчик, находящийся в мозгу и сигнализирующий глазу, где какой недуг.

— В нашей небольшой группе, — рассказывает Ф. Н. Ромашов, — собраны специалисты разных профилей — хирурги, терапевты, невропатологи. Основное направление наших работ — изучение желудочно-кишечного тракта. Александра Николаевна Алексеева занимается патологией кишечника, Борис Николаевич Быков

исследует заболевания печени и желчевыводящих путей. Рамас Семенович Пичахадзе — заболевание желудка и двенадцатиперстной кишки. Кстати, есть у нас определенные успехи. Одного взгляда на радужку нам достаточно, чтобы судить, как ведет себя луковица двенадцатиперстной кишки, есть ли там смещения, деформации — симптомы хронических или острых язв. Наблюдая за несколькими сотнями больных, нам удалось статистически достоверно выявить признаки другого не менее грозного недуга — язвы желудка. Есть интересные работы по изучению желчного пузыря, исследуются болезни крови, патология мозга... Наши ириодиагностические работы охватывают собой целый комплекс современных исследований — клинических, лабораторных, инструментальных. Вот, скажем, Пичахадзе обследует своих пациентов, что называется, с головы до ног. И желудочный сок проверяет, и рентген делает, и осматривает желудок с помощью оптики, и оперирует, если возникает такая необходимость. И на каждом этапе обследования проверяет, насколько подтверждается или опровергается тот первоначальный диагноз, который он поставил, заглянув больному в глаза.

Конечно, не следует забывать, что ириодиагностика — метод вспомогательный, как бы дополняющий ансамбль диагностических средств. Скорее, это лишь ценная подсказка врачу, в каком направлении вести поиск. Но, положим, недуг только зарождается и никакими методами его «засечь» не удается. Тут у ириодиагностики особые полномочия. Ведь речь идет о своевременности лечения, и здесь быстрота, с которой ставят диагноз ириологи, по-видимому, трудно переоценить.

И все же, почему в наше время, когда диагностический арсенал медицины так широк и разнообразен, ученые обращаются к явлению, механизм которого до конца не изучен? Вот что рассказал по этому поводу Е. С. Вельховер:

— Мы мечтаем создать системную диагностику, которая включала бы показания всех внешних рецепторов. Да к тому же некоторые из нынешних диагностических методов в лучшем случае неприятны для пациента, а то и просто болезненны. Я имею в виду пункции, различные обследования желудка и кишечника. Большой интерес к щадящим методам диагностики оправдан.

Проекция внутренних органов на поверхности тела весьма разнообразна. Неплохо изучены биологические активные точки, используемые иглотерапией, например, на ушной раковине. Такие же точки есть и на языке. Можно считать, что язык — это вельска желудка.

Наш соотечественник, штаб-лекарь из Казани Марк Нечаев еще в 1835 году клинически доказал, что по языку можно судить не только о неполадках в желудке, но и в других органах — печени, легких, селезенке. Француз Бонье открыл информативные зоны в полости носа. На них представлены бронхи, легкие, половые органы. Многие могут рассказать о нашем самочувствии ладони рук, ступни ног...

Проекция наших внутренних органов вынесены на все периферические органы чувств — на кожный анализатор, слуховой, вкусовой, обонятельный и, наконец, на самый мощный — оптический. Это полномочные представители наших внутренних сред, вступающие в контакт с множеством

внешних раздражителей — темнотой и светом, шумом и магнитными бурями, перепадами атмосферного давления и резкими запахами. В окружающем нас мире все колеблется, дышит, летит, спит... И все это проникает извне через микрорецепторы, или, как говорили древние, через «окна тела», сигнализирует о своих воздействиях и по тем же путям возвращается обратно.

Самый активный рецептор — глаз; по своему происхождению он является участком головного мозга. Иногда глаз называют даже организмом в миниатюре. Как бы там ни было, в диагностическом плане у радужки глаз исключительное преимущество перед всеми прочими «окнами тела». Радужка — часть центральной нервной системы, чрезвычайно насыщенная рецепторами различных органов. Как уместились они все на крошечном экране радужки, просто удивительно. Но разве не поражает совсем рядом, на таком же маленьком поле сетчатки еще большая концентрация зрительных образов, передающих нашему сознанию миллионы деталей окружающего мира? Вместе с тем радужка не просто информативна, она демонстрирует как бы саму материю патологии — разрыхляется, покрывается кавернами, меняет цвет, форму рисунка. Что мы видим, скажем, на ушной раковине? Вполне обычную кожу, абсолютно «безмолвную» без применения приборов. Здесь же, на ирисе, все видно воочию: и свежесть процесса, и его глубину, и застарелость, и обширность. Но самое главное — пристальный взгляд в глаза человека способен раскрыть весь его телесный мир, взаимоотношения всех его органов, показать, какие органы у него не крепкие, какие могут заболеть, какие болели раньше. Ни один даже самый совершенный метод диагностики такой всеобъемлющей картины не дает.

Простой и удобный метод диагностики, не требующий дорогого, сложного оборудования, способен значительно упростить и ускорить массовые осмотры населения, прохождение различных медицинских комиссий. А если представить, что в распоряжение специалистов поступит телевизионный автоматизированный комплекс для наблюдения за радужкой глаз на значительном расстоянии, то можно будет наблюдать за малейшими сдвигами в организме космонавтов, подводников, летчиков, пожарников.

Впрочем, метод ириодиагностики требует еще дальнейших исследований, уточнений и научного обоснования, ибо механизм явления очень сложен и до конца не изучен. Но ученые не могут не мечтать, например, о лечении болезней воздействием света на измененные зоны ириса. Сегодня это кажется фантастикой, но если заплатка на радужке образуется под бомбардировкой импульсов от больного органа, то почему невозможно обратное воздействие на те участки мозга, которые отвечают за работу пораженного недугом органа?

ПОЛОВЕЦКИЙ ХАН ИЛИ ВИЗАНТИЙСКИЙ ИМПЕРАТОР ?

Г. БЕЛЬСКАЯ

■ Под самой крышей Выдубецкого монастыря, где размещается Институт археологии украинской Академии наук, многолюдно, шумно, даже празднично. Никто не чувствует, что здесь холодно, накурено и нестерпимо дышать от испарений растворителей, проявителей и фиксаторов. Все говорят наперебой и толкуются вокруг высокого деревянного ящика, из которого один из главных героев дня Юрий Рассмакин с величайшими предосторожностями достает... нечто. Это нечто — необычайно хрупкое, серо-землистое, похожее на кору древнего дерева или на застывшую лаву. Это ткани. И им лет семьсот.

Большие куски, величиной с ладонь, и маленькие, с пятак, Юрий не дыша опускает на стекло, и все вокруг вздыхает с облегчением, а потом опять-таки разом, увидев и поняв, начинают говорить, друг друга почти не слушая: «Подумайте, золотое лицевое шитье у кочевника, а миниатюры, миниатюры — на шелке, а шнуры золотые; смотрите, смотрите, какая иконография эти медальоны». — «Позвольте, но ведь это золотой византийский бисер». — «Ни в коем случае, — это русский жемчуг!» — «Ого, жемчуг. Это еще надо доказать». — «Это типичная Византия. Всё, всё Византия: ткани, курительница, сосуды. Византия, XII—XIII век». — «Ничего подобного. Смотрите на поясик, знаю я эти пояски, в Венгрии точно такие же, это XIV век, если хотите знать. Монгольское время. Да-с. Богатейшая Золотая орда». — «Да слушайте, слушайте, это же славяне, что вы в конце концов». — «Скорее, скорее сюда, смотрите: медальоны».

Трудно описать этот первый восторг, изумление, ребячье любопытство взрослых людей, увидевших давным-давно миновавшее прошлое, такое, оказывается, притягательное и важное. А ящик-то у Юры прямо бездонный! Уже все столы заставлены стеклами с драгоценными комочками. И кто-то уже побежал за стеклом, а кто-то за глицерином; самая восторженная из всех присутствующих, но и самая озабоченная и деловая — Алла Константиновна Елкина, реставратор тканей, уже вылила на эти невзрачные комочки весь свой глицерин, вылила, чтобы ткань обмякла и ее можно было растянуть, расправить. Вот уже и началась обыкновенная работа. Когда сухая масса обрела гибкость, стало очевидно: ткани византийские. Причем не обычные, каждодневные, а самые изысканные, царские ткани. Постепенно проявлялась фактура — здесь было по меньшей мере шесть видов златотканых лент. Парча, атлас, золото, жемчуг — царские одежды...

Запорожская экспедиция Института археологии раскопала на реке Молочной, близ Запорожья, огромный, неразграбленный, богатейший курган. Об этом много писали, открытие стало археологической сенсацией.

Все вещи, сопровождавшие умершего, ася его одежда были византийского происхождения. Сам он, по предположениям археологов, был половец. Вот и думали все и гадали: что за половец и половец ли и почему так богато похоронен и главное — когда это случилось и с какими событиями связано?

Елкина пыталась ответить на эти вопросы, изучая ткани. От нее я узнала, как пряли золотые нити для царских одежд, как раскатывали тончайшие золотые листы, как разрезали их на еле видимые полосы и окучивали ими шелковую нить. Узнала и о том, как из этих гибких и прочных, но чрезвычайно капризных нитей ткали ткань, да не гладкую, а с узорами. Кафтан на погребенном был сплошь расшит именно такими нитями из пряденого золота. И укладывались они не просто: то гладким настилом, то косичками из трунцала — золотых спиралей из того же пряденого золота. Весь верх кафтана был украшен

ЗНАНИЕ-СИЛА

богачейшим орнаментом из равноконечных крестов и круглых золотых медальонов между ними. В каждом медальоне, а их около пятидесяти, — изображения ликов святых. По окружности медальоны обшиты жемчугом и золотыми скрученными нитями. И все это так изысканно и совершенно, да и весь кафтан, опушенный мехом и золотой узорчатой лентой шириной в ладонь, расшитый золотым шитьем, золотыми бляшками с вставленными в них драгоценными камнями, — шедевр ювелирного златошвейного и ткацкого искусства. Точно такие же одежды и так же украшенные мы знаем по свинцовой печати одного из византийских императоров.

Еще до того, как прикоснулась рука археолога к одеждем и вещам погребенного, художник Запорожской экспедиции Владимир Редзюк, едва поместившись в тесном погребении, с утра до вечера, при тусклом свете фонарика, рисовал и рисовал находку. Он переносил на бумагу каждую складку, каждую бусину и бляшку, каждый шов, каждую выточку и сборку. Скрупулезнейшая работа, требующая огромного терпения, но совершенно необходимая. Теперь, благодаря этим рисункам, Елкина реконструирует крой одежды, фасон. Ее совсем не трудно будет сшить, уверяет она. И сошьют, хотя бы для того, чтобы точно знать, хороши ли были портные семьсот лет назад и в чем ходили византийские императоры.

На этом-то слове «ходили» мы и споткнулись с ней в первый раз. Дело в том, что в кафтанах этих, и в главном, и в тех, что лежали в углах, никто никуда не ходил. Они были намошенные.

А второй раз споткнулась уже я одна. Елкина позвонила: «У меня новость. Кафтаны не три, как мы считали раньше, а по меньшей мере пять. Это раз. И два: один из них — китайский. Какого? Откуда он, как вы думаете? И ведь все новехонькие, ни одного пятнышка...» Новехонькие! Уж не награда ли это? Кого-то наградили, и этот кто-то умер потом и был похоронен

в половецких степях. Наградили. За что? За верную службу императору — вот за что! Ведь если бы в погребении просто были византийские вещи, тогда ясно — ходил в поход на Византию, грабил и награбленное унес с собой. Но в этом случае намошенных кафтанов византийского императора не было бы, то есть могли быть, но намошенные. Грабили ведь для того, чтобы самим пользоваться, красоваться богатством и роскошью. Другое дело награда — ее берегут, ею гордятся. Может, и наденут, но ради особого случая. А много ли таких случаев было у половецкого хана, всю жизнь не вылезавшего из седла? Круг моих мысленных поисков сразу резко сузился. Нужно внимательно перечитать историю Византии XII—XIV веков — того времени, которым датируют археологи свою находку.

Революция в Византийской империи 1081 года возвела на престол Алексея Комнина, первого из династии Комнинов, энергичного и умного правителя, которому пришлось вызвать свою огромную империю из суровых испытаний. Испытаниям этим не было конца: выматывающая борьба с печенегами, страшное поражение у Дерста (Симмистрии), едва не стоившее жизни императору, короткая передышка, и снова — печенеги. В 1090 году они могучей лавиной докатываются до стен Константинополя. Когда же приходит весть, что с юга империи угрожает турецкий пират Чаха, положение становится безвыходным. Проведший молодые годы в столице, при дворе, он при аступлении на престол Алексея Комнина бежал в Малую Азию с надеждой — вернуться и захватить престол. И вот мечта его сбывалась, он построил флот и готов двинуться на Константинополь. И с печенегами у него договор. Печенеги, как и сельджуки, их союзники, видели в лице Чаха своего вожда. Для Византии же он был враг, который, по словам историка В. Г. Васильевского, «с предпримчивой смелостью варвара соединил тонкость византийского образования и отличное знание всех поли-

тических отношений тогдашней Восточной Европы... задумал сделать душой общеготурецкого движения... хотел и мог дать бессмысленным печенежским блужданиям и разбоям разумную и определенную цель и общий план».

«Положение Алексея Комнина, — пишет другой византист Ф. И. Успенский, — в зиму 1090—1091 года может быть сравниваемо разве с последними годами империи, когда османские турки окружили Константинополь со всех сторон и отрезали его от внешних сношений».

Надо отдать должное императору — он понимал весь ужас положения империи и в какой-то момент, очевидно, дрогнув, устремился. Иначе ничем не объяснишь тот вопль отчаяния, который донесся с берегов Босфора. В послании графу Роберту Фландрскому император писал о страшном положении «святейшей империи греческих христиан», об убийствах, поруганиях, поношениях женщин и дев, о том, что почти вся территория империи занята уже врагами. Он перечислял реликвии и святыни, хранившиеся в столице, и со страхом вопрошал, что с ними будет; он напоминал о бесчисленных богатствах и умолял: «Спешите со всем народом вашим, напрягите все ваши силы на то, чтобы такие сокровища не попали в руки турок и печенегов». Это был крик утопающего, уже не различавшего, дружеская или враждебная рука протянется для его спасения.

Послание это сыграло роковую роль в истории Византии: на него обычно ссылались крестоносцы в свое оправдание. Меж тем император собрался с духом и сделал единственное, что могло спасти его страну, — восстановил одних варваров против других. Он обратился к половцам, этим «союзникам отчаяния», с униженной просьбой о спасении Византии. Хорошо известные по русским летописям суровые и дикие половецкие ханы Тугоркан и Боняк были приглашены в Константинополь, где встретили роскошный прием. Они совершенно ослепли от того, что увидели в императорском дворце, но еще больше от самого императора — его униженных и лживых речей. Они обещали спасти его и слово свое сдержали.

29 апреля 1091 года произошла кровопролитная битва: печенеги были разгромлены и беспощадно истреблены. Своим вмешательством половцы спасли не просто Византию, но — весь христианский мир. Так оценивались эти события уже в те времена. Боняк и Тугоркан стали героями Византийской империи, их величали спасителями, о них складывали песни.

Оба они, без сомнения, были одарены подарками так щедро, как никогда уже больше никого в Византии не одаривали. Впрочем, ей самой довольно скоро стало не до подарков. Четвертый Крестовый поход 1204 года нанес Константинополю сокрушительный удар. Столица была разграблена. С 1204 и по 1261 год империи не существовало. На части ее территории была основана Латинская империя, а на независимой крестоносцами земле — Никейская и Трапезундская империи и Эпирское государство.

Тем временем племена печенегов распались. Часть их откочевала на Дунай и в Византию, часть оказалась под властью торков-гузов, а часть сосредоточилась около некоторых русских городов. Больше всего печенежско-торгеского населения было на южной Киевщине, где сложился

Византийская курдюница.

Шлем из Чингульского кургана.

Такие накладки были украшены пояса, найденные в Чингульском кургане.

вассальный по отношению к Киеву и враждебный половцам союз «черных клобуков». В это время в степях Восточной Европы господствуют половцы. С их приходом распространяется особый погребальный обряд. Они хоронят умершего с конем (в Чингульском кургане, открытом Запорожской экспедицией, таких коней пять). И погребения половцев концентрируются именно там, где, по сведениям летописей, располагались половецкие центры. Можно даже назвать половецкие группы, соответствующие этим сосредоточениям археологических памятников: лукоморские (подунайские) половцы, жившие между Дунаем и Днепром, приднепровские половцы, половцы на Сутени, донецкие половцы, донские, нижневолжские.

Союзы племен ни разу не охватывали все половецкое население. Интересующие нас ханы Боняк и Тугоркан имели власть главным образом над западными землями. Хан Шарукан, давший имя центру половецкого племенного объединения Шаруканов, распоряжался в донецких степях. Наиболее последовательно объединительную политику проводил в конце XII — начале XIII века хан Кончак, потомок Шарукана. Но государство Кончака не имело ни управленческого аппарата, ни налоговой системы; при всей своей значительности оно было лишь зародышем государства.

Монгольское нашествие застало половецкую степь не способной к объединенному отпору завоевателям. Половецкие орды, раздробленные и ослабленные усобицами, первыми стали жертвой монгольского завоевания. Чингисхан осуществил в Монголии то, что не смог сделать в половецких степях Кончак. У монголов уже существовало мощное военно-диктаторское государство со скотоводческим укладом, с кочевнико-рабовладельческими тенденциями, совмещенными с жесточайшей дисциплиной в войске. Своей дисциплиной и единством власти монголы и оказались сильнее половцев. Остановить их тогда не мог никто.

С нашествием монголов кончилась короткая история половцев. Если думать, что погребенный — половец, то вот нижняя граница, за которую нечего и смотреть. А мы думали именно так. Это половец, а не монгол: вряд ли в период завоевания даже удачливые завоеватели станут сооружать своим почившим такие грандиозные курганы. Некогда им, да и не время. Курганы золотоордынских ханов появляются значительно позже, когда судьба завоеванных народов уже решена и когда для завоевателей наступает относительно мирный период. Русские князья платят дань, а свои собственные еще не начали грызть из-за добычи и из-за власти.

На протяжении почти половины недолгой истории половцев одним из главных ее действующих лиц был хан Боняк. Узнаем мы о нем из византийских источников, а затем из русских летописей, где впервые он упомянут под 1096 годом в связи с нападением его войск на Киев. В том же году его товарищ по походу на печенегов Тугоркан погибает и Боняк остается один во главе половецких племен западных земель.

Это очень энергичный и агрессивный хан. Русские летописи полны сведений о его походах, и почти всегда удачных. От непрерывных его набегов селения становятся безлюдны, пастбища пустеют, заброшенные пашни прорастают лесом.

В 1107 году чуть ли не в первый раз Боняк терпит поражение от войск Владимира Мономаха, Святополка и Олега. Последний раз его имя упоминается в 1167 году, когда снова терпит он поражение от князя Олега Святославича.

Сколько же лет ему было тогда? Если он участвовал в битве с печенегами в 1091 году даже совсем юным, лет 18—19, то в 1167 году ему было за девяносто. Редкий случай долголетия среди лиц его профессии... Но что если именно он и был похоронен под Чингульским курганом? Антропологи говорят, что это мужчина преклонных лет. Похоронен со своими наградами от византийского императора и со своим оружием. Меч его, по свидетельству специалистов, настолько стар и так сильно истерт, что, очевидно, служил хозяину не одно десятилетие. Погребенный может быть ханом Боняком.

Однако есть и другая точка зрения. Кафтан на погребенном был опоясан прекрасным наборным серебряным пояском. Еще в первый день он привлек внимание Михаила Горелика, специалиста по средневековым кочевническим доспехам. Такие пояса европейской работы появляются только в середине XIII века и распространяются по Южной и Центральной Европе лишь в начале XIV. Поэтому курган можно датировать лишь концом XIII или началом XIV века. А это значит, что половцев на исторической арене уже нет, а есть Золотая Орда.

Правда, обряд при погребении совершен не монгольский, а похоронен человек явно царского происхождения. Монгольскую же знать принято было, как правило, хоронить тайно. Вырывали глубокую яму, бросали туда убитых рабов, устанавливали гроб с умершим, сооружали потолок из досок и сравнивали все с землей, да так, чтобы заметить это место было невозможно: закладывали дерном, сажали кусты, небольшие деревья.

Возможно, что традиции половцев оказали какое-то влияние и на монгольский погребальный обряд. Но до какой степени? И почему так быстро, едва оказавшись в этих землях, монголы забыли древние традиции своих предков? Все это требует объяснений, и тем не менее — «поясок из могилы не выкинешь», как шутит Горелик. Иначе говоря, не XII, а XIII век.

А XIII век, только окунись в него, поразит событиями, страстями, роковыми случайностями.

В составе Византийской империи в числе многих народов были болгары. К моменту поглощения болгар в IV веке Римской империей (Византией) Болгария насчитывала уже более трех веков самостоятельного существования. Консолидировались болгары на основе общей территории, языка, управления и форм жизни. И потому вся история их страны начиная с V века — это борьба за свою самостоятельность и независимость против Византии. Были периоды, когда они одерживали победы. В 680 году сложилось Первое Болгарское царство, с 1187 по 1396 год вплоть до завоевания его Османской империей существовало Второе. Второе-то царство нас и интересует. Неспокойное было время. Набег кочевников, непрекращающаяся борьба с Византией, внутренние распри, народные волнения. А Византия все время зорко следит за болгарским двором и плетет интриги. Болгария — лакомый кусок, от которого трудно отказаться.

В 1277 году во главе народного движе-

ния Болгарии оказывается пастух Ивайло. Он изгоняет с территории Болгарии врагов и разбивает византийское войско. Повстанцы провозглашают его королем. Успех окрыляет его. Он движется к столице (Тырново), овладевает ею, занимает царский престол и вступает в брак с овдовевшей царицей.

Однако аристократической верхушке трудно примириться с королем-пастухом. Против него зреет заговор; трон начинает шататься. Ивайло едет в Орду к хану Ногаю, который в борьбе с Византией еще совсем недавно поддерживал его. Однако Ногай уже не тот, что прежде. За те три года, что Ивайло царствовал, император Михаил VIII, восстановивший Византийскую империю в 1261 году, сумел оценить создавшееся положение и в своей политике сменил западную ориентацию на восточную. С Ногаем он уже был в дружбе, и прибывший в Орду Ивайло по наущению императора был убит. Случилось это в 1280 году.

В жизни Ногай история с Ивайло эпизод, не более. Жизнь хана была бурной, и умер он в 1300 году, будучи одним из самых влиятельных ханов Золотой Орды, правителем земель от Дона до Дуная. Кто знает, быть может, эти роскошные кафтаны с императорского плеча были наградой за убийство народного царя Болгарии Ивайлы? И это грозный и коварный хан Ногай нашел свое последнее пристанище в Чингульском кургане?

А может, в кургане похоронен не ордынский хан и не половецкий, а сам император Византии. Да, есть и такая гипотеза, которую некоторые специалисты считают достаточно правдоподобной и не лишённой оснований. Второй император из династии Комнинов, Иоанн II, был, как считали историки того времени, «лучший и величайший из Комнинов». «Его доблестей, — по словам писателя конца XII века Евстафия Солунского, — происходили от сердца». Он вошел в историю как Иоанн Калоян (хороший, добрый). Вся жизнь его протекала в заботах о государстве и в войнах. Он возвратил Киликию, Малую Армению. Антиохия признала его своим сюзереном. Он мечтал о восстановлении византийских владений в долине Евфрата. Однако планам его не суждено было сбыться: в 1143 году вдали от столицы Иоанн поранил себе руку на охоте отравленной стрелой и умер, едва успев назначить своим преемником младшего сына Мануила.

Быть может, Чингульский курган был насыпан над могилой Иоанна? И здесь, вдали от родины, он был похоронен со всеми необходимыми и возможными почестями? Правда, некоторые источники говорят, что эта злосчастная охота происходила в горах Киликии, в Малой Азии. Но какие только ошибки не вкрадываются в источники!

ЗНАНИЕ-СИЛА

КОНФЕРЕНЦИЯ В ДУШАНБЕ

Каковы сегодня задачи атеистического воспитания в районах традиционного распространения ислама? Кто занимается этим участком идеологической работы и какие ее формы наиболее эффективны? Эти и многие другие вопросы обсуждались на научно-теоретической конференции в Душанбе, организованной весной этого года ЦК Компартии Таджикистана, Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС и Всесоюзным обществом «Знание». В ней приняли участие партийные, советские и комсомольские работники, ученые, педагоги, творческая интеллигенция, представители организаций общества «Знание» республик Средней Азии, Казахстана, Северного Кавказа, Азербайджана, Татарии и ряда других областей страны.

Творческий обмен мнениями, обобщающими теоретические основы и практику атеистического воспитания, конкретные предложения по улучшению этой работы свидетельствовали о высоком научном уровне конференции и ее немаловажном практическом значении для выполнения задач, выдвинутых в области коммунистического воспитания трудящихся XXVI съездом КПСС и постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

В основном докладе конференции секретарь ЦК Компартии Таджикистана Г. Б. Бобосадыкова рассказала о том, как изменилась за годы Советской власти духовная жизнь таджиков. Древний народ, веками пребывавший под игом различного рода угнетателей, благодаря ленинской национальной политике получил доступ к мировой культуре, ко всем источникам знания и сам сегодня вносит вклад в ее сокровищницу. Бережно сохраняются великие традиции таджикской культуры, обогащаются новым, социалистическим содержанием. Так же как и в других республиках Советского Востока, как и во всей стране, победа социализма создала условия для массового распространения атеистических убеждений. Сегодня даже у верующих нельзя обнаружить целостного религиозного миропонимания. Процесс размывания исламской идеологии, как и любой религиозной, закономерен для советского образа жизни. Он определяется всем ходом развития многонационального Советского государства, Союза равных республик, которому в этом году исполняется 60 лет.

Однако как бы сильно ни было воздействие объективных факторов нашего общества на религиозное сознание, нельзя полагаться лишь на них, если мы хотим, чтобы все стороны жизни были свободными от влияния религии. Сознание перестраивается куда медленнее, чем производственные отношения, и сегодня религиозная идеология еще оказывает влияние на поведение людей, на отдельные судьбы, способствует порой закреплению других чуждых пережитков, таких, например, как национализм. Известно также, что религия, в частности ислам, используется сегодня в целях антисоветской пропаганды. Мы должны знать

каналы этой пропаганды, степень ее воздействия на сознание людей, чтобы вести целенаправленную и умелую работу.

Г. Б. Бобосадыкова подчеркнула важность партийного руководства атеистическим воспитанием. Этот участок неразрывно связан со всеми другими направлениями идеологической работы, и партийное руководство обеспечивает их правильное взаимодействие, соблюдение ленинских принципов в подходе к формированию атеистических убеждений. В докладе Г. Б. Бобосадыковой содержалось, в частности, такое важное методологическое положение: решение ряда социальных проблем зависит также и от преодоления предрассудков, связанных с религией. Так, например, одна из причин того, что в районах традиционного распространения ислама пока еще невелика занятость женщин в общественном производстве, заключается в пережитках освященного исламом отношения к женщине, веками ограничивавшего ее жизнь пределами дома и семьи.

В докладе Г. Б. Бобосадыковой была дана общая характеристика проблем практики атеистического воспитания в республике. Подробный разбор ее состоялся на секциях. Опыт своей работы поделились секретари обкомов, горкомов, райкомов партии Таджикистана. Некоторые партийные комитеты сотрудничают с сектором научного атеизма Отдела философии Академии наук республики. Сектор проводит в районах конкретно-социологические исследования, которые помогают определить, каковы типичные проявления религиозных пережитков в данном районе, понять, с какими конкретными причинами связано следование религиозным обычаям, как относятся разные группы населения к мусульманским обрядам и праздникам, что мешает преодолевать влияние религии и т. д.

Многие атеистические мероприятия проводятся в чайханах, где после трудового дня по традиции собираются люди отдохнуть, обсудить текущие события. Такая форма работы, учитывающая особенности местного образа жизни, дает хорошие результаты. В привычной обстановке люди лучше воспринимают информацию, проявляют интерес к тому, о чем идет беседа. Секция, обсуждавшая проблемы партийного руководства атеистическим воспитанием, большое внимание уделила подготовке кадров пропагандистов — одному из самых важных для этого региона вопросов.

В работе секций конференции участвовали представители различных организаций и учреждений республики, что свидетельствует о правильном понимании атеистического воспитания как общего дела, которым должен заниматься широкий круг людей.

Министр культуры Таджикской ССР С. Ш. Мирзошоев рассказал о том, как проводится в республике древний народный праздник навруз, освобожденный от религиозных наслоений, прославляющий людей труда. В этом веселом весеннем празднике живы древние народные традиции. Интересно, что в нем принимают участие не только таджики, но и представители всех национальностей республики. Праздник играет огромную роль в вытеснении из быта религиозных ритуалов. Для районов распространения ислама внедрение безрелигиозных праздников и обрядов имеет очень большое значение. Этой проблеме были посвя-

щены и другие выступления участников конференции — в республике ей уделяется серьезное внимание.

Председатель Государственного комитета по кинематографии Таджикской ССР Ш. С. Саидов рассказал о работах таджикских кинематографистов, в которых затронуты проблемы религии и атеизма. Кинофильмы, показывающие трагическую роль ислама в судьбах таджиков, процесс освобождения сознания народа от исламской идеологии, имеют огромное воспитательное значение. Заместитель министра здравоохранения республики Х. М. Абдушукурова осветила роль медицинских учреждений в преодолении религиозных пережитков.

Закономерно, что конференция особо выделила проблему атеистического воспитания молодежи, актуальную для всех районов традиционного распространения ислама и, пожалуй, особенно важную для Таджикистана, где средний возраст населения — 27 лет. Первый секретарь ЦК ЛКСМ Таджикистана Ш. Султанов показал, что воспитание атеистических убеждений стало необходимой составной частью всей идеологической работы среди молодежи. Заместитель министра просвещения Таджикской ССР Б. Додхудоева, заместитель министра высшего и среднего специального образования М. М. Мирзоев, директор школ, министр легкой промышленности республики М. Мирхаликов (он рассказал о воспитании молодых рабочих, занятых в этой отрасли, о привлечении к труду в ней девушек местной национальности) поднимали в своих выступлениях проблемы, касающиеся выработки у молодежи прочных атеистических убеждений.

Перед участниками конференции выступили директор Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС доктор философских наук В. И. Гараджа и старший научный сотрудник этого института доктор исторических наук Г. М. Керимов. Их доклады раскрывали роль религии в борьбе идей на современном этапе.

В заключение конференции выступил ответственный работник Отдела пропаганды ЦК КПСС доктор философских наук Э. И. Лисавцев. Он отметил актуальность состоявшегося обсуждения проблем атеистического воспитания. Сегодня возрос интерес к проблемам ислама — это объясняется его ролью в ряде событий на Востоке. Мы должны удовлетворять этот интерес, подчеркнул Э. И. Лисавцев, давать происходящим событиям правильную, марксистскую оценку. Образец методологии подхода к сложнейшим ситуациям в мире мы видим в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, с которым выступил Л. И. Брежнев, в выступлении на торжественном заседании в Ташкенте при вручении ордена Ленина Узбекистану. В известном положении Отчетного доклада о роли исламских лозунгов в различных общественных движениях раскрыта диалектика марксистского подхода к социальным явлениям, связанным с религией. Такой подход требует учета всех особенностей проявления религиозности, всех возможностей воздействия на сознание людей религиозной идеологии, тесной связи с практическими потребностями дня, активности и принципиальности в идеологической работе.

Конференция в Душанбе многое дала для осуществления именно такого подхода к атеистическому воспитанию.

НОВАЯ ЖИЗНЬ ПРИШЛА

■ 10 лет — с 1931 по 1940 год — Дмитрий Петрович КОРЖ работал на далекой Чукотке — в кочевьях обучал грамоте детей оленеводов, заведовал школой-интернатом при Чаунской культбазе, был инспектором школ Чаунского районного отдела народного образования. Потом воевал, работал в Министерстве просвещения РСФСР, занимался научной деятельностью. Сейчас Д. П. Корж — кандидат педагогических наук, заслуженный учитель школы РСФСР — персональный пенсионер. С того времени, как он был на Севере, прошло много лет. Но он хорошо помнит те годы...

— Дмитрий Петрович, в этом году советские люди отмечают 60-летний юбилей образования СССР. В связи с этим событием читателям журнала «Наука и религия» было бы интересно узнать о людях, которые принимали непосредственное участие в строительстве новой жизни на дальних окраинах нашей Родины. Расскажите, пожалуйста, как начиналась ваша работа на Крайнем Севере!

— Октябрьская революция принесла народам Севера социальное и национальное освобождение. Однако сразу после окончания гражданской войны строительство новой жизни на северных окраинах шло медленно — добираться туда было трудно, люди жили маленькими группами на большой территории, связь между ними и центрами действовала слабо.

Летом 1931 года грузовой пароход (пассажирские еще не ходили) высадил нас, большую группу партийных, советских, комсомольских работников, молодых специалистов, среди которых было несколько учителей, в поселке Анадырь — центре Чукотки. На берегу под сопкой рассыпались десятки небольших деревянных

Первоклассники — воспитанники Провиденской школы-интерната.

В фойе нового кинотеатра «Полярный» в Анадыре.

Зоотехник чукотского совхоза «Полярник» Иван Вуквуи.

В Угольный разрез аблизи Нерюнгри.

ТУНДРА

жилых домиков; поближе к заливу стояли здания ревкома и начальной школы.

Отсюда нам, пятерым учителям, предстояло ехать в кочевья оленеводов для организации передвижных школ. Перед отъездом опытные и знающие работники нас напутствовали: «С началом учебной работы не торопитесь. Первая и главная ваша задача — завоевать доверие людей, умело разъяснять им политику Советской власти, ее преимущества для трудящихся». Нас предупреждали: «Особую деликатность и осторожность нужно проявлять в отношении традиций и обычаев, религиозных обрядов коренного населения. Новое, советское нужно утверждать не столько словом, сколько личным примером. Учитель на Чукотке — прежде

стада оленей на просторах чукотской тундры.

Хореографическая группа ансамбля «Эргы-ром» исполняет танец «Шаман и духи».

Яранги чукчей на мысе Шелагском. 1930 г.

Памятник первому ревкому Чукотки в Анадыре.

С родителями, находящимися на далеких пастбищах, воспитанники школы-интерната могут поговорить по радиотелефону.

Фотохроника ТАСС.

всего пропагандист, опора Советской власти среди местного населения, просветитель, способный терпеливой, умелой работой свести на нет влияние шаманов и христианских миссионеров».

На первых порах главная наша трудность заключалась в том, что мы не знали чукотского языка, слабо представляли реальные условия, в которых нам предстояло работать.

— Как вы преодолевали эти трудности?

— Человек, которому присущи доброта, честность, отзывчивость, щедрость души, уважение к другим людям, будет принят с открытым сердцем в любом месте, в любом доме. Но это только «одежка», по которой встречают представителя другой нации или народности. А дальше к тебе начнут внимательно присматриваться: с чем ты пришел, что ты хочешь сказать и сделать...

Ко времени нашего приезда на Чукотку среди кочевого населения распространился слух: жители Большой Земли (их называли «мельгитаннит») посылают своих людей разузнать получше о чукчах и их оленьих стадах. Потом, мол, сюда приедут вооруженные мельгитаннит, часть жителей перебьют, а остальных угонят вместе с оленями на Большую Землю. Шаманы, которые в значительной степени способствовали распространению недобрых слухов, объявили: духи не хотят, чтобы чукчи дружили с пришельцами. Тех, кто будет помогать им, ожидает страшная кара — прилетят железные птицы и станут поливать их кипящей смолой.

Стоит ли удивляться, что местное население встречало учителей настроенно. В двух кочевьях оленеводы категорически отказались оставлять у себя учителя (хотя чукчи славятся гостеприимством). В одном стойбище каюрам было сказано, что они не получают на обратный путь корм для собак, если не увезут с собой учителя. В другом случае учителя приняли, но при очередной перекочевке стойбища его, спящего, оставили в пустой яранге. Правда, довольно скоро несколько пастухов вернулись, чтобы отвезти учителя в тот поселок, откуда он к ним приехал. Учить своих детей грамоте в то время чукчи считали делом ненужным, даже вредным — учеба не имела, по их мнению, никакого приложения в жизни, отвлекала детей от главных — хозяйственных — занятий.

Мне повезло. В кочевье, где мне предстояло работать, меня привез заведующий торговой точкой в Усть-Бельском А. И. Куркутский (впоследствии заместитель председателя Чукотского окрисполкома), камчадал, владевший чукотским языком, прекрасно знавший местные обычаи. Нас пригласили в ярангу местного богача

Лилялэ, но Куркутский посоветовал мне остановиться у Увэкуча — старшего брата хозяина стойбища.

В яранге Увэкуча собрались все его домочадцы. После обильной еды и чая Куркутский кратко изложил цель нашего приезда и просьбу новой власти — принять в лагерь учителя. Ему энергично возразили. «Они говорят, — перевел мой спутник, — что будет очень и очень холодно. Еда — только мясо, больше ничего. Заболеешь — что делать? Ведь откочем далеко-далеко. А если умрешь?» «Холода не боюсь, — отвечал я. — Родился в холодной стране — Сибири. Мясо — хорошая еда. А если заболео и умру, то похороните так, как своих людей хороните». И добавил: «Постараюсь быть вам полезным».

После долгих переговоров меня с большой неохотой все же согласились оставить в кочевье. Теперь-то я понимаю, что дело было не только в слухах, которые распространяли шаманы. С точки зрения местных жителей, я выглядел в то время совершенно никчемным человеком. Если мужчина не умеет ухаживать за оленями, то какой от него толк? Что ему надо в тундре?

Стал я жить на новом месте. Был прост и приветлив со всеми, кто меня окружал, искал дружбы, наблюдал, всматривался, старался понять правила жизни чукчей, их представления о мире. Все это пока не зная языка, иногда знаками изображая вопрос или показывая желание помочь. Я старался участвовать в их труде — приносил сучья для костра, лед для чая. И хотя не умел главного — пасти оленей — хозяин яранги, где я остановился, оценил мое искреннее желание помочь ему в хозяйственных делах.

Были и другие обстоятельства, которые осложняли наше сближение. В то время у чукчей еще существовал уничижительный обычай: старший в семье посылал к гостю на ночь свою жену, дочь или сестру. Естественно, что такой обычай я не мог принять, и это на первых порах, видимо, убеждало моих новых знакомых в том, что рядом с ними живет чужак.

Наладить отношения помог случай. Тот случай, который приходит в самый неожиданный момент. Правда, наверное, надо еще очень сильно хотеть встретиться с этим случаем. Когда еще в Анадыре на складе я отбирал припасы для поездки в тундру — чай, табак, галеты, сахар, — мне попались инструменты и среди них — паяльник. Паять я умел с детства — научился у кузнеца в деревне, где рос. Подумал: а вдруг пригодится? Взял паяльник, олово, кислоту, нашатырь. И вот теперь возле яранги Увэкуча я вдруг увидел сломанный медный чайник. Взял паяльник, сел к костру и все починил. Хозяйка качала головой: «Смотри-ка, чайник опять стал чайником».

Так я сразу вырос в глазах окружающих. Меня стали приглашать и в другие яранги. Время было трудное, северяне не всегда могли приобрести необходимую посуду. И возможность починить старую была как нельзя кстати. Ко мне стали приезжать из соседних стойбищ. Я паял, чистил наждачной бумагой посуду, учил чукчей, как обращаться с ней, чтобы она дольше сохранялась. В благодарности они стали учить меня своему языку, я записывал и заучивал слова и речевые конструкции.

Однако именно с паяльными работами связан эпизод, который послужил мне суровым уроком. Однажды я принес в ярангу Увэкуча кастрюлю из другой яранги. Сунул в огонь очага паяльник, нагрел его и начал запаивать дырку на кастрюле. Хозяйка, увидев в моих руках чужую кастрюлю, схватила ее и выбросила вон. При этом она что-то кричала и махала на меня руками. Я ничего не понимал. И только позднее узнал о том, как свято чтят чукчи домашний очаг. Я осквернил очаг своего хозяина, используя его в ремонте посуды, принадлежащей другой семье и бывшей в употреблении на другом очаге. Теперь жди беды.

Обстоятельства складывались для меня крайне неблагоприятно — вечером того же дня, по хорошей погоде, в тундру, к оленьему стаду, ушли два сына хозяина — 9 и 12 лет. Неожиданно началась пурга. А детей нет. Стемнело, ночь. На меня недобрыми глазами смотрят отец и мать — ведь я нарушил обычай, совершил святотатство, это, по их представлениям, и вызвало гнев стихии.

Всю ночь бушевала вьюга. Никто не ложился спать. Пытались искать детей, но безуспешно. Наконец настало утро. Пурга улеглась. Вдруг видим две фигурки. Где же были мальчишки? Их всегда учили: пурга — никуда дальше не иди, закапывайся в снег, там не замерзнешь. Так они и сделали. Все закончилось благополучно: я был реабилитирован. Но этот случай еще раз убедил меня: надо очень внимательно приглядываться, изучая обычаи и традиции народа, среди которого ты живешь.

— В просветительской и педагогической деятельности вам, вероятно, приходилось сталкиваться с отжившими обычаями, которые мешали утверждению новой жизни.

— В те годы, когда я начинал работать на Крайнем Севере, многое было продиктовано имущественным различием. Богатые оленеводы имели по две жены, а об одном, владевшем несколькими тысячами оленей, мне рассказывали, что у него было три жены. Своих оленей он разбил на три стада, и при каждом была жена. В отсутствие мужа жена управляла

делами стойбища. Кулак запросто мог взять в жены за небольшой выкуп понравившуюся ему девушку, в то время как сыну бедняка часто приходилось долго работать в семье избраницы, чтобы получить ее себе в жены.

Ясно, что против таких обычаев мы выступали самым решительным образом. Сама жизнь помогала нам в этом; но и наша просветительская, культурная деятельность способствовала процессу утверждения новых принципов, новой жизни в тундре.

Значительно легче мне стало работать месяца через три-четыре, когда я немного научился говорить на чукотском языке. Постепенно люди начали ко мне привыкать, стали относиться дружелюбнее, с доверием. Дети перестали бояться и не разбегались, как раньше, когда я подходил к ним. Я стал принимать участие в их играх. Они рисовали на снегу оленей, людей, яранги, а я подписывал под рисунками названия предметов. Так началось обучение чукотских детей.

— Как вели себя шаманы в те годы? Как относились к учителям?

— Противились новому, убеждали: новая власть несет чукчам беды, невзгоды. Шаманы поддерживали старые унижительные обычаи, внушали местному населению, что злые духи недовольны дружбой чукчей с пришельцами.

Действовали шаманы рука об руку с кулаками. А часто и сами имели огромные стада, которые постоянно росли за счет поборов с населения. Естественно, что шаманы всегда были опорой неравенства, несправедливого распределения богатства, они старались сохранить старые порядки.

Я уже говорил, какие слухи распространяли шаманы после появления на Чукотке первых посланцев Большой Земли. Шаман Тыглё, с которым я познакомился в стойбище Лилялэ, был человеком среднего достатка. Однако шаман знал множество народных преданий, был тонким психологом. Я часто бывал у него в яранге, мы вели долгие беседы; Тыглё пытался выведать, чем я еще собираюсь заниматься, кроме обучения грамоте детей и взрослых.

Сначала он открыто проявлял недовольство, что я вторгаюсь в его владения — духовную жизнь кочевников. Но по мере того, как крепились ростки новой жизни, отношение его менялось. С каждым годом уменьшалась его клиентура. По мере распространения просвещения, улучшения организации здравоохранения люди все меньше обращались к услугам шамана. Прошло время, Тыглё оставил злых и добрых духов и стал работать пастухом в оленеводческом совхозе.

Можно привести немало примеров, которые свидетельствуют о том, ка-

кое вредное, подчас губительное влияние оказывали шаманы на народ. Вот один из них. В 1932 году в Анадыре состоялся I съезд Советов, на который съехались делегаты местного коренного населения со всего округа. Мы тогда не знали, что со многими из них тщательно «работали» шаманы и кулаки. Пастухам говорили так: вы будете сидеть и слушать приезжих. Они будут произносить разные сладкие слова, заговаривать и околдовывать вас. И знайте: если вы почувствуете, что вам нравятся их речи, вы уже не чукчи, вы отдали свои души приезжим. И вот во время заседания какой-то молодой пастух, сидевший в первом ряду, вдруг рухнул на пол. Он почувствовал, что ему нравятся слова приезжих; он вспомнил угрозы шаманов и ударил себя в грудь ножом.

Понадобилась долгая и кропотливая работа, прежде чем удалось преодолеть влияние шаманов. В течение многих лет кочевники считали, что в мире есть злые и добрые духи — от их намерений и желаний зависит судьба каждого человека. Отсюда обряды умиротворения, задабривания злых духов, выражение благодарности защитникам здоровья и общего благополучия. Убеждения чукчей в существовании духов были очень крепки, и доводы пришлого человека не производили большого впечатления. Изменения в сознании происходили иным путем.

Огромную роль в этом играла общеобразовательная школа, подготовка специалистов средней и высшей квалификации из среды местных национальностей. Тут влияли и слово и дело: шаман не помог, а доктор, да еще свой, чукча, вылечил. Шаман и его духи не могли избавить оленей от смертельной болезни — копытницы, а ветеринары сумели. Немалое значение имел переход кочевников на оседлый образ жизни. Семьи их стали жить в добротных домах. В поселках — школа, клуб, больница, столовая...

— Что побудило вас и ваших товарищей поехать на Крайний Север? Ведь жить и работать приходилось в очень трудных условиях.

— Думаю, нас, комсомольцев 20-х годов, звала на Север та же самая сила, которая сегодня влечет молодежь на БАМ, в Уренгой, Нурек. Не за «длинным» рублем ехали мы тогда на Таймыр и Чукотку. Сколько мы будем получать, мы не спрашивали. Я теперь и не помню, какая у меня, кочевника, была в то время зарплата. Я жил в кочевье на авансах, а полный расчет производился только через два года после договорного срока. Человек мог, получив расчет, уехать с Севера и не возвращаться. Но каждый раз после отпуска неодолимо тянуло назад. Слишком много было

вложено, оставлено на Севере, и это хотелось продолжить, умножить.

Нет на свете чувства более радостного, чем сознание, что ты отдаешь свои силы служению добродетели. Наш труд был нужен людям, и это возвышало нас в собственных глазах. Чувствуешь, что не зря живешь на свете... Я знаю многих людей, которые всю или почти всю жизнь посвятили земле Севера. Например, А. С. Сульженко, окончив педучилище, сразу уехал в Чукотский округ, проработал там всю жизнь, стал заслуженным учителем школы РСФСР; даже выйдя на пенсию, остался на Севере. В. И. Лобода, москвич с университетским образованием, более 30 лет жил на Чукотке. Работал учителем, заведующим районом, инспектором. Таких имен назвать можно немало.

— Дмитрий Петрович, а кто из ваших учеников вам особенно запомнился?

— Минувло много лет, многие не вернулись с последней войны... Из моих учеников школы-интерната Чаунской культбазы назову двоих. Рольтинват — сирота, его привезли из тундры на культбазу 11 лет. Он был исключительно талантлив. После окончания первого класса я сразу перевел его в третий. После окончания школы он стал работать учителем в кочевой школе, русским языком владел свободно. Через несколько лет он и другой мой ученик — Вакатгыргин — были командированы в Ленинградский педагогический институт, где при Северном отделении прошли годичные курсы повышения квалификации учителей начальных школ.

С большой теплотой вспоминаю своих добрых друзей — Теневилу с его супругой Раей и Пелятагина, обучавшихся у меня чукотской грамоте и счету. Это — умные люди, и я уверен, что они немало способствовали пробуждению сознания, интереса к новому, отходу от вредных обрядов, связанных с верой в злых и добрых духов.

Назову еще одно имя: Петр Иванович Инэнликэй — автор чукотско-русского словаря и других работ; сейчас он кандидат филологических наук. В период работы инспектором школ народов Севера я с большим интересом следил за становлением чукотских поэтов — Антонины Кымытвалы и Владимира Тымнетувге.

Советский Север сегодня — край сплошной грамотности. Коренные народы здесь в социальном, экономическом и культурном развитии поднялись на уровень всего советского общества и вносят достойный вклад в общее дело строительства новой жизни.

Беседу вела
Камилла ЮНУСОВА

«ГОРОЙ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН»

«ЗОВУ ЖИВЫХ!»

Герцен, характеризуя основное направление «Колокола», писал: «Главным камнем на дороге лежало чудовищное крепостное право... Против крепостного права и были устремлены все наши удары, все усилия; устранению его мы подчинили все интересы»¹. А поскольку позиция иерархов русской православной церкви по вопросу об отмене этого чудовищного анахронизма была совершенно однозначна, Герцен и сам, и устами своих корреспондентов доказывал, что духовенство не нашло «ни одного сильного слова в пользу освобождения крестьян» (XIV, 88).

В 1859 году в январском номере журнала «Православный собеседник», издававшегося Казанской духовной академией, была напечатана статья «Слово об освобождении крестьян». Автор ее — преподаватель академии, архимандрит Иоанн — с помощью евангельского текста пытался обосновать необходимость освобождения крестьян в России.

Выступления в защиту освобождения крестьян со стороны представителей духовенства были большой редкостью. И журнал, где упомянутая статья появилась, вызвал неодобрение синода. На своем заседании в феврале того же года синод отметил, что журнал принял направление, «несвойственное духовному изданию»; что некоторые статьи «содержат в себе совершенно неуместные выражения, неправильные мысли и такие явные несообразности, которые неприятно видеть в печати, особенно в издании духовной академии». Решение гласило: «здесь статьи перед публикацией подвергать предварительному просмотру в Московском комитете духовной цензуры».

Академия просила казанского архиепископа Афанасия обратиться в синод с ходатайством об отмене этого решения, ибо отсылка статей в московскую духовную цензуру надолго задерживала бы выход книжек «Православного собеседника», но синод, рассмотрев рапорт Афанасия, оставил свое решение в силе². Что же касается статьи Иоанна, то автор вынужден был в мартовской книжке журнала поместить новую статью под тем же названием, но уже совсем иного содержания: теперь в ней доказывалась необходимость сохранения крепостного права.

На первую статью Иоанна обратил внимание епископ кавказский и черноморский Игнатий. Весной 1859 года он разослал духовенству своей епархии послание, в котором выступил против освобождения крестьян. Тогда «Колокол» напечатал заметку Герцена «Во Христе сапер Игнатий»³.

«Возмутительным памфлетом по поводу крестьянского вопроса» называется в ней Герцен это послание. «Цель памфлета, — пишет он, — состоит... в благочестивом рве-

А. И. Герцен и
Н. П. Огарев
в Лондоне.
Фотография 1860 г.

Прошлый век отмечен рядом важных, можно сказать, узловых моментов в истории нашей Родины. Сначала победа в Отечественной войне 1812 года, затем выступление декабристов разбудили сознание народа и передовой интеллигенции. Крымская война 1853—1856 годов обнаружила «гнилость и бессилие крепостной России»¹. Усилились крестьянские волнения, наступил кризис феодально-крепостнической системы.

Интересы народа, прежде всего угнетенного крестьянства, выразили в этот период русские революционные демократы. Видное место в их плееде занимает Александр Иванович Герцен — писатель, философ, публицист, автор широко известных работ, в которых он «сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени»². Преследуемый царским правительством, он с 1847 года жил за границей.

Он основал в Лондоне Вольную русскую типографию, чтобы печатным словом бороться с крепостничеством и царизмом. В 1856 году туда приехал его самый близкий друг и единомышленник — Николай Платонович Огарев, и год спустя они приступили к изданию первой русской революционной газеты. 1 июля 1857 года вышел ее первый номер. «Герцен создал, — писал Ленин, — вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звез-

Vivos voco! (Зову живых!) — латинское изречение, взятое эпиграфом к «Колоколу».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 256.

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. XIX. М., 1960, стр. 190. Далее сноски на это издание приводятся в тексте, первая цифра — том, вторая — страница.

² См.: ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 140, д. 254, стр. 1—6 об. (летом 1860 г. синод отменил это решение).

³ До пострижения Игнатий (Д. А. Брянчанинов) служил в инженерной команде в чине поручика, поэтому Герцен и называет его «во Христе сапером».

125 лет со дня выхода первого номера газеты «Колокол»

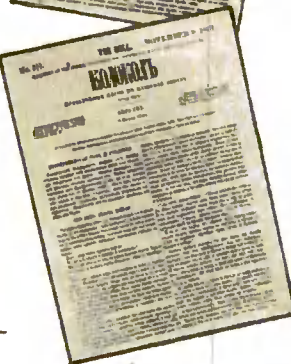
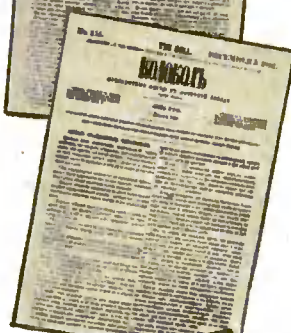
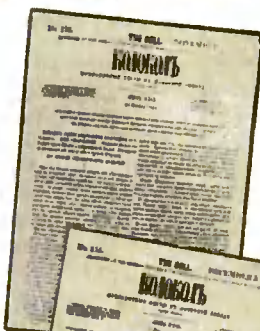
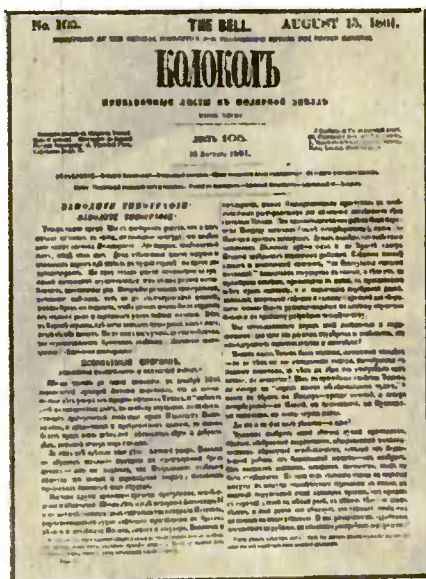
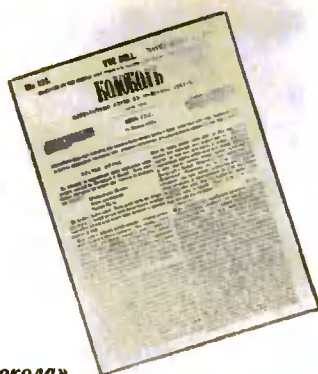
Страницы «Колокола».

да» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»³.

Газета распространялась по подписке, у нее сразу появилось и много читателей, и много корреспондентов, которые присылали в Лондон не только заметки, но и подлинные документы, подчас самые секретные. Не удивительно, что газету зачитывали до дыр. Ведь это издание, выходявшее без оков царской цензуры, говорило страстно и правдиво о русской общественно-политической жизни, о путях экономического и социального развития России. Естественно, что «Колокол», освещая эти вопросы, не мог обойти молчанием и ту позицию, которую занимала русская православная церковь.

В наши дни православные идеологи, стараясь приукрасить деятельность церкви в прошлом, говорят и пишут, будто русская православная церковь всегда выражала интересы народа, была вместе с ним, что именно церковные деятели — митрополиты, епископы и другие — были главными радетьями о благе народа, народными «печальниками» и устроителями его судеб, что именно из среды духовенства раздался голос в пользу освобождения крестьян.

Статья кандидата философских наук В. П. А. н. о. в. и. посвященная 125-летию выхода первого номера «Колокола», рассказывает о публикациях газеты, раскрывающих истинное отношение русской православной церкви к крестьянской реформе и просвещению народа.

нии доказать, что рабство — установление божественное, святыми отцами православной церкви поддерживаемое, благоверными царями упроченное». Герцен приводит слова епископа о том, что автор «Слова об освобождении крестьян» и сама Казанская академия подобны «волкам, являющимся в одежде овечьей», ибо восстанавливают одно сословие против другого, подкапываются под престол и алтарь, а то время как рабство учреждено самим богом, и христианин должен только терпеть и не смеет даже думать об освобождении. Заканчивает же архиерей свое послание прямой апологией рабства, утверждая, что «нету счастливейшего состояния, как крепостное право» (XIV, 140—141).

В этом послании епископ Игнатий выразил позицию русской православной церкви, ее высших сановников в вопросе об освобождении крестьян. Да и как им было поступать иначе, если в свое время они кропили «святой водой» учреждение крепостного рабства» (XIV, 88)?..

Современные идеологи православия пытаются приписать духовенству «благородную традицию облегчения положения крестьян, трудившихся на монастырских землях»⁴. В действительности духовенство жестоко эксплуатировало их. «Колокол» показывал, в каких тяжелых условиях жили крестьяне, приписанные к монастырям.

В корреспонденции «Монастырское крепостное право» говорится: «В России все лавры и многие монастыри имеют своих крепостных. На этот раз поговорим о крепостных Киево-Печерской лавры»⁵. И далее автор (заметка подписана «И. А.») рассказывает о непосильном труде крестьян (до тысячи ревизских душ). За нерадивость, отказ от работы и всякие провинности, сообщает корреспондент, крестьян отправляли «к о. эконому... В коридоре о. эконома есть площадка, на которой лежит негодный старый амвон церковный, сделавшийся теперь эшафотом... о. эконома, узревши в своей претории преступника, изрекает: «бить его, пока я просчитаю пять четков, — скажу пятьсот раз «господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного»; а если иногда о. эконома в бахусовдохновенном состоянии, так что от умиления засыпает в кресле, то бывали случаи, что и засекали».

Далее автор рассказывает о монастырских крепостных, официально зачисленных в штат на 25 лет. Зачисление производилось так. Мальчиков от 8 лет выбирал эконома из семейств по своему благоволению «в известное заведение, для научения работе». Состояние учеников было самое бедственное. «Если мальчика засечет смотритель, или окалечит, — говорится в заметке, — дело как в воду и канет. Суда — нет». Когда ученику исполнилось 16 лет, его зачисляли в штат монастырских крестьян. Теперь его судьба — «работать, работать на монастырь до могилы... Освободится от монастыря крепостному невозможно; их освобождает только могила, расстройство здоровья и безумие».

Здесь же корреспондент поведал об иеромонахе Иринархе, который был смотрителем малярни. «Как самый наглый грабитель в отношении к подчиненным ему малярам», накануне выдачи жалованья он «придумывает предлоги к неполной выдаче жалованья или совершенному удержанию... Крестьяне жаловались на него духовному собору, но их жалобы или оставались без внимания, или жалующихся отсылали к о. эконому... Духовному собору мало горя, что монах крадет и кладет деньги в банк: помрет и деньги, по закону монастырскому, опять поступают в казну церковную; а кровные деньги рабочих пусть гибнут».

Любопытная и смелая концовка у этой заметки: монахи — тунеядцы, земли у монастырей надо отобрать и передать крестьянам. «Киево-Печерская лавра имеет до 1500 братьев, монахов с послушниками. Все занимаются славословием богу. Следственно земли им не нужны, и при

⁴ «Журнал Московской патриархии», 1947, № 6, стр. 36.

⁵ «Колокол», л. 86 от 1 декабря 1860 г., стр. 716, 717, 718.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258—259.

освобождении крестьян могут быть отданы им в собственность. Они сумеют обратить пустыри в возделанную и полезную почву».

Чтобы понять следующий сюжет выступления «Колокола», необходимо небольшое отступление. После смерти Николая I (1855 г.) новый царь Александр II на первых порах проявил некоторый либерализм во внутренней политике. По случаю коронации объявил амнистию декабристам (вернее, тем, кто еще был жив), провел ряд реформ, начал готовить отмену крепостного права. В январе 1857 года по его повелению был образован Секретный комитет для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян, который в начале следующего года преобразовали в Главный комитет по крестьянскому делу, а в марте 1859 года на той же основе были созданы Редакционные комиссии для рассмотрения проектов отмены крепостного права. Председателем этих комиссий был Я. И. Ростовцев — решительный сторонник ожидаемой реформы. Он открыто противостоял помещикам-консерваторам, стремившимся ущемить интересы крестьян. В 1860 году Ростовцев умер, и на его место царь назначил В. Н. Панина, который, еще будучи членом Секретного и Главного комитетов, всячески тормозил отмену крепостного права.

Когда Герцен получил подтверждение известия о назначении графа Панина председателем Редакционных комиссий, он расценил этот шаг правительства Александра II как возвращение к реакционному политическому курсу Николая I. Свою статью «Невероятная новость о назначении Панина...» он поместил в «Колоколе» в траурной рамке.

О назначении Панина говорили разное. Вот что, например, сообщили редакции «Колокола» два корреспондента. Назначению Панина, дескать, содействовала императрица «вследствие экономических и религиозных⁶ идей своих, которые не сходятся с мыслью освобождения крестьян с землею!» (XIV, 258). По этому поводу в статье «Письма из России» Герцен написал, что действительно, с точки зрения религии, нельзя прийти к выводу о необходимости надела крестьян землею. «Христианство требует, — иронизировал Герцен, — чтоб все мы были нищими и немного бродягами; сверх того, оно поучает, чтоб мы заботились о ближнем больше, чем о самом себе, потому и не мудрено, что, оставаясь еще в мирском довольстве, государыня возжелала прежде освободить крестьян от временной земли, облегчая им тем самым надел вечный — пашни райские — десятинами бесконечными, от века засеянными, и притом семенами не от житницы, не от зерна! Мы не обвиняем императрицу в том, что она думает разом по учению апостолов Христа и апостолов Мальтуса и что она не знает русского вопроса. Но зачем же ей мешаться в такие иностранные дела, — саркастически замечает Герцен, намекая на иностранное происхождение императрицы, — как освобождение наших русских крестьян, как надел их нашей русской землей?» (XIV, 258).

За несколько месяцев до опубликования манифеста и «Положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» граф Панин обратился, по его словам «с высочайшего разрешения», к обер-прокурору синода графу А. П. Толстому со специальным отношением, где говорил о необходимости принять всевозможные меры к сохранению народного спокойствия при объявлении крестьянам «воли». Среди этих мер Панин считал целесообразным возложить на духовенство обязанность предотвращать возможные выступления народа. Выполняя указание Панина, обер-прокурор поручил московскому митрополиту Филарету составить «краткое и сколь возможно ясное наставление для священников» о том, как «умиротворять» крестьян религиозными проповедями. Так появилось «Циркулярное письмо канцелярии обер-прокурора святейшего синода епархиальным архиереям» от 17 февраля 1861 года, которым духовенство и руководствовалось после объявления «высочайшего манифеста».

Однако далеко не всегда удавалось церкви сохранять «порядок» религиозными проповедями и призывами повиноваться царю, помещикам и местным властям. И тогда приходилось проявлять особую изобретательность. О таком деле, сфабрикованном церковью, повествует одна из самых ярких публикаций «Колокола» — статья Герцена «Искупаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ».

Разоблачение антинародной сущности православной церкви, тесного союза ее с царизмом, помещиками и другими угнетателями народа достигает здесь особой силы.

Дело было в следующем. В 1846 году воронежский архиерей Антоний незадолго до своей кончины пожелал, чтобы были открыты мощи его предшественника Тихона, умершего в 1783 году. Тогда Николай I не считал необходимым выполнить просьбу архиерея.

Но вот настали другие времена — времена «прогрессов» и «освобождений». И в год проведения крестьянской реформы синод и царь вспомнили о пожелании Антония и приказали провести соответствующие «раскопки». «Искупаемый епископ... — по словам Герцена, — пожалован государем в святые, а тело его, за примерное нетление, произведено в мощи...» Затем было объявлено, что «мощи» Тихона могут совершать «сорок восемь чудес»!

Для чего эта нелепость, изуверство, невежество, идолопоклонство и лицемерие? — спрашивал Герцен. В эту синодальную комедию поверит только «своей детской душой» крестьянин, бедный, обобранный дворянством, обворованный чиновничеством, обманутый освобождением, усталый от безвыходной работы, от безвыходной нищеты... Он слишком задавлен, слишком несчастен, чтоб не быть суеверным. Не зная, куда склонить голову в тяжелые минуты, в минуты человеческого стремления к покою, к надежде, окруженный стаей хищных врагов, он придет с горячей слезой к немой раке, к немому телу — и этим телом и этой ракой его обманут, его утешат, чтоб он не попал на иные утешения» (XV, 134).

«Иные утешения» — это революционная борьба за освобождение от эксплуататоров. Герцен раскрывает здесь основную цель, которую преследовали царское правительство и синод, «открывая» «мощи» Тихона, —

⁶ О религиозном ханжестве императрицы Марии Александровны, жены Александра II, Герцен писал в «Колоколе» неоднократно.

«Крестьянский обед». Акварель художника И. А. Ерменева создана в период восстания Е. И. Пугачева (1773—1775 гг.).

«Наказание розгами крепостной». Гравюра того же периода.

отвлечь крестьянина от выступлений против царя, против всех угнетателей, от борьбы против грабительской реформы. Характерно, что этого не скрывали и сами церковники. Напротив, они считали такую деятельность заслугой перед царским правительством. Это подчеркивал обер-прокурор синода А. П. Толстой в своем «Отчете по ведомству православного исповедания» за 1861 год, когда говорил «о тех важных услугах, которые оказало народному делу духовенство, своим нравственным влиянием прекратив множество возникавших между крестьянами недоразумений и беспорядков»⁷.

Недаром в 1903 году один из церковных деятелей писал, что «духовенство оказывало большую пользу в деле успокоения крестьян, особенно в 60-е годы, после освободительной реформы; то же оно призвано делать и теперь»⁸.

В то время как народ нуждался в просвещении, в научных знаниях, царь и церковь звали его поклоняться мощам, толковали ему о чудесах. Гневно звучат слова Герцена в адрес угнетателей народа: «И вы, развратители, ограбивши несчастного до рублища, не стыдитесь употребить эти средства? Вы хотите сделать его духовным нищим, духовным слепцом, подталкивая его в тьму изуверства, — какие вы все черные люди, какие вы все злодеи народа!»

И тут же Герцен обращается к русскому крестьянину, скорбя о том, что тот не может его услышать: «...О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской... если б до тебя дошел мой голос, как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем. Ты их не знаешь, ты обманут их облачением, ты смущен их евангельским словом — пора их вывести на свежую воду! Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея... не верь им. Царь с ними, и они его» (XV, 134, 135).

Каково истинное отношение церкви к народным интересам, Герцен хорошо знал. В то время как передовые люди русского общества горячо обсуждали вопрос об освобождении крестьян, церковь оставалась равнодушной к народным нуждам. И обличение Герцена, обращенное к церкви, исполнено горечью и сарказмом: «Ну, а что сделала, в продолжение этого времени, всех скорбящая, сердобольная заступница наша... церковь наша со своими иерархи? С невозмущаемым покоем ела она свою семгу, грузди, визигу; она выказала каменное равнодушие к народному делу, то возмутительное, преступное безду-

шие, с которым она два века смотрела из-под клобуков своих, перебирая четки, на злодейства помещиков, на насилия, на прелюбодеяния их, на их убийства... не найдя в пустой душе своей ни одного слова негодования, ни одного слова проклятия!.. Укажите мне слово, письмо, проповедь, речь — Филарета, Исидора, Антония, Макария, Мельхиседека, Агафатокла? Где молитва благодарности, где радостный привет народу, заступничество за него перед остервенелым дворянством, совет царю? Ничего подобного — то же афонское молчание, семга, визига, похороны, освящение храма, купеческие кулебяки да вино — благо гроздия винолозы постные суть... Что у вас общего с народом? Да что у вас общего с людьми вообще? С народом разве борода, которой вы его обманываете. Вы не на шутку ангельского чина, в вас нет ничего человеческого» (XV, 136).

19 февраля 1861 года Александр II подписал столь долго ожидавшийся «Манифест» и одновременно «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости».

Условия реформы были настолько очевидно кабальные; что правительство заблаговременно предприняло ряд мер предосторожности: в ряде губерний войска привели в боевую готовность, по местам были разосланы лица императорской свиты, синод обратился к пастве со специальным увещанием.

Однако массовые волнения крестьян все же произошли. И на спинах недовольных появились, по словам Герцена, «темно-синие рубцы освобождения». «Кто-нибудь из иерархов... — спрашивал Герцен, — пошел к народу объяснить, растолковать, успокоить, посетовать с ним? Или бросился кто из них... перед одичалыми опричниками, заслоняя крестом, мощами Тихона, своей грудью неповинного крестьянина, поверившего в простоте души царскому слову? Был ли хоть один? Кто? Где? Назовите, чтоб я в прахе у него попросил прощения... Я жду! А покамест еще раз скажу народу: нет, это не твои пастыри; под платьями, которые ты привык уважать по преданию, скрыты клеветы враждебного правительства, такие же генералы, такие же помещики; их зачерствелое, постное сердце не болеет о тебе» (XV, 137).

К статье Герцен сделал примечание: «В Орловской губернии, — пишут нам, — многие попы до тех пор отказывались от чтения манифеста об освобождении, пока крестьяне не делали складчину, ими самими назначенную» (XV, 138). А ведь царское правительство именно на священников возложило миссию прочтения в церквях манифеста.

В заметке «Правда ли?.. — Нет, неправда!» (XIII, 366) Герцен показал, что духовенство и не стремилось помочь крестьянам освободиться от крепостного права. «Правда ли, — писал Герцен, — что православное духовенство, скопившее страшные богатства по монастырям, обирающее — свечами, маслом и другими поборами — народ русский, предлагает христолюбиво все сии богатства на выкуп крестьян с землею?» И уверенно ответил: «Нет, неправда!»

А в статье анонимного корреспондента «Высочайшие путешественники at home» попы прямо названы угнетателями народа, наряду с помещиками, чиновниками, откупщиками и всякими грабителями⁹.

О том, что синодские ставленники «грабят русский народ»¹⁰, писал и Огарев в приложении к «Колоколу» — «Общем вече».

Известно, с какой жестокостью были подавлены наиболее крупные волнения крестьян в 1861 году, возникшие в связи с объявлением реформы: в селах

⁷ «Русская старина», 1912, кн. II, стр. 356.

⁸ «Руководство для сельских пастырей». Киев, 1903, т. II, стр. 96.

⁹ См.: «Колокол», л. 6 от 1 декабря 1857 г., стр. 43—44; at home (англ.) — у себя дома, в данном случае: по России.

¹⁰ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 130.

Бездна Спасского уезда Казанской губернии¹¹ и Кандиевка Керенского уезда Пензенской губернии. Вот как об этом доносил синоду пензенский архиепископ Варлаам 14 августа 1861 года: «Крестьяне Чамбарского и Керенского уездов, виновные в возмущении и дерзких поступках противу местных властей, по распоряжению свиты его императорского величества генерал-майора Дренякина наказаны, и многие из них сосланы в Сибирь; затем в этих уездах водворены спокойствие и тишина»¹².

В защиту крестьян выступали прогрессивные общественные деятели. В таких случаях православная церковь считала своим долгом вместе с светскими властями преследовать крестьянских заступников. Вот характерный пример.

Герцен рассказал читателям «Колокола» о судьбе историка А. П. Шапова¹³. 16 апреля 1861 года казанские студенты устроили демонстрацию-панхиду по крестьянам, убитым царскими палачами в селе Бездне. Шапов, вспоминая погибших, сказал краткую речь: «Вы первые нарушили наш сон, разрушили своей инициативой — наше несправедливое сомнение, будто народ наш не способен к инициативе политических движений... Земля, которую вы возделывали, плодами которой — питали нас, которую теперь желали приобрести в собственность и которая приняла вас мучениками в свои недра, — эта земля воззовет народ к восстанию и к свободе... Да здравствует демократическая конституция!»¹⁴

За эту речь Шапова арестовали. После многомесячного следствия его освободили, но отстранили от преподавания. Синод же вынес решение о пожизненном заключении его в один из монастырей.

«Только и недоставало нам, — с возмущением писал по этому поводу Герцен, — к светскому III отделению прибавить духовное. Синод, кажется, хочет восполнить этот недостаток...» И называет православную церковь «свежей церковью», а ее служителей — «полицейскими иерархами» (XVI, 21—22). Для пребывания Шапову назначили Бабаевский монастырь Костромской епархии, хотя ходили слухи о грозящей ему ссылке в Соловецкий монастырь (именно такие сведения получил и Герцен).

Синод в данном случае выполнял повеление Александра II: «Бакалавра... Шапова, вменив ему в наказание содержание под арестом, удаление от должности преподавателя Казанского университета и взыскание с него начальством Казанской духовной академии 450 руб., — подвергнуть сверх того вразумлению и увещанию в монастыре по распоряжению святейшего синода»¹⁵. Решение о заключении Шапова в монастырь вызвало резкий протест передовой русской общественности. Особенно активно выступал в его защиту Н. Г. Чернышевский. Александр II вынужден был отменить свое решение.

В первые годы выступления «Колокола» против православной церкви были эпизодичны. Когда же церковь, ее иерархи активно выступили против отмены крепостного права, а потом, в период крестьянской реформы, старались отвлечь внимание крестьян от грабительской ее сущности и предотвратить революционные выступления народа, Герцен и Огарев стали активнее разоблачать эти действия. Реакционная социально-политическая роль православной церкви раскрывалась на страницах «Колокола» убедительно, на конкретных фактах.

Окончание следует

¹¹ Подробнее об этом см.: А. Шапово. Антоний воронежский и Антон бездинский. «Наука и религия», 1969, № 5.

¹² Цит. по: журнал «Красный архив», 1935, т. 5, стр. 183.

¹³ А. П. Шапов — представитель передовой разночинной интеллигенции 60-х годов. В 1856 году окончил Казанскую духовную академию со степенью магистра и стал ее преподавателем. Одновременно читал лекции по русской истории и в Казанском университете.

¹⁴ «Красный архив», 1923, т. 4, стр. 409—410.

¹⁵ Сочинения А. П. Шапова в трех томах, т. III. СПб., 1908, стр. LI.

В. ДОЛГОВА,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

Знаменский собор построен в конце XVII века вблизи Кремля, на земле, пожалованной храму московскими царями. В престольный праздник иконы божьей матери «Знамение» (27 ноября по старому стилю) сюда под колокольный звон торжественно направлялись царская семья, ближние бояре. Прошли годы, в Знаменском соборе обособился мужской монастырь. Но земли у обители было мало, угодий никаких — какие угодья в Зарядье с его городской суевой? Здание собора ветшало, колокольня разрушалась. В XIX веке собор начали реставрировать, но работы велись поверхностно, порой безграмотно; невежественные руки погубили настенные фрески внутри церкви — лишь над дверным проемом верхней церкви в наше время были обнаружены остатки замечательной росписи. Научная реставрация, проведенная в 60-е годы под руководством архитектора И. И. Казакевича, вернула Знаменскому собору первоначальный вид.

Теперь здесь разместился Дом пропаганды Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Дея-

тельность Общества заключается в том, чтобы помочь людям осознать свою причастность к прошлому и ответственность за будущее своей Родины, своего народа, помочь выполнить «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры», одну из статей Конституции СССР, которая заботу о сохранении исторических памятников провозгласила долгом и обязанностью граждан. Старинный собор служит патристическому, нравственному и эстетическому воспитанию населения.

Лестница, покрытая красной ковровой дорожкой, ведет на второй этаж, поднимаемся и проходим фойе с широкими дубовыми скамьями. Современное художественное панно над эстрадой концертного зала, уют хорошо обжитого помещения, а ведь всего несколько лет тому назад здесь не было ни электричества, ни отопления.

Зал — он размещается в верхней церкви — первоначально предназначался для заседаний и лекций. Устроители полагали, что здесь будут проходить и концерты, но немного — один-два в год. Жизнь, однако, внесла коррек-

тивы в первоначальные планы — сейчас ежегодно в Доме пропаганды проходят многие десятки концертов.

Тематика лекций и вечеров разнообразна: член-корреспондент АН СССР В. Л. Янин рассказывал о многолетних археологических раскопках в Новгороде, о своей работе говорил директор Пушкинского заповедника С. С. Гейченко, писатель А. С. Пьянов выступал с лекцией «Пушкин в Тверском крае». Член президиума Иркутского отделения Общества поэтов Марк Сергеев подготовил вечер о пребывании декабристов в Иркутске — сцена воспроизводила салон Трубецких, артисты исполняли музыкальные произведения ссыльных декабристов.

Дом пропаганды откликается и на знаменательные даты — в прошлом году, например, был проведен вечер, посвященный 750-летию города Можайска; в соборе звучали стихи о Куликовской битве, Бородинском сражении, обороне Москвы в Великую Отечественную войну — во всех этих событиях Можайск сыграл большую роль. Лектор Дома пропаганды В. Н. Калынина рассказала о современной духовной жизни города.

Вечера и концерты проходят не только в Знаменском соборе, но и в районных отделениях Общества — в Дубне в Институте ядерных исследований, московском Доме ученых; концерт памяти композитора А. А. Алябьева был организован в создаваемом мемориальном музее села Рязанцы Щелковского района Московской области, где жил и работал композитор.

Каждый сотрудник Дома пропаганды занят своим делом: И. К. Языкова занимается вопросами древнерусской живописи, В. Г. Котов — архитектурой и историей, В. Н. Калынина — литературоведением, Г. А. Владимирова больше других занята организационными делами — она принимает

заявки от московских первичных организаций Общества. Дело нелегкое: ведь зал в Знаменском соборе всего на 160 мест.

Особую популярность Дому пропаганды снискали концерты старинной русской музыки.

Вряд ли сегодня кого-то надо убеждать в художественной ценности старинных икон, доказывать, что речь идет о высоком искусстве древних живописцев. С музыкальным наследием дело обстоит сложнее. Многие до сих пор полагают, что русская классическая музыка начинается с М. И. Глинки. Существовавшие ранее оперы, концерты, напевы известны лишь узкому кругу специалистов, широкая публика их не знает.

Отыскать, восстановить старинные творения, донести их до сердца современного слушателя — вот задача, которую поставили себе энтузиасты Дома пропаганды. И они действительно открыли забытые, утерянные страницы этой музыки, возродили ее из небытия. Среди тех, кто открывает страницы прекрасного, но забытого музыкального наследия прошлого, кто щедро делится знаниями об отечественной культуре прошлых веков, музыковед В. И. Ражева, заместитель директора Дома пропаганды. В тесном содружестве с ней и другими популяризаторами старинной музыки руководитель ансамбля солистов Владимирской филармонии В. И. Корначев. После долгих поисков они обнаружили в хранилищах Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, в архивах Московской консерватории записи русской музыки XVIII и даже XVII веков. Слипшиеся ветхие нотные листы с полустертыми знаками были сфотографированы и расшифрованы. В результате обрели вторую жизнь произведения В. П. Титова, В. А. Пашкевича, И. Е. Хандошкина, О. А. Козловского, Е. И. Фомина и других талантливых русских композиторов XVIII века. Ансамбль солистов Вла-

димирской филармонии подготовил в течение года 10 программ старинной русской музыки. Когда исполняются эти произведения, зал всегда переполнен: старинная музыка открывает современному слушателю духовный мир людей прошлого. В партесных концертах*, кантах (восхвалениях), знаменных роспевах композиторы выражали свою мечту о гармонии и справедливости. Эти сочинения носят в основном религиозный характер, но, хотя слова песнопения обращены к богу, музыка воплощает земные чувства, возвышенное стремление человека к прекрасному. Выполняя церковные заказы, композиторы создавали свои творения в соответствии с собственным мироощущением, личными переживаниями, которые далеко не всегда соответствовали религиозным установлениям.

Первый концерт, ознаменовавший открытие Дома пропаганды, во многом определил направление его деятельности. На открытии выступила Государственная республиканская русская хоровая капелла имени А. А. Юрлова с большой программой старинной и народной музыки. С именем Александра Александровича Юрлова связаны и первые музыкальные шаги Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Дом пропаганды стал привлекать всех, кто воодушевлен идеей распространения знаний о славных страницах отечественной культуры.

Концерты старинной музыки в Знаменском соборе стали заметным явлением в культурной жизни столицы. Здесь выступают Государственный хор Союза ССР под управлением В. Г. Агафонникова, Государственный московский хор под управлением профессора В. Г. Соколова, Московский камерный хор под управлением В. Н. Минина, квартет имени А. И. Бородина, квартет имени Д. Д. Шостаковича и мно-

гие другие прославленные музыкальные коллективы. Частый гость Дома пропаганды — Вильнюсский струнный квартет.

Под сводами бывшего Знаменского собора звучит не только русская музыка. Здесь исполняются произведения западноевропейских музыкантов, так или иначе связанные с Россией: сочинения Бетховена на русские темы, сочинения Венявского, заказанные ему известной русской меценаткой фон Мекк, произведения Дебюсси, написанные им во время пребывания в России, оперы французского композитора Гретри, широко известного в пушкинское время.

Конечно, старинное музыкальное искусство отличается от привычного нам, однако концерты в Доме пропаганды показывают, насколько ощутима нить, связующая прошлое с настоящим. Не случайно в одном из концертов мужского вокального квартета было два отделения. В первом — знаменный распев, канты (восхваления), партесный концерт, во втором — русские народные песни и хоровое искусство наших дней. С большим подъемом квартет исполнил песню декабристов на слова К. Ф. Рылеева «Ах, тошно мне и в родной стороне», известную песню военных лет «Землянка», «Эй, ухнем!» в обработке А. В. Свешникова. Второе отделение дало почувствовать, как сильны традиции, какой длинный и сложный путь прошли они, прежде чем влиться в богатое музыкальное, песенное творчество нашего времени.

В концертном репертуаре Дома пропаганды большое место отведено народному творчеству. Перед москвичами выступали самобытные музыкальные ансамбли из Хакасии и Татарии. Надолго запомнился концерт четырех исполнителей на-

*Партесный концерт — пение по партиям. Утвердился в конце XVII в. Сначала исполнялся в церкви, но вне ритуальной службы. Потом только в светских концертах.

родных песен из села Карево-Наумово на Псковщине — родине М. П. Мусоргского. На концерте, посвященном закладке памятника композитору, фольклорный хор исполнил песни, которые он записывал и использовал в своем творчестве.

Дом пропаганды пригласил четырех участниц хора в Москву, и на их долю выпал успех. Исполненные ими старинные песни позволили заглянуть в души поколений, ушедших и забытых, а теперь возрожденных силой

искусства. В концерте принял участие и профессиональный фольклорный коллектив, который возглавляет Д. В. Покровский.

Д. В. Покровский и руководимый им фольклорный ансамбль молодых исполнителей увлеченно ведут поиски народного творчества прошлого. Экспедиции в Якутию, в Коми АССР, в Пермскую область, на Дон, на Терек, на Кубань помогли собрать немало народных песен, в том числе старых казачьих.

Перед концертом «Пес-

ни Древней Руси» Д. В. Покровский рассказывал о находках последних лет, о редких образцах народной песенности, сохранившейся в далеких селах Севера, об экспедиции в Усть-Цильму (Коми АССР), где живут старообрядцы, умеющие читать «крюки», которыми записывали музыку в далеком прошлом. Именно там обнаружен большой знаменный распев композитора XVI века Федора Крестянина, певчего дьяка двора Ивана IV Грозного.

А потом ансамбль ис-

полнял старые казачьи песни, стихи и легенды, псалмы, путевой распев, поморские былины, пастушьи напевы, свадебные песни; была показана святочная народная драма в костюмах. Пели много, щедро отвечали на аплодисменты новыми песнями...

Знаменский собор сегодня живет полнокровно, жизнерадостно. Искусство славит человека, его деяния, его мастерство...

Известно, что с распространением христианства у разных народов их прежние божества не исчезли бесследно, порой они ассоциировались с христианскими святыми, а иногда переходили в разряд нечистой силы, становясь демонами, бесами, злыми духами. Характерна в этом отношении история кельтского бога Цернунноса.

О кельтах, населявших земли к северо-западу от Альп, бассейны Рейна, Сены, Луары, верховья Дуная, писали древнегреческий историк Геродот, затем Страбон, Диодор, Посидоний, Плибий, Лукан, а также римский историк Тацит. В «Записках о галльской войне» Юлия Цезаря рассказывается не только о военных действиях, но и о народе, с которым пришлось столкнуться римлянам. В те времена, на пороге новой эры, кельтов называли галлами. Кельтские племена, вторгшиеся в Малую Азию, именовали галатами.

Когда Юлий Цезарь попал в Галлию, тамошний народ, по его словам, «был очень предан религии». Здесь почитали богов и героев, различных у разных племен, обожествляли деревья, рощи, горы, родники, болота и торфяники. Каждое из священных мест имело своих духов-хранителей. Волшебная сила приписывалась определенным предметам и знакам (уже после принятия христианства такие знаки ставили на стенах Клермоны в Северной Италии — для защиты от чумы). Верховным божеством галлов, по мнению Цезаря, служил покровитель дорог и купцов, искусств и ремесел по имени Луг.

Кельты, как и многие другие народы, почитали магическим числом три. Лукан в I веке нашей эры упоминает трех богов — Теватиса, Эзуса и Тараниса. В Провансе, в бассейне Рейна и в Ирландии особой популярностью пользовались три богини. Остались от кельтов и изображения трехликих богов. Мужские божества отличались свирепым характером: в честь Теватиса жертву топили, в честь Эзуса — душили, а для Тараниса — властелина небес, символом которого служили колесо или молния, — сжигали. Святые места с местами жертвоприношений встречаются в Европе от Южной Франции до Северной Чехии.

Рельефное изображение кельтского бога Цернунноса хранится в музее Клюни во Франции. Его обнаружили в 710 году в Париже, на одной из каменных плит, состав-

РОГАТОЕ БОЖЕСТВО КЕЛЬТОВ

М. РОМАНОВСКАЯ

ляющих квадратный «алтарь». Существо с человеческим лицом и двумя рогами — таким предстал Цернуннос (имя божества хорошо сохранилось на каменной плите). На каждом из рогов висит по шейному украшению в виде обруча с незамкнутыми концами — торквесу, который у кельтов считался принадлежностью богов и героев.

Впоследствии нашли несколько десятков изображений Цернунноса. В специальном каталоге Бобера, изданном в 1951 году в США, их уже 44. Область распространения этих находок широка: от Прованса на

юге до Ютландии на севере и Поднепровья на востоке, то есть везде, где жили или проходили кельты. В 1957 году в Молдавии около города Оргеева археологи обнаружили бронзовую фигурку Цернунноса, отлитую в односторонней форме.

Рогатого бога вырезали из камня, отливали из бронзы и серебра, лепили из глины. Например, металлическая фигура из Бурэ (Франция), сделанная в двусторонней форме, изображает Цернунноса с оленьими ногами, сидящего в позе восточного бога. В левом глазу у него видны остатки синей эмали.

На каменном рельефе, хранящемся в Реймском музее, рогатое божество с гривной на шее, скрестив ноги, сидит на возвышении. Из его мешка сыплются монеты. Рядом — фигурки быка и оленя. Справа от Цернунноса изображен Аполлон с лирой, слева — Меркурий. На другом каменном рельефе в музее Шаторуа толстенькое рогатое божество, сидящее в позе Будды, соседствует с фигурками Эроса.

Замечательная находка — культовый серебряный котелок из Гундеструпа в Ютландии. Снаружи и изнутри он украшен серебряными пластинками, на которых вычеканены изображения богов и героев. Есть среди них и Цернуннос. Его фигура полна покоя и отрешенности, на голове оленьи рога, волосы коротко подстрижены «под горшок», на шее торквес. Руки согнуты в локтях и подняты вверх. В левой руке — змея с бараньей головой, в правой — витой торквес. Ноги согнуты в коленях и поджаты. По правую руку Цернунноса стоит олень, слева — волк. Глаза всех троих на одном уровне. У Цернунноса и оленя одинаковые рога. Возможно, олень и был тем тотемным животным, которому обязан своим происхождением рогатый бог.

В числе его атрибутов также кошель, крыло, корзина с плодами, рог изобилия, что характеризует Цернунноса как бога доброго, дарящего людям изобилие, богатство, удачу. В этом смысле он сходен с греческим Паном, покровителем пастухов, а также с Силеном и Сатиром.

С возникновением христианства добрые функции языческих божеств перешли к христианским святым, угодуникам, а рога и копыта достались нечистому, бесовскому миру, став олицетворением злого начала.

ПОД СЕНЬЮ СВЯТЫХ ДАРОВ

Л. ЧЕРНЯК

Религия, церковь, верующий

Л. Черняк много лет был проповедником и руководителем общин одного из течений пятидесятничества. Сейчас он живет в Сухуми, работает бригадиром сантехников. О своем сложном жизненном пути, об опыте своих духовных исканий Леонид Юрьевич по просьбе редакции рассказал нашему корреспонденту В. Харазову.

ЖАЛЕЮ ли я сейчас о том, что моя жизнь сложилась именно так, а не иначе? Конечно, жалею, ведь многие годы оказались истраченными впустую. И теперь, когда пришло истинное понимание смысла и сути бытия, нет уже ни прежних сил, ни прежнего здоровья.

Но, с другой стороны, вряд ли моя жизнь могла сложиться иначе, во всяком случае та часть ее, что приходилась на детство и юность.

Родился я в религиозной семье. Жили мы тогда в деревне Огородники Калининского района Гомельской области. Отсюда отец ушел на фронт, когда началась Отечественная война, и погиб. Белоруссию оккупировали гитлеровцы. Наша деревенская жизнь, и без того не очень-то бурная, совсем притихла.

Помню, как примерно с трех лет мать водила меня в молитвенное собрание христиан евангельской веры — пятидесятников. В деревне и на окрестных хуторах их было человек 30. Руководила ими сестра моего отца. Иногда на молитвенном собрании появлялся и Петр Журавель — пресвитер Калининской общины.

Первой моей книжкой была Библия. По ней да еще по разъяснениям взрослых у меня складывались представления о мире, о жизни, о добре и зле.

На богослужениях мне было интересно, хотя проповеди я тогда еще не воспринимал. Но от молитвенных собраний, библейских текстов, от разговоров взрослых во мне крепло убеждение, что наша вера защищает от мирских бед. Когда я стал взрослеть, оно перешло в уверенность в избранности — и своей и своих единоверцев. Может быть, этого и не случилось бы, если бы окружающие относились к нашей религиозности с большим пониманием. Но даже среди учителей находились люди, не способные удержаться от насмешки. Были, конечно, и такие, как наш учитель Ананий Петрович. Как-то, ставя мне пятерку за ответ, он с сожалением и остро запомнившейся грустью сказал: «Жаль только, что пятерка эта тебе на самом деле ни к чему, — ведь приобретаемые знания не помогают тебе

разобраться в том, где подлинная истина, а где лишь обманчивое подобие ее». «Губишь ты, Леня, свое будущее», — не раз повторял он, и его слова смущали меня. Но то, что было заложено с детства, то, что выделяло нас из «греховного мира», каждый раз оказывалось сильнее. Да и насмешки делали свое дело. Я все больше убеждался в правоте проповедников, которые говорили, что мы избранный Христом народ и потому каждый должен быть готов принять сораспятие — ибо сказано Христом: гонимы будете во имя мое.

Сораспятие представлялось мне торжественным и героическим актом. Поэтому особенно нравились мне в школьной программе рассказы о героической смерти, принятой во имя идеи. В моей памяти постоянно всплывали слова гимна, который часто пели в молитвенном собрании: «А завтра, быть может, кого и поднимут толпой разъяренной на древо креста...» Все же остальные школьные предметы я воспринимал так, как разъяснили мне в общине: бог сотворил Землю и всю Вселенную по своим законам, а ученые постепенно открывают лишь наиболее простые из этих законов, — вот их-то и проходят в школе. А если при этом учителя утверждают, будто бога нет, так потому, что высшие, божественные истины доступны только избранным.

У меня, в ту пору еще ребенка, не было и не могло быть никаких претензий ни к Советской власти, ни к социалистическому строю, за которые отдал свою жизнь отец. Но я уже знал, что наши молитвенные собрания устраиваются тайно, что о них нельзя говорить посторонним, иначе, как утверждали старшие «братья» и «сестры», всех подвергнут пыткам за нашу веру и отправят в страшную Сибирь. Поэтому нет ничего удивительного, что я с опаской относился не только ко всему, что хоть в какой-то

мере олицетворяло собой официальную власть, но и ко всем неверующим вообще как к исчадиям греха, уже осужденным на гибель. А исхода в благословенные земли, куда мы, христиане евангельской веры, будем выведены, как некогда евреи из Египта, ждал как осуществления самой заветной мечты.

Кстати, верил и ждал этого со дня на день не только я. Хорошо помню, как осенью 1949 года, придя с молитвенного собрания, мать сказала, что озимую рожь сеять не будем, так как до весны бог обещал вывести свой народ в землю обетованную...

С нетерпением ждал я, 9-летний парнишка, этого чуда, истово и горячо молился, подсчитывал, сколько месяцев, недель, дней осталось до начала благословенной жизни. На богослужениях накал проповедей и молитв возрастал день ото дня, верующие все более отрешенно относились к своим земным делам и все более сожалюще и осуждающе поглядывали на своих неверующих соседей: ведь их ожидала страшная гибель. Помню, как жалко было мне моих учителей — Анания Петровича Бондаря и Александру Ивановну Галай, школьных друзей Федю Пугача и Митю Божко. Ведь им тоже предстояло погибнуть.

Я даже поделился своими размышлениями с одним из старших «братьев», но тот ответил, что все неверующие имеют много духа — духа лжи и нечестия — и что этот дух через тех, кто кажется мне хорошим человеком, хочет погубить мою душу. «Это Сатана», — сказал мне старший «брат», — принимает образ хорошего человека, а внутри этот человек полон всякой неправды, и яд аспиды под устами его».

Я не мог не поверить взрослому единоверцу. Но, поверив, в душе не согласился с ним, что под языком моих любимых учителей и школьных друзей «яд аспиды». Наоборот, я решил, что хотя они и сатанинского духа, но благодаря своим душевным качествам постепенно приближаются к богу. И будет очень жаль, если их постигнет участь остальных неверующих. Я даже попытался исправить эту явную, на мой взгляд, несправедливость. Конечно, к учителям с таким

разговором я подойти не осмелился, но своих друзей изо всех сил старался обратить в веру. Насколько я понимаю, это была моя первая, неосознанная, но искренняя попытка миссионерства.

Приближалась весна, а вместе с нею и наш исход в обетованную землю. Верующие ожидали его уже со дня на день, но чем более страстными становились их молитвы, тем более сдержанно вели себя наши проповедники. И вот однажды, уже весной, они объявили, что надо сеять рожь, так как велико долготерпение всевышнего к народу своему избранному, в сердце своем еще привязанному к земным радостям и потому не созревшему еще для земли обетованной! Сообщение это вызвало у моих единомысленцев и разочарование, и раскаяние в разных мелких прегрешениях, и новый приступ неприязни к окружающей жизни, с которой они были совсем уж распрощались.

В ту пору я уже знал, что наше учение — единственное истинное учение Христа. Другие верующие, например баптисты, православные, либо неправильно понимают его, либо еще не достигли столь глубокого понимания, как мы — христиане евангельской веры. А самое убедительное свидетельство нашей избранности — обладание святыми дарами — иногворения, пророчества и чудотворения¹. И я почти наизусть помнил текст второй главы из Деяний апостолов, которым проповедники обосновывали истинность нашей веры: «При наступлении дня пятидесятницы все они были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все духа святого, и начали говорить на иных языках, как дух давал им проповедовать».

Цитируя эти строки о сошествии святого духа на апостолов, проповедники всегда добавляли, что оно было предсказано Христом в Евангелии от Марка в 16-й главе: «Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы».

Особенно часто в разговорах о дарах духовных проповедники ссылались на первое послание Павла к коринфянам, на его 12—14-ю главы. Но, как я узнал позднее, выбирали из этих глав всегда одни и те же места. Дело в том, что многие высказывания апостола Павла можно повернуть против иногворения, что и делали в диспутах с пятидесятниками приверженцы других христианских направле-

ний. Кстати, это одна из причин того, что многие общины свели в своей практике иногворение к минимуму.

Но тогда я еще ничего не знал о критике иногворений и слова старших «братьев» воспринимал как бесспорную истину.

С 17 лет я уже проповедовал, а когда мне исполнилось 18, принял водное крещение, был крещен духом святым и вошел в число «жителей небесного города — Нового Иерусалима». В ту пору я уже жил в Донецке и учился в ремесленном училище.

Почти каждый вечер мы, молодежь общины, ехали куда-нибудь в окрестности Донецка, в соседние села или поселки — к своим единомысленцам. Начинались беседы, пение псалмов. На «огонек» заходили соседи и родственники хозяев, местная молодежь. Песни обычно вызвали интерес. «Что это вы поете? Мы таких песен не знаем», — говорили нам. Заходил разговор о нашей вере. «А что дает ваша вера?» — чаще всего спрашивали нас. Мы уже знали, кому и как надо отвечать. Девушке мы говорили, что если она примет крещение и выйдет замуж за «брата» по вере, то муж никогда не изменит ей. Юноше говорили то же самое о девушках. Предварительно выяснив, чем человек интересуется, предлагали использовать его способности на благо общины. Если он увлекался пением — ему советовали вступить в наш молодежный хор. Если сочинял музыку или стихи — выступить с ними. Пожилую человеку мы обещали, что не только верующие дети, но и «братья» и «сестры» по вере никогда не оставят его в беде, будут ухаживать в случае болезни, поддержат его и духовно и материально.

Начав проповедовать, я стал прибегать к мирской литературе, искусству, регулярно читал газеты, слушал радио. Я знал, что вообще-то это грех, но грех, рассуждал я, для тех, кто не способен отделить зерно от мякины. Для меня же, искавшего лишь аргументы и факты для проповеди слова божьего, греха в этом не было, ибо сказано в Библии: «Все мне позволительно, но не все полезно». А то, что не могло быть полезно для проповедей, я отбрасывал. Помню, как впервые, в 17 лет, пошел я в кино. Фильм мне очень понравился, но весь сеанс меня терзала мысль: а вдруг, пока я здесь сижу, началось второе пришествие и мои единомысленцы уже в земле обетованной? Я молился, чтобы фильм скорее кончился — так горячо и буквально верил я и в библейские истины, и в то, что говорили старшие «братья» и «сестры».

С детства увлекался рыбалкой, я мечтал жить на берегу какой-нибудь крупной реки. И, получив специальность слесаря-сборщика металлоконструкций, переехал в Запорожье. Были и другие соображения, привед-

шие меня именно в этот город. Дело в том, что незадолго до моего приезда руководителей запорожской пятидесятнической общины судили за антисоветскую деятельность. Узнав о моем желании переехать в другой город, благовестник Дмитрий Зарубин предложил мне остановить свой выбор именно на Запорожье, чтобы укрепить там руководство общины.

В Запорожье я стал активно проповедовать, заниматься миссионерством. Мне предложили возглавить группу верующих в поселке Зеленый Яр (у нас это называлось «руководящий»). Руководящие были как бы наместниками пресвитера и его будущими преемниками. Если учесть, что в то время мне не исполнилось еще и 20 лет, то можно понять, какая это была большая честь. Собирались мы нелегально. Я был молод, здоров, молился и проповедовал самозабвенно, не щадя сил.

И в Донецке, и в Запорожье были верующие и других христианских направлений: баптисты, евангелисты, адвентисты. Между руководителями разных общин шла неприметная для непосвященных, но яростная борьба. Особенно запомнились мне диспуты с баптистами. И наши проповедники, и баптистские поочередно произносили проповеди в защиту истинности своей веры и обличали заблуждения противников.

В 1961 году у меня родился сын. В следующем году — еще один. Жить стало трудно: не было своей квартиры, да и заработка на семью из четырех человек не хватало. Спешившись с единомысленцами, мы двинулись под Очамчиру в селение Охурей, где, как я выяснил, требовались рабочие высокой квалификации. Колхоз дал нам в рассрочку домик, за что я отработывал на чайных плантациях несколько часов в день. Вслед за мной под Очамчиру переехали еще 15 семей пятидесятников из Запорожья, и мы зажили своей маленькой, тесной группой. Я вновь стал руководящим.

Именно здесь, как я теперь понимаю, и начался перелом в моей жизни, хотя веровал я по-прежнему истинно и глубоко.

Одна из особенностей пятидесятничества — вера в пророчества. До поры до времени я полностью разделял ее. Но постепенно в моей памяти накапливалось все больше случаев, когда пророчества не сбывались.

Так, в деревне Кислицевата Томовского района Днепропетровской области был пророк Прохоренко. В свое время он предсказал, что одна из верующих, давно уже болевшая, скоро умрет. С тех пор прошло уже лет 20, а она жива.

¹Подробнее о «даре пророчества» и других «духовных дарах» см. в ст. В. Граждана «О «духовных дарах» и их почитателях». «Наука и религия», 1976, № 12.

Одна из моих родственниц строила с мужем дом. Местный пророк (дело было в Калинковичах) предсказал, что не успеют они достроить дом, как моей родственницы не станет. В общине некоторые даже стали обсуждать, на ком женится муж после ее смерти. Она жива до сих пор.

Помню, как из общины ушли несправедливо осужденные молодые супруги. Шура попала в больницу, и ей в бессознательном состоянии прервали беременность, чтобы спасти жизнь. А пророк наш объявил, что ему было откровение, будто Шура просто избавилась от ребенка с согласия мужа. И молодых супругов чуть не затравили.

По молодости я быстро забывал случаи ложных пророчеств, но память подсознательно их хранила, чтобы потом, как это случилось под Очамчирой, предъявить их все разом. Если пророчество от бога, то оно должно сбываться, а если не сбывается, значит — не от бога. А как определить, какое пророчество истинное, а какое ложное? И как бороться с лжепророками? Я пришел к выводу, что во многих известных мне пророчествах о том, где и что произойдет, нет истины и, следовательно, не от бога они, а от лукавства и гордыни лжепророков. И тогда я стал обличать наших пророков, надеясь на то, что в итоге мы обретем истинных.

Большинство верующих меня поддерживали, но те, что привыкли пророчествовать, боясь потерять свое влияние, стали жаловаться на меня пресвитеру. Постепенно забеспокоилось и руководство. В доверительных беседах мне объяснили, что, обличая лжепророков, я разрушаю веру. Если, мол, всех пророков обличишь, что от веры останется? Ведь она стоит на даре пророчества как на одном из трех китов. Но если можно обличить всех пророков, удивился я, значит, и все пророчество не от бога! Да не в этом дело, ответили мне. Даже если и не от бога, а люди считают, что от бога, не надо разрушать их веру. Сегодня человек начнет сомневаться в истинности пророчества, а завтра, глядишь, усомнится в самом боге. Я, однако, с этими доводами не согласился.

Мы прожили под Очамчирой пять лет. Пять лет вел я молитвенные собрания, проповедовал, боролся с лжепророками. Был я еще молод, но начинал чувствовать, как все больше накапливается во мне усталость. Да и здоровье мое, и без того подорванное, начинало сдавать. Первый звонок прозвенел еще в ту пору, когда меня призывали в армию. Я сразу же заявил, что не возьму в руки оружия — моя вера, мол, не позволяет мне этого. Работники военкомата много беседовали со мной, а между тем оформленные призыва шло своим чередом.

Когда подошло время медицинской комиссии, проблема решилась сама собой — меня забраковали. Я до того обрадовался, что не запомнил ни названия болезни, ни тех рекомендаций, которые дал мне врач. И только усмехнулся, услышав, что моя болезнь связана с моей верой. Я еще чувствовал себя вполне здоровым, а кроме того, считал, что на все воля божья: захочет — пошлет испытание болезнью, захочет — исцелит.

Все вместе — и усталость, и недоумогания, и расхождение во взглядах с руководством зародили во мне какую-то смутную тоску. Меня вдруг непреодолимо потянуло на родину — в Белоруссию. И я вернулся с семьей в Калинковичи. Я надеялся встретить здесь понимание в борьбе с лжепророчествами. Но после первой же проповеди на эту тему у меня произошло столкновение с епископом пятидесятников Петром Журавлем. Я был разочарован. Значит, все руководство пятидесятничества предпочитает выдавать ложь за откровения свыше? А может, и в самом деле все пророчества не от бога?

Я стал более внимательно приглядываться к жизни общины, размышлять над религиозными заповедями и поведением верующих. Если раньше, встретив несоответствие между учением и действительностью, которое был не в силах объяснить, я обращался за советом к старшим и более опытным «братьям», то теперь предпочитал полагаться на собственные силы.

И тут меня постигло еще одно разочарование. Я обнаружил, что некоторые «братья» и «сестры» по вере тащат с работы все, что только могут. Везет, скажем, человек доски — завернул к себе во двор, сбросил немного. Один «брат» возвел стены своего дома из кирпича, купленного у тех, кто этот кирпич украл со стройки. И вся община об этом знала. Когда строительство закончилось, было устроено нечто среднее между молитвенным собранием и новосельем. Петр Журавель благословил дом. А когда я сказал, что нехорошо именем бога благословлять дом из ворованного кирпича, Журавель стал доказывать, что «брат» не украл, а купил, так что никакого греха на нем нет. И вообще, мол, что приносит пользу вере и верующим, то бог благословляет.

Не могу сказать, что сам я без греха. Когда строился, не мог достать нескольких бревен. Пришлось тайком срубить их с «братьями». Так потом меня совесть замучила. Покаялся я Петру Журавлю, а он мне: да забудь ты об этом, тебе на пользу — значит и богу угодно...

Чем больше присматривался я к жизни моих единоверцев, тем больше убеждался, что они нарушают божьи заповеди. И мне стало больно за

былое донкихотство — я боролся за очищение веры от лжепророчеств и не видел, как ее оскверняли куда худшими грехами.

Тяжело переживалось новое разочарование. Но и оно не убило моей веры. Каждому воздастся по его грехам и по его делам, решил я. Если плох слуга, то это еще не значит, что плох и господин. Я по-прежнему ходил на богослужения, по-прежнему проповедовал, но все больше размышлял над сущностью веры, ее смыслом, над тем, как она согласуется с жизнью.

Между тем здоровье мое ухудшалось. Часто болела голова. Тогда я начинал молиться. Моя молитва становилась все горячей, все напряженнее, пока я не доходил до полного самозабвения. Головная боль проходила, но вскоре опять наваливалась, и я опять молился, опять приходил в экстаз...

Так проходили месяц за месяцем, год за годом — в молитвах и проповедях.

Была у нас в общине парализованная девушка. Уже заболела, она приняла и водное крещение и крещение духом святым. Согласно вероучению, бог недугом либо испытывает веру человека, либо наказывает его за грехи. И до того мне стало жалко ее, что я начал размышлять над тем, каким же должен быть ее грех, если за него последовало такое наказание?

Если господь испытывал ее веру, думал я, то после того, как она приняла оба крещения, веровала и не роптала, ее надо было бы исцелить. Если же ее грех не прощен, то как мог господь допустить ее в число избранных — получивших крещение духом святым? Может, он просто забыл о ней? И я стал молиться за нее.

После одной из особенно страстных молитв я вдруг с ужасом подумал: «А что, если там, куда я взываю, — пустота?» Я содрогнулся и от этой мысли, и от страха перед собственной дерзостью. Но страх тут же отступил, зато навалилось отчаяние.

Ночью я не сомкнул глаза ни на минуту. Перебирал всю свою жизнь, судорожно пытаюсь уцепиться за былую убежденность, ибо жутко было мне без бога. Но память подбрасывала мне лишь те случаи, когда я и раньше вставал в тупик, однако отмахивался от сомнения тем, что это пока еще для меня непостижимо. Я пытался вспомнить все, что укрепляло и питало мою веру, но и там не мог отыскать дорогу к богу. Не было его ни в пророчествах, ни в проповедях, ни в молитвах. И сами библейские тексты предстали передо мной по-новому, обнажились своими противоречиями, повелевая то любить, то ненавидеть, то все прощать, то за все платить той же монетой...

Я обращался мыслью к иноговорению, но и в нем не видел истины.

С самого детства считал я полноценным верующим лишь того, кто был крещен духом святым, то есть получил дар говорения на иных языках. И наши проповедники, и сам я, готовя верующих к крещению духом святым, ссылались на слова Христа о неотступной молитве, внушали, что молиться необходимо до тех пор, пока бог не пошлет молящемуся духа святого, знамением чего и является говорение на иных языках.

После многодневного поста и покаяния желающий получить крещение начинал длительную, час за часом непрерывную молитву: «Дай, дай, господи, дай...», или же: «Крести, крести, господи, крести...», или: «Излей, господи, излей, излей...» Чтобы помочь ему, все присутствующие тоже начинали громко молиться. Постепенно все затихало, и только желающий получить крещение продолжал истопленно взывать к богу. И если язык у него начинал заплетаться, речь становилась нечленораздельной, а сам он впадал в экстаз, то считалось, что он исполнился духа святого. Когда при этом присутствовал кто-либо, имеющий дар истолкования, то он пояснял верующим, что именно говорит бог на иных языках устами молящегося. Не раз и не два приводил я на молитвенных собраниях слова апостола Павла: «...Кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом...»

Долгие годы воспринимал я говорение на иных языках как одно из самых убедительных свидетельств нашей причастности к самым сокровенным тайнам веры. Я уже знал, что в свою очередь баптисты приводили слова апостола Павла из того же первого послания к коринфянам: «...Если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу... Так если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер...» И еще: «Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь?»

На эти слова апостола Павла мы приводили другие его же слова, и спор заходил в тупик.

Но в ту ночь я вдруг задумался над одним библейским эпизодом. Когда бог в день пятидесятницы исполнил апостолов духа святого, то, как сказано во второй главе Деяний апостолов, «собрался народ, и пришел в смятение, ибо каждый слышал их говорящих его наречием. И все изумлялись и дивились, говоря между собою: ...Как же мы слышим каждый собственное наречие, в котором родились». Значит, поразился я своему открытию, когда апостолы стали гово-

рить на иных языках, то это были родные языки присутствовавших там людей, к которым апостолы обращались, чтобы их могли понять! Так что же общего, подумал я, между говорением на родном языке твоего собеседника и иноговорением моих единоверцев, которых понять никто не в состоянии? Не больше, чем у зерна с мякиной! Можно, конечно, возразить словами апостола Павла, что тот, кто молится «на незнакомом языке, тот говорит не людям, а богу... он тайны говорит духом». Но если богу, да еще тайны, зачем тогда дар истолкования? Богу истолкование не нужно, а верующим ни к чему тайны, предназначенные для бога. Если же слова обращены к верующим, то почему не говорить на их родном языке, как это и делали апостолы? Нет ответа на эти вопросы. И, значит, нет в говорении на иных языках истины, как нет ее и в пророчествах!

Кому же тогда и зачем нужно и крещение духом святым, и само иноговорение, тяжело сказывающееся даже на самых крепких в вере? Кому нужно, чтобы страдали люди, которые, не выдержав огромную нервную нагрузку, попадают в психиатрические больницы? Сколько я знаю таких! Недаром же целый ряд общин наших единоверцев отказался от иноговорения, признав, что нет в нем истины, а вреда много. Почему же наши руководители так упорно отстаивают истинность говорения на иных языках, называя тех единоверцев, что отказались от него, предателями Христа?

Не отыскав истины ни в пророчествах, ни в говорении на иных языках, не увидел я ее и в других духовных дарах — в даре истолкования, даре чудотворения.

И опять вспоминал я, сколько сам молился об исцелении больных и сколько раз присутствовал на таких молениях, совершаемых видными чудотворцами пятидесятничества. Чаще всего молитвы не достигали своей цели. Значит, такова воля божья — разводить руками верующие. Но бывало, что вслед за молитвой наступало исцеление, и тогда слух об этом разносился по всем общинам.

Теперь я перебирал в памяти все хорошо известные мне случаи исцеления и не видел в них чудес. Чем больше размышлял я над ними, тем больше убеждался, что искусственно созданный ореол чуда прочно затмевал естественные причины выздоровления человека. Верующие, которые жаждут чуда, подсознательно стремятся увидеть то, что способно поддержать и укрепить их веру, обещающую заступничество бога и жизнь вечную.

Помню, с каким восторгом рассказывали друг другу верующие об исцелении жителя Запорожья Якова Кобылинского. Слух об этом раз-

несся чуть ли не по всем общинам наших единоверцев. И чем дальше, тем сильнее отличалось то, что рассказывали верующие, от того, что произошло на самом деле.

В 1972 году у «брата» Якова произошло обострение болезни печени. Когда грянула беда, он, как и большинство моих единоверцев, забыл и о молитве, и о чудотворцах и обратился к врачам. «Скорая помощь» доставила его в городскую больницу. В общине был объявлен пост с молитвой об исцелении. Но ни пост, ни молитва не оказывали спасительного действия. Кобылинский находился в тяжелом состоянии. Тогда из Прибалтики пригласили исцелителей. Но и те оказались бессильны. В общине поднялся ропот. Одни считали, что чудотворцы молятся без усердия, другие говорили, что «брат» Яков, видно, сильно грешен перед господом, третьи стали сомневаться и в даре чудотворцев, и в даре чудотворения вообще. Надо было как-то спасать положение, и пророк Прохоренко из деревни Кислычеватая Т.о. маковского района сказал, что бог, мол, не посылает «брату» Якову исцеления потому, что он, находясь в больнице, молится не на коленях, а лежа.

Тем временем Кобылинскому сделали сложную операцию. Узнав об этом, чудотворцы поспешили объявить, что бог услышал молитвы и послал исцеление. «Сестра» Таня Степочкина сказала, что, когда Кобылинскому делали операцию, у нее было видение: вся операция проходила под руководством незримого присутствовавшего ангела, наставлявшего врачей.

Выйдя из больницы, «брат» Яков призвал единоверцев вознести благодарственные молитвы богу за чудесное исцеление.

Прошла полная тревог и раздумий ночь. И когда наступил рассвет, я оказался беззащитен перед нарождающимся днем. Надо было собираться на работу. Но в ней не было смысла, как не было его во всей моей жизни. И не знал я — идти или не идти, потому что если не пойти, то решат, что я заболел, и придут навестить, и надо будет что-то говорить. А что я могу сказать, если пусто в душе? А если идти, то надо весь день делать что-то, не имеющее ни смысла, ни значения.

Проходил день за днем, неделя за неделей. И не с кем было мне посоветоваться, не с кем откровенно поговорить, некому высказать боль своего разочарования. Даже жена, казалось бы самый близкий человек, не поняла меня. Для нее мое прозрение было лишь страшным грехом. Я был одинок и бесприютен. С людьми неверующими я поддерживал только самые необходимые контакты, да и странно и неловко было

мне войти в незнакомую мирскую жизнь. А с бывшими единовѣрцами, к которым принадлежали и все мои родственники, мы говорили уже на разных языках.

Жизнь обтекала меня, как мощная река маленький островок. Надо было что-то решать. И я задумал переехать туда, где ничто не напоминало бы мне о прежней жизни. Но жена резко воспротивилась моему желанию. И тогда я уехал один. Уехал далеко. В Норильск.

Все здесь было для меня ново, непривычно и очень нелегко. Однако и физически и морально я начал чувствовать себя гораздо лучше. Вернулся сон, по утрам я вставал бодрый, отдохнувший.

По-прежнему я ежедневно читал Библию и размышлял над ней, пытаюсь понять, почему раньше я не замечал тех противоречий, которые теперь сами бросались в глаза. И постепенно мне стало ясно, что раньше я видел в образе библейского бога только положительные черты, и лишь сейчас стало открываться мне, сколько в нем отрицательного. И все больше крепло сознание, что я прав: бога, во всяком случае такого, каким его рисует Библия, — нет и быть не может. А если бог где-то есть, размышлял я, то он совсем не такой и не может оказывать никакого влияния на судьбы людей.

Так жил я в Норильске. Но Север есть Север, он требует крепкого здоровья. А какое уж у меня было здоровье? После некоторого улучшения начались мучительные головные боли. Теперь я уже не боялся обращаться к врачам. Меня обследовали и вынесли заключение, что это результат нервного истощения. Север вам противопоказан, сказали мне, так же как противопоказаны нервные перегрузки. Поменяйте климат и постарайтесь вести спокойный, размеренный образ жизни.

Делать было нечего. После некоторого раздумья я вернулся в Запорожье, куда к этому времени переехала и жена с детьми.

Головные боли прошли, но морально я себя чувствовал гораздо хуже, чем в Норильске. Там никто не знал о моем прошлом, дома же постоянно шли разговоры о вере.

Отчасти еще проверяя себя, отчасти тоскуя и тяготясь одиночеством, я время от времени бывал на молитвенных собраниях. Но ни радости, ни облегчения мне это не приносило. В общине молились за меня, как за заблудшую душу, пророчествовали, говорили на иных языках. Мне же было больно и тягостно смотреть на все это. И однажды на молитвенном собрании я решил сообщить, что веры в бога у меня больше нет. Меня принялись увещавать. Но что они могли мне доказать, если все их аргументы я знал не хуже их?

Я вернулся в Запорожье неверующим, но не обретшим нового смысла и новых целей в жизни. Оказавшись в полном духовном одиночестве, с сознанием потраченных впустую и десятков лет, и здоровья, без надежд на будущее, от безысходного отчаяния я решился на такой шаг, который раньше бы мне и в голову не мог прийти. Я всегда испытывал неприязнь к атеистам. Одно дело — просто неверующий человек, считал я, и совсем другое — атеист, богоборец, слуга Сатаны, даже говорить с такими людьми — большой грех. А теперь я сам обратился в местную организацию общества «Знание». Там меня познакомили с Ильей Кондратьевичем Гаем, бывшим моряком, полковником в отставке. Мы долго беседовали, и, когда расстались, он пообещал мне книгу бывшего ксендза Рагаускаса. «Прочитай, подумай, — сказал Илья Кондратьевич, — Рагаускас прошел такой же сложный путь духовных исканий, как и ты. А когда прочтешь, поговорим...»

Договорились встретиться на следующий день в шесть вечера, на берегу Днепра. Гай жил на другом берегу. На следующий день пошел дождь со снегом. Погода такая, про которую говорят, что добрый хозяин и собаку во двор не выгонит. А Гай ведь пожилой человек! Я был уверен, что не поедет он из-за меня в такую даль. Но он приехал!

Книга Рагаускаса взволновала меня. Я нашел в ней мысли и ситуации, созвучные с моими. И невольно ухватился за рассуждения бывшего ксендза о жизни и вере, получая в них подкрепление собственным размышлениям. Значит, не только я так думаю. И если каждый из нас пришел своим собственным путем к одному и тому же, то не говорит ли это о том, что мы отыскивали истину?

Мы вновь встретились с Гаем и вновь долго беседовали. Я стал бывать у него дома и чем больше узнавал его, тем больше удивлялся его уму, его знаниям, его душевной щедрости. Меня радовали его отношения с женой, его искренность, честность, обязательность. Мне захотелось быть похожим на него, захотелось такого же домашнего уюта и тепла. И я вдруг понял, что неверующий может быть нравственнее, чем верующий.

Это открытие буквально потрясло меня. Но это было радостное потрясение. Теперь было из-за чего и для чего жить. И я подумал, что жизнь хороша именно благодаря таким людям, как Гай.

Осенью я пошел в вечернюю школу. И здесь мне повезло на хороших людей. Был ноябрь, люди учились уже третий месяц, а я, окончив когда-то восемь классов, попросился прямо в десятый.

Честно говоря, я не надеялся на удачу. Мне помогали и учителя, и мои

новые друзья, да и сам я, обретая новый смысл в жизни, новые цели, трудился яростно и неутомимо.

10-й класс я окончил на четверки и пятёрки, а 11-й — на отлично. Учеба захватила меня. Я испытывал к ней неослабевающий интерес, как когда-то к изучению Библии. Кроме того, у меня почти не оставалось свободного времени, появились друзья в школе и на работе, и прежняя тоска по общине, по единовѣрцам отступила.

В 1972 году я пошел учиться на вечернее отделение индустриального института. Все было хорошо, но дома атмосфера все больше накалялась. Жена не могла простить мне отход от веры.

В том же году я познакомился с Виктором Ефимовичем Переверзевым, преподавателем медицинского института. Вскоре он стал моим старшим товарищем и другом.

Именно он убедил меня, что опыт моих духовных исканий по-своему ценен и я должен передать его людям. Поначалу мне было трудно решиться на такой шаг. Я считал недостойным представлять на всеобщее обозрение человеческие слабости моих бывших единовѣрцев. Но вскоре я убедился, что Виктор Ефимович относится к верующим с уважением и сочувствием, воспринимает их религиозность как беду, а не вину. Я убедился, что поносить веру от меня никто не требует, что я просто должен рассказать о своих духовных исканиях и о тех результатах, к которым пришел. Так начались мои выступления по радио, в печати, перед пропагандистами и населением. И это еще больше наполнило мою жизнь. Но в семье отношения не налаживались. Кончилось тем, что мне пришлось уйти в общежитие.

От напряженной жизни, от переживаний из-за жены и детей у меня вновь начались сильные головные боли. И после третьего курса я был вынужден уйти из института. Врачи настоятельно советовали мне переменить обстановку, избегать всяких нервных перегрузок.

Я переехал в Сухуми.

После моего отречения прошел уже не один год. Многие за это время переосмыслено, многое обдумано. Старшие сыновья с моей помощью избежали моих ошибок. Я этому очень рад и даже чуть-чуть завидую им — они многого сумеют достичь, если хватит настойчивости и энергии. У меня интересная работа, дающая мне не только хороший заработок, но и большое моральное удовлетворение.

И только одно напоминает о прошлом — неутоленная жажда знаний, которую стараюсь восполнить самообразованием, да надорванное здоровье — оно нередко подводит меня. Это расплата за ошибки прошлого.

ХАМЗА

Камиль ЯШЕН

Никому не открываясь, несколько дней носил ибн Ямин свою боль в себе. Ни слова упрека не сказал он домашним. Он знал, что помыслы его чисты и благородны, и это придавало ему силы.

Спустя неделю после разговора в доме хазрата к ним заглянул Завки. Поэт пришел поговорить с Хамзой, но того не было дома. Хозяин посадил гостя пить чай, слово за слово, и ибн Ямин все рассказал Завки — как говорится, открыл ему душу. Завки долго молчал.

Пришел Хамза. Забежал на несколько минут к Аксинье и сыну, а потом сел пить чай с мужчинами.

— Вот, сынок, оказывается, я должен проклясть тебя, — сказал ибн Ямин после долгой паузы. — Так говорят хазрат и Камол-кази... Не знаю, чем уж мы не угодили богу. Посылает на нас напасть за напастью.

Хамза опустил плечо.

— Я догадывался, отец, и давно хотел обсудить это с вами. — Но ждал, когда вы сами заговорите об этом.

— Видите, Ubайдулла, какой у меня чуткий и послушный сын, — грустно улыбнулся ибн Ямин.

— Отец, — горячо заговорил Хамза, — я никогда не позволю, чтобы из-за меня в вашу жизнь на старости лет вмешивался этот паук Миян Кудрат и выживший из ума Камол-кази!

— Чем искать справедливого кази, лучше самому себе быть настоящим судьей, — сказал Завки.

— Вы правы, учитель, — согласился Хамза. — И теперь мы сами должны найти выход, чтобы оставить в дураках всю эту свору.

— Не знаю, сынок, не знаю, — покачал головой ибн Ямин. — Это очень хитрые люди.

— Если я на время уйду из дому, то дом и двор ваш от этого не опустеют... Но зато хазрат поостынет в своем гневе, а к вам вернется ваше прежнее положение среди людей, больные снова будут обращаться к вам, вас будут навещать родственники... Вы только не думайте, что я хочу на самом деле уйти из дома. Надеюсь, вы понимаете это.

— В предложении Хамзы немало смысла, — поддержал ученика Завки.

— Я много думал об этом, — сказал Хамза, — и не один думал. Одному всегда трудно разобраться.

— Кто же помогал тебе, сынок?

— Дядя вашей невестки. Он относится к нашим семейным делам, как к своим собственным. Он же наш родственник.

— Степан Петрович — человек мудрый, — кивнул Завки, — потому что живет трудом своих рук. К его советам нельзя не прислушиваться.

— Что же посоветовал тебе дядя моей невестки? — спросил ибн Ямин.

— Он считает, что я должен совершить паломничество в Мекку, — сказал Хамза.

— В Мекку?! — обрадовался лекарь Хаким. — Наш русский родственник хочет, чтобы ты поклонился черному камню Каабы... Но ведь он же, как я понимаю, человек совсем не религиозный...

— В Мекку, Хамза, — заметил Завки, — нужно идти только по зову очень сильного религиозного чувства. Иначе вы будете наказаны. Мекка — это самое святое, что есть у мусульманина.

Хамза опустил голову. Долго молчал, прежде чем ответить.

— Я вас понял, учитель. Спасибо.

— Когда Хамза был совсем маленьким, — улыбнулся ибн Ямин, — он совершил вместе со мной паломничество в Шехимардан и получил благословение святого Али...

— Кстати, из рук того же Мияна Кудрата, — усмехнулся Хамза. — А теперь он требует моего изгнания... Как быстро меняется все! Даже при жизни одного человека мир успевает перевернуться...

— Сынок, если ты побываешь в Мекке, — ибн Ямин утер набегавшие на глаза слезы, — счастливее твоего отца не будет человека на свете.

— Но для этого, ата, вы, со своей стороны, должны выполнить одно условие.

— Какое же?

— Вы должны проклясть меня...

— Что?! — изменился в лице ибн Ямин. — Что ты сказал?!

— Вы должны будете проклясть меня, отец...

— Хватит! Перестань! Я и так из-за тебя хлебнул в жизни немало горя... Где ты видел мусульманина, который мог бы выгнать из дома невинного сына?

— Успокойтесь, атаджан.. Прилягте. Вот вам еще одна подушка... Отдохните. Не надо нервничать и изводить себя. Давайте соберемся с мыслями, подумаем вместе. Вы же сами всегда говорили мне, что в минуты гнева разум отказывается слушать вам...

Ибн Ямин успокоился. Хамза сел рядом с ним, а Ubайдулла Завки отметил про себя, что за последнее время его ученик изменился — стал сдержанным.

— Отец, — спросил Хамза, — вы любите моего сына и своего внука Гияса?

— О, Гияс! — прослезился старик. — Гиясджан, верблюжонок мой!.. Как он похож на тебя в детстве...

— А дочь свою, Ачахон, любите?

— Кто же не любит своих детей?

— Тогда почему же вы не хотите избавиться их от бед, которые могут обрушиться на них? Ведь это же в ваших руках... Все мы смертны, ата, придет время — Аллах призовет вас, и вы тоже, увы, отдав свою душу всевышнему, избавитесь от всех земных мук... Но после этого все мучения, упреки, несчастья, унижения и оскорбления обрушатся на голову вашего внука Гияса, а ваш будущий зять, муж Ачахон, будет жить с дочерью человека проклятого, «лишенного веры», «отверженного» и тоже будет растить «отпрысков шайта-

на»... Будут ли их, ваших внуков, приглашать на свадьбы и торжества, будут ли допускать в мечеть, брать их дочерей в жены и отдавать им своих? Нет, ничего этого не будет, если пособники Мияна Кудрата обрушат на вас свои проклятия...

— Так зачем же ты хочешь обрушить эти проклятия на себя?! — возмутился ибн Ямин.

— Я ваш сын, я моложе, я все выдержу! — воскликнул Хамза. — Я не могу допустить, чтобы эти стервятники, эти шакалы превращали людей в свою добычу... Я не позволю хазрату и его окружению судить моего отца... Я должен принять этот удар на себя...

Завки, не отрываясь, смотрел на Хамзу, на его искаженное страданием лицо.

— Отец! Учитель! — дрожащим, срывающимся голосом продолжал он. — Я искал правду и не нашел ее в этом городе... Здесь растоптали мою любовь, здесь не признают мою жену, здесь хотят унижить мою семью... Я уйду, я пойду в Мекку, я буду искать убежище в других местах, я буду искать правду... Я покину свою родину, свой город, буду скитаться без угла и пристанища... Пусть судьба играет мною, пусть она бросает меня в чужие страны и дома... Я искал истину в мечтах и медресе и не нашел ее там... Буду искать истину в скитаниях...

Завки вдруг ощутил свой возраст.

Как ни удивлен был он неожиданным решением Хамзы отправиться в Мекку (тем более странно было, что сделать это посоветовал русский человек Степан Соколов), что бы ни думал он, Завки, о том, почему Хамза принял совет Соколова, внезапно он, Ubайдулла Завки, понял, что ему недоступно то сложное и новое теперешнее состояние Хамзы, в котором столько молодости и дерзости.

И уж если это недоступно ему, то и подавно недоступно ибн Ямину. Но коль скоро в начале разговора он, Завки, взял сторону Хамзы, то теперь нужно убедить старика, объяснить ему, как избежать беды, которая угрожала семье и дому ибн Ямина.

— Вы меня извините, табиб, — начал Завки, — но мне кажется, что в такие тяжкие мгновения, как эти, для облегчения своей участи надо прибегнуть к хитрости. Миян Кудрат, запугивая вас, на самом деле хочет добраться до Хамзы. На это надо ответить своим ловким ходом. Надо одурачить врагов. То есть вы только для вида должны проклясть Хамзу, а он должен после этого тоже только для вида покинуть ваш дом. В действительности ваша взаимная любовь и привязанность останутся прежними. Ваши родительские и сыновние чувства не будут задеты. Хазрат будет доволен, что исполнена его воля. На самом же деле мы обедем его вокруг пальца.

— А паломничество в Мекку? — спросил ибн Ямин. — Оно будет настоящим или это тоже только для вида?

— Хитрость иногда одобряется и шариа-

Рисунок В. Кауфмана.

том, — уклончиво сказал Убайдулла, ожидая в ответе Хамзы найти разрешение своих сомнений относительно причин паломничества в Мекку.

— Но с этим нельзя хитрить! — вспыхнул ибн Ямин. Вы же сами сказали, что Мекка — это самое святое, что есть у мусульманина.

— Паломничество в Мекку будет настоящим, — сказал Хамза.

В день пятничного намаза в большую соборную мечеть Коканда начали стекаться люди. Верующие шли с разных сторон, из всех районов, многие приехали из окрестных кишлаков.

Присутствовали все имамы и муллы больших мечетей, учащиеся всех медресе. В воздухе как бы витала тайна, что-то должно было произойти... И уже ползло от уха к уху — сегодня знаменитый поэт Хамза будет проклят родным отцом.

В центре огромного внутреннего молельного двора, выложенного каменными плитками, одиноко сидели, поджав ноги и склонив головы, ибн Ямин и Хамза. Зрители, расположившиеся вдоль трех стен внутреннего двора, смотрели на их покаянно согбенные, неподвижные спины.

Старший имам соборной мечети поднимаясь на покрытый коврами помост, находившийся метрах в пятидесяти от отца и сына, и произнес традиционное «Аллах акбар». Потом скороговоркой прочитал необходимое восхваление всевышнему.

Имама сменил Миян Кудрат. Злототканый халат его сиял в лучах солнца. Высокая белая чалма была похожа на вершину горы, доступную только вечным снегам.

— Хамза! — громкогласно выкрикнул хазрат. — Подойди сюда!

И он показал рукой на место внизу перед собой, где должен был сидеть подвергающийся проклятию.

Хамза сделал несколько шагов и сел, не там, куда показывал Миян Кудрат, а метрах в тридцати от помоста. Теперь они, отец и сын, разлученные, выглядели еще более одиноко.

— Знаешь ли ты свою вину?

— Нет, не знаю.

— Сейчас узнаешь.

К помосту приблизился судья Камол. Он тоже был одет нарядно, празднично, в полном соответствии с торжественным моментом обряда проклятия.

— Мой хазрат, — сказал кази, — на всех праздниках нашего Туркестана не только простые мусульмане, но даже иные ишаны и муллы, слушая певцов-хафизов и игру на тамбуре и прочих инструментах, внимают им с таким же почтением, как и молитвам в мечетях... Как можно объяснить это по шариату?

Миян Кудрат некоторое время молчал, затем, сверкнув глазами, оглядел передние ряды зрителей и начал степенно:

— Да будет известно всем мусульманам, включая обучающихся в медресе, проявляющих великое усердие и прилежание в науках... Игра на инструментах и пение — есть занятие низкое. Игра на тамбуре, дутаре, сурнае, карнае и бубнах, на гармошке, пение бейтов и любовных газелей на любом языке, будь то фарси или турецкий, а также смех и танцы — все это плохое занятие. Присутствовать на собраниях, где происходит подобное, — великий грех... Хамза! Твоя главная вина состоит в том, что ты занимался всем этим, печатал стихи в газетах, ходил в театр, сочинял песни, отвлекая тем самым народ от молитв и бдений... Кроме того, ты взял себе в жены женщину иной веры...

Хамза спокойно встал.

— Мой хазрат, если сейчас, на глазах у сотен правоверных, будет решаться судьба такого грешного человека, как я, подвергающегося каре божьей, то повольте мне, обратившись с вопросами к такому великому столпу веры, как вы, просветить темные бездны моей души...

«Может быть, он упадет к моим ногам, — подумал Миян Кудрат, — прикиннет глазками к пыли моих сапог и тем самым еще более возвысит силу нашей религии?»

— Я позволяю тебе задать твои вопросы.

— Мой хазрат, — почтительно начал Хамза, — я прочитал в священных книгах, что высокая и древняя культура народа Туркестана всегда проявлялась в его искусстве. В старину, много веков назад, было немало обычаев, связанных с временами года. Например, именно тогда получил широкое распространение праздник навруз, которым отмечалось наступление весны. Арабский историк Кисрави пишет о том, что во время навруза многие предавались танцам, а последние дни навруза завершались хоровыми песнями мужчин и женщин. Историк Наршахи также пишет о 20-дневном праздничном базаре в Бухаре в конце года и о завершении его в 21-й день музыкой и танцами... Так что же плохого, а тем более греховного в песнях и танцах, созданных народом?

Миян Кудрат ответил сразу.

— Эти танцы и песни избрали идолопоклонники и огнепоклонники, то есть люди, не признававшие Аллаха. А ислам — враг идолопоклонства — это известно каждому мусульманину.

— Великий Улугбек, — продолжал Хамза, — был не только ученым, но и покровителем искусств. До нас дошли письменные свидетельства о том, что на одном празднике, устроенном Улугбеком, женщина по имени Мухтасиб Саид Ашик пела столь волшебным голосом, что очаровала всех... Но ведь Улугбек не был идолопоклонником, хазрат?.. А упомянутые в «Бабурнаме» Кулмухаммад Шейхнаи, Хусейн-уди, Ходжа Абдулло Марварид, Шахгули, прославившиеся как музыканты? Или сочинитель знаменитой мелодии «Чаргах» Пахлаван Мухаммед? Или певцы Басир и Хаса Али — разве все они были огнепоклонниками?

Миян Кудрат пребывал несколько мгновений в молчании, потом заговорил напористо и грозно:

— Если кто-то усомнится в исламской вере и позволит себе говорить оскорбительно о ней, то этот человек обречет себя на гибель. Ты сын мусульманина, Хамза. Не поддавайся влиянию нечисти. Кайся! Поправ шариат, встав на путь безбожия, не пытайся унижить и оскорбить нас, верных Аллаху... Уйми себя, воздержись от греховных мыслей... Если Аллах разгневется, он испепелит тебя, превратит в прах. Не становись поперек ислама, Хамза! Для чего ты пришел сюда — каяться или спорить со мной?

Хамза приблизился к помосту, на котором стоял хазрат.

— У меня последний вопрос, — смиренно сказал он. — Если вы, хазрат, человек, живущий исключительно для веры, молитв и бдений, отказавшийся от соблазнов и благ мира, от всего бренного ради любви к всевышнему, то скажите-ка, пожалуйста, зачем вам тогда ваш дом-дворец, украшенный золотой резьбой, ваши сундуки драгоценностей, запасы серебра и камней?

Все ждали — что ответит хазрат на этот

коварный вопрос, как он вывернется? Но хазрат был спокоен и невозмутим.

— Аллах дарует каждому то, что ему положено, — усмехнулся Миян Кудрат, — и каждый собирает свою долю. Если мусульмане жертвуют во благо всевышнего, то всевышний возвращает им за одно пожертвование десять милостей. Вера исламская, мечети и медресе процветают благодаря щедрым пожертвованиям... Что же касается нас, служителей ислама, то мы всего лишь посредники, расходуящие эти пожертвования во славу шариата. Ты сказал о моем доме... Но это всего лишь наследство, перешедшее ко мне от отца...

И он отвернулся от Хамзы к толпе верующих.

— Алахамдуллиллоху ахаду вахид! — запел хазрат, воздев руки для молитвы. — Осеняемые покровительством великого и всемогущего белого царя, мусульмане Туркестана живут в счастье и благоденствии... Наши мечети и медресе излучают божественный свет... Да будет вечно здравствовать и процветать дом Романовых!..

Мечеть гулко повторила слова молитвы и пожелания долгих лет жизни далекому белому царю.

— Мусульмане! — вытянул Миян Кудрат руку в сторону Хамзы. — Среди нас находится человек с черной душой. Вместо того чтобы выражать благодарность за то, что мы живем в такое благодатное время, он сеет смуту и сомнения, а этого не могут стерпеть приверженцы шариата. Хакиматабиба вы все знаете — он человек смиренный и верующий. А вот его сын Хамза оказался негодным человеком. Отказавшись от веры, он встал на путь безбожия... Во имя спасения веры, мусульмане! Внимайте мне! Этот низкий человек, собрав вокруг себе подобных, настраивает их против белого царя, а также против нас, приверженцев шариата и столпов веры, разбрасывает среди людей семена розни! Но ему этого мало — он печатает в газетах стихи и статьи против нашей веры, наносит урон авторитету великих людей нации, уважаемых нами... Год назад этот распутный человек женился на девушке-иноверке и стал отцом иноверца... Гневайтесь, мусульмане, гневайтесь!..

Хамза, слушая вопли хазрата, почувствовал усталость — скорее бы ушел... Может быть, напрасно он задавал свои вопросы? Нет, нет, это нужно. Необходимо было создать впечатление, что он не так уж просто согласился на эту публичную «казнь». Теперь-то никто ничего не заподозрит: ведь он, Хамза, спорил с хазратом, защищался, сопротивлялся...

— Правоверные! Сегодня, призвав вас в свидетели, отец Хамзы ибн Ямин намерен проклясть сына!

Гул пронесся по мечети, раздались злобные фанатичные выкрики.

— Ибн Ямин! — крикнул Миян Кудрат. — Повторяй за мной: «Ты, Хамза, явившийся в мир от такого честного и смиренного мусульманина, каковым являюсь я, оказался не человеком, а дьяволом!..» Повторяй!

Ибн Ямин пробормотал что-то, а что именно — никто не разобрал.

— Громче! Громче! — раздались голоса. — Пусть прокликает громче!

Хазрат, раскрыв ладони, повелительно обратился к ибн Ямину:

— Повторяй за мной! — казалось, не отец, а только один Миян Кудрат прокли-

нает Хамзу. — «Именем Аллаха! Пусть все твои нечестивые дела, мой бывший сын, против тебя же и обернутся! Пусть горе будет тебе одному! Я отрываюсь от тебя! У меня никогда не было сына! Прочь из моего дома! Я проклял тебя! Аллах акбар!»

Хазрат с яростью провел ладонями по лицу. Большинство верующих повторило это молитвенное движение. Но были и такие, кто, не двигаясь, с состраданием смотрели на старика-лекаря.

— Мусульмане! — снова воскликнул хазрат. — А теперь бросайте вот сюда книги, которые безбожник Хамза почитал святыми! В которых нет ни слова святости!

Группа учащихся медресе, только что вышедшая во двор мечети, подошла к помосту, и каждый ученик бросил перед Мияном Кудратом связку книг.

Это были книги отца, которые Хамза перевез в медресе.

Хамзу словно пружиной подбросило вверх.

— Зачем сюда принесли книги?

— Они сбили тебя с пути истины! — громогласно изрек хазрат.

— Что вы собираетесь с ними делать?!

— Сжечь!... Уничтожить! И развеять пепел!

Хамза пошатнулся. Это было неожиданно. Все, что угодно мог предположить он, только не это.

— Отец! Отец! — в отчаянии закричал Хамза. — Они хотят сжечь наши книги!

Ибн Ямин сидел, бессильно опустив голову.

Подойдя к помосту, Хамза опустился на колени, и, взяв одну из книг, поцеловал ее, прижал к лицу и прошептал:

— Абу Райхан Бируни, учитель мой, простите меня, слабого и немощного сейчас...

Мечеть безмолвствовала.

Хамза стоял на коленях, положив голову на книги, плечи его содрогались.

Миян Кудрат, обернувшись, кивнул шейху Исмаилу — начинай!

Вспыхнуло пламя. Затрещал огонь. Клубы черного дыма потянулись вверх.

Хамза не отрывал голову от книг. Языки пламени, выбрасывая искры и пожирая страницы за страницей, все ближе подступали к нему, но он был неподвижен, голова его лежала на книгах...

— Уведите его! — истерично закричали из толпы. — Он горит!

— Не подходите! — рявкнул Миян Кудрат. — Грешник кается!

— Ибн Ямин! — кричали зрители. — Очнись! Твой сын горит!

Ибн Ямин поднял голову.

— Хамза! Сынок! Что же ты делаешь! — жалобно застонал он.

— Твой сын хочет сгореть! — потрясая руками, надрывался хазрат. — Вместе со своими учителями, которые давали ему уроки безбожия!

Ибн Ямин подполз к сыну, потянул его за халат.

— Уйдем отсюда, уйдем!..

Хамза ударился головой о горячие книги. Пламя вспыхнуло с новой силой. Столб искр взметнулся вверх.

Старик, выпустив халат сына, упал без чувств.

Завки жил неподалеку от соборной мечети. Туда и отнес Хамза отца. Когда он шел по улице, держа ибн Ямина на руках, люди отворачивались от него.

К вечеру пришли Степан и Аксинья с Гиясом. Ибн Ямин все еще был без

сознания. Он впал в забытие, в обморочный старческий сон.

— Оставайтесь ночевать, — предложил Завки.

— И то верно, — согласился Соколов. — Опасно сейчас старика на арбе везти.

— Да и дите как нести, на ночь глядя? — качая Гияса, произнесла Аксинья.

Хамза в разговоре участия не принимал. Он молча сидел около отца.

— Эх, семейка! — тряхнул Степан Петрович золотистым чубом. — И старый не может, и малый не тянет. Да еще с богом мы поссорились.

— Не надо сегодня, Степа, — исподлобья посмотрел на него Хамза.

Когда в Фергане организовали первую советскую трудовую школу, ее директором стал Хамза Ниязи. В короткий срок он собрал вокруг себя лучших преподавателей Ферганской долины: математика Кары Ниязи, учительницу географии и французского языка, одну из самых просвещенных женщин-узбеков того времени Ойшу-ханум, блестящего знатока арабской и персидской письменности Дадамата-домлю.

Сам директор преподавал сразу пение, музыку, узбекский язык, русский язык, узбекскую литературу, русскую литературу. Кроме того, он организовал в школе кружок революционной песни.

Одновременно при школе была создана узбекская национальная драматическая студия. Репертуар студии обновлялся новыми пьесами ее руководителя.

Собственно говоря, эта студия была следующей ступенью становления молодого узбекского национального театра после чуть было не погибшей в песках Каракумов знаменитой передвижной политической труппы Туркестанской армии, у истоков которой стоял и Дмитрий Фурманов.

Первая советская трудовая школа города Ферганы была образцовым учебным заведением и в определенной степени прообразом будущей новой системы народного образования Туркестана. Она стала и кузницей кадров учителей в республике. Многие узбекские педагоги в течение десятилетий будут называть себя воспитанниками Хамзы Хакимзаде Ниязи.

От весельчака Кары, каким был когда-то незадачливый первый визирь несостоявшегося кокандского хана Эргаша, не осталось и следа. Капланбек был угрюм, мрачен, неразговорчив.

Свой первый визит в Шахимардан он нанес Мияну Кудрату. Разговор между ними происходил без свидетелей. Капланбек сорбшил хазрату, что, выполняя последнюю волю бывшего члена Государственной думы, страдальца и мученика Садыкджана-байбаччи, он привез с собой драгоценности байбаччи, которые их хозяин завещал на борьбу против Советской власти, на создание и вооружение новых отрядов басмачей.

Капланбек потребовал, чтобы драгоценности были оценены и чтобы ему выдали расписку с указанием суммы врученных представителям высшего духовенства сокровищ.

В присутствии шейха Исмаила и Камола-кази драгоценности были оценены. Миян Кудрат выдал расписку на сумму, составлявшую без малого миллион рублей. Вокруг Капланбека был создан ореол одного из самых верных и преданных исламу людей. Деловые, то есть боевые,

его качества тоже были общеизвестны. Половина доставленных им ценностей сразу же была отправлена за кордон для приобретения оружия. И с благословения Мияна Кудрата Капланбек вместо погибшего в боях с частями Красной Армии Эргаша был назначен верховным курбаши — предводителем отрядов басмачей, загнанных Советской властью в горы.

В алайских предгорьях Ферганской долины появился хорошо вооруженный отряд басмачей. По предварительным данным, в нем насчитывалось до тысячи клинков. Каждый бандит вел за собой двух-трех запасных лошадей. Все стрелковое оружие — карабины, винтовки, пулеметы — было английского образца.

Первым получил приказ «в ружье!» третий полк седьмой Туркестанской кавалерийской бригады. Степан Петрович Соколов повел в алайские предгорья 700 бойцов. Перед полком была поставлена также задача восстановления в горных кишлаках продовольственной разверстки, проведение которой с появлением басмачей практически приостановилось.

После первых же боев банда Капланбека рассыпалась на несколько мелких отрядов, преследование которых затруднялось — басмачи легко уходили на запасных лошадях от красноармейцев, не имевших подвижного резерва.

Пришлось делить полк на эскадроны. Перед каждым Соколов поставил задачу: завершая первый этап борьбы с Капланбеком, с помощью бедноты и батраков взять в освобожденных кишлаках излишки зерна у баев и богатых землевладельцев и затем следовать в Фергану, имея целью уже не наступательные действия, а только охрану реквизированного хлеба.

Под своим командованием Степан Петрович оставил группу, состоявшую из штаба полка, политотдела и комендантского взвода — в количестве 48 бойцов. Им как наиболее политической зрелой части полка предстояло изымать излишки продовольствия в Шахимардане, где теперь, в связи с перенесением сюда религиозного центра, было полным-полно духовенства. И это предполагало возникновение стихийных дискуссий о политике продразверстки, проводить которые на должном уровне могли только подготовленные люди.

...В Шахимардан вошли в полдень со стороны ущелья Тамоша, перевалив через хребет Кора-дагон. На центральной площади собрали митинг батраков и бедноты. Выступили заместитель командира полка Григорий Михайлов и командир комендантского взвода Николай Каплин — оба родились и выросли в Туркестане и свободно говорили по-узбекски.

От имени рядовых бойцов к бедноте и батракам обратились красные конники Абдували Маматкулов и Касым Мирсалимов. Последним взял слово Степан Соколов. Его знали в Шахимардане и встретили аплодисментами.

Командир полка говорил о том, что продразверстка — это временная, вынужденная мера Советской власти, к которой ее заставили обратиться те, кто укрывает хлеб, обрекая на голод городское население. Он сказал также, что в ближайшее время в связи с успехами политики Советской власти продразверстка будет заменена продовольственным налогом, что будет разрешена свободная торговля — в том числе торговля хлебом. Но пока нужно взять излишки, которые баи гноят в своих

подвалах, в то время как рабочий класс, прогнавший царя и буржуев, снабжающий деревни и кишлаки промышленными товарами, по вине баяв опускает в города от голода.

Во время своей речи Степан заметил в толпе несколько ишанов и мулл. Высшего духовенства нигде не было видно. На вопрос: «Где они?» — ему ответили, что все высшие во главе с Мияном Кудратом и Камолом-кази собрались в мавзолее святого Али-Шахимардана и молятся о спасении мусульманского люда от большевиков.

Представители низшего духовенства слушали молча, не обнаруживая никаких намерений вступить в дискуссию или начать спор. И Соколов понял, что Миян Кудрат дал своим людям какую-то единую установку, нарушить которую, конечно, никто не посмеет.

После митинга пошли по богатым дворам и домам. К вечеру было собрано около 400 пудов зерна. За это время, вопреки ожиданиям, никаких дискуссий не возникало. Ишаны и муллы безмолвной толпой ходили за красноармейцами. Богачи отдавали хлеб послушно, без пререканий, опустив глаза. Это казалось странным. В сердце Степана Петровича вошла тревога.

Ночевали во дворе шахимарданского караван-сарая. Половина отряда стояла в боевом охранении.

Чуть рассвело, командир полка приказал собираться. Все зерно было погружено на длинный караван ишаков, которые также были взяты у богатых хозяев с выдачей расписок о гарантированной оплате стоимости животных в отделении Государственного банка в ближайшем от Шахимардана крупном равнинном кишлаке Вадил.

Из местного населения был организован отряд погонщиков.

Тронулись в путь.

Накануне всю ночь непрерывно шел густой снег. На горах лежали тяжелые низкие тучи. Дорогу окутывал густой туман — в тридцати шагах ничего не видно. Тихо было вокруг, только шум бежавшей рядом с дорогой реки, которая уже несла по камням первые потоки рыхлого льда, сопровождал караван.

Когда головная группа начала спускаться по отлогой дороге к мосту Эллик Пайсаки, за которым начиналось ущелье Кисик Даван, от нее неожиданно отделился верховой и помчался к ехавшему в центре каравана командиру полка. Степан, чувствуя недоброе, поспежал навстречу.

Снег перед мостом был усеян следами множества лошадиных копыт. Некоторые уже покрылись снегом. Следы недавние, свежий навоз. Басмачи! Если да, то сколько их? Несколько сотен, не меньше. Послали гонцов к Капланбеку? Тот успел за ночь собрать всю банду? Вот здесь, перед мостом басмачи топтались на снегу, дожидаясь очереди перейти на тот берег, в ущелье. Капланбек думал, что снег покроет следы, и замысел — встретить караван в ущелье — останется неразгаданным. Снег не успел покрыть. Засада! — Поворачивать назад! Пулеметы к бою! Командантский взвод — ко мне!

Быстро установились впереди каравана два «мексима». Караван разворачивался на узкой дороге. Ишаки, словно почуяв опасность, не дожидаясь команды погонщиков. Вот уже засеменили первые в обратную сторону, вверх. Только бы успеть вернуться в кишлак, только бы суметь сохранить хлеб. Хорошо, что туман, ничего

не видно с той стороны реки. Не видно, но слышно.

Несколько конных силуэтов обозначились в молочной пелене на мосту. Разведчики! Соколов упал за пулемет — скороговоркой второму расчету:

— Занимайте позицию сто метров сзади меня! Будем отходить, прикрывая друг друга!

Всадники съехали с моста, лошади вошли в реку. Обойти хотят? Да ведь нет места для обхода! Справа скала, слева скала, а посередине река и дорога.

Соколов оглянулся. Командантский взвод ступенями расположился вдоль дороги и вокруг пулеметов.

Всадники выехали из реки — лошади не хотели идти по ледяной воде. Теперь Соколов отчетливо видел их. Басмачи заметили возвращающийся в кишлак караван, загомонили. «Так, — подумал Соколов, — нас они еще не разглядели среди камней, мы ближе к ним и ниже, чем караван».

Нужно дать им понять, что дорога защищена, чтобы не сразу бросались за караваном. Степан поймал в прорезь прицела мохнатые шапки. Взял ниже. Уперся локтями и нажал спуск.

Трое или четверо сразу покатились по земле. Остальные, крутанувшись на месте, помчались к мосту.

Степан оглянулся. Погонщики, услышав стрельбу, начали лупить ишаков палками. Испуганные ишаки полезли друг на друга. Давайте, давайте, милые! Скорее, скорее! — Меняем позицию!

Но в это время из тумана от моста вырвалось на дорогу около полусотни всадников.

Соколов припал к пулемету. Дал длинную очередь, срезавшую не меньше десяти человек.

Басмачи еще скакали по инерции вперед, но передние уже пытались придержать коней. Это были рослые, хорошо одетые, на породистых лошадях всадники.

И Степан, целясь почти в упор, прямо в середину мчащейся навстречу оравы, хлестанул по ней свинцом! Зло повел брызжащий огнем ствол из стороны в сторону.

Кончилась лента.

— Давай новую!

Рядом упал Гриша Михайлов.

— Товарищ командир, отходите! Ребята прикроют!

Вскочили, схватили за скобу пулемет, подхватили ящики с патронами, побежали, пригнувшись, вверх по дороге.

Командантский взвод грамотно, залпами бил в сторону моста, давая острastку.

Только успели занять новую позицию, снизу из тумана послышался рев, вой, визг, крики! Река и дорога заполнились басмачами. Все новые и новые всадники словно вываливались из тумана. Капланбек решил, видимо, одним ударом закончить дело.

Но пулеметчик второго расчета был еще более искусным стрелком, чем командир полка.

Степан Соколов, перебравшись на новое место, стрелял поверх голов бойцов второго расчета, помогая им, сыпая и сыпая железо в обезумевших от бессильной ярости басмачей. Капланбек сгоряча, обозленный срывом своего замысла, принял неверное решение. Он приготовился к засаде, но не был готов к наступательному бою. Его нельзя было здесь вести. Узкое пространство помогало оборонявшимся.

И численное превосходство банды обернулось против нее. Трупы басмачей устила-

ли дорогу. Десятки тяжелораненых умирали в ледяной воде горной реки Шахимардан. Потеряв около трети своего отряда, Капланбек скрылся в ущелье Кисик Даван.

— Товарищ Соколов, пустой кишлак, ушли все богатые в горы! — тяжело дыша, докладывал командир комендантского взвода Николай Каплин.

— А Миян Кудрат? Ишаны, муллы?

— Никого нет!

— А беднота?

— Видно, за собой увели или угнали!

— Что будем делать?

— Степан Петрович! — подбежал заместитель командира полка Григорий Михайлов. Басмачи окружают кишлак. Пора бы укрыться где-то.

— Где?

— В гробнице! Там стены из кирпича!

— Давай в мазар!

Банда Капланбека не смогла одолеть отряд Соколова на горной дороге. Басмачи наступали неумело — кучей, навалом. Вести тактически правильный бой с регулярной воинской частью Красной Армии им было не под силу. Каждый хорошо обученный для действий в горах боец седьмой Туркестанской кавалерийской бригады стоил пяти-шести всадников Капланбека.

Но басмачей было много. После сражения на мосту Капланбек провел свой отряд через ущелье Кисик Даван и начал окружать Шахимардан.

На горных холмах Шаланга, вокруг кишлака, расположились изгнанные духовенством из домов жители. Ишаны и муллы стояли впереди, непрерывно молясь и обращаясь к всевышнему с просьбами покарать нечестивцев-большевиков.

Миян Кудрат и все его окружение были в стороне, как бы подчеркивая, что не имеют к происходящему никакого отношения.

Но когда хазрат увидел, что бойцы отряда Соколова приближаются к мавзолю святого Али, он пришел в сильнейшее волнение.

— Неужели они войдут в усыпальницу? — тревожно спросил он у Камол-кази.

— Не посмеют, — неуверенным голосом сказал судья.

— Исмаил! — позвал Миян Кудрат шейха.

— Ты все ворота мазара закрыл вчера?

— На три замка каждые, — поклонился шейх Исмаил.

— Они могут сбить замки, — голос хазрата дрогнул.

— Аллах немедленно покарает их! — затряс головой Камол-кази.

— Аллах, Аллах! — передразнил судья Миян Кудрат. — Вы понимаете, что они могут там найти?

— Они не рискнут раскрыть гробницу Али, — нахмурился шейх Исмаил.

Стены мавзоля святого Али-Шахимардана из жженого кирпича особых пород местной глины поднимались вверх метров на сорок. Еще выше находился центральный купол — до него было метров шестьдесят.

Мазар был гулок и пуст — только в центре, на небольшом возвышении стоял каменный саркофаг, в котором, по преданию, на останках праха святого Али лежал Коран, посланный с неба.

В центре каждой из четырех стен были высокие даустворчатые ворота, сколоченные из крепчайших досок карагана, скрепленных между собой железными полосами.

— Настоящая крепость, — сказал Николай Каплин. — Тут хоть год оборону держать можно.

Степан Петрович Соколов при подходе к мазару был ранен в плечо шальной пулей. Рана была легкой, кость цела, но пока перевязали, потерял много крови. Бледный, усталый, сидел он на земле внутри мазара, прислонясь затылком к холодным кирпичам. В горячке боя он думал только о том, чтобы не подпустить басмачей к каравану с хлебом. Сейчас разные мысли ронились в голову. Сколько им придется сидеть в этом каменном мешке? На какой день в Фергане, не дождавшись их, поймут, что с ними что-то случилось? Когда придет помощь? Может быть, это была ошибка — разбивать полк на эскадроны?

— Закладывать ворота мешками с зерном! — командовал Георгий Михайлов. — Не забывайте оставлять щели!

«Старались спасти мешки с хлебом там, на дороге, — думал Соколов, — а теперь их пули будут дырять. Впрочем, если помощь придет вовремя, все подберем, ни одному зернышку не дадим пропасть. А если не успеет помощь?»

Превозмогая боль в плече, он поднялся и пошел смотреть, как укрепляют красноармейцы мазар. На минуту задержался около саркофага. На каменной кладке основания были заметны свежие царапины. Похоже было, что саркофаг двигали совсем недавно. А может быть, под ним что-нибудь есть, какая-нибудь ниша или пещера, а из нее — тайный подземный ход, а? По которому можно уйти от басмачей? Надо проверить.

Басмачи замкнули кольцо вокруг кишлака и с холмов Шаланга начали обстреливать мазар. Жители Шахмардана в ужасе закрывали глаза. Стрелять по святому месту, которое всегда берегли, за которым ухаживали и на возведение которого жертвовали последние деньги сотни тысяч мусульман!

Но ишаны и муллы сказали: так хочет Аллах. Мазар уже осквернен неверными. Теперь только их кровью можно смыть скверну и восстановить святость усыпальницы.

Миян Кудрат, переодевшись в обыкновенный халат, тайно, чтобы не увидели жители кишлака, встретился с Капланбеком.

— Они в мазаре, Кара!
— Знаю, хазрат. Мы их вышибем тут же.
— А если они откроют гробницу?
— Тогда ни один из них не уйдет живым.
— Ты представляешь, что будет? Мы потеряем Шахмардана навсегда!
— Мои люди злы на них, мы разорвем их в куски!
— Так начинайте же! Нельзя терять ни секунды!

Перебегая от дома к дому, басмачи со всех сторон приближались к мазару. Наконец осталась голая, ничем не защищенная площадка, окружавшая мавзолей. Преодолеть под огнем пулеметов нужно было метров сто, сто пятьдесят.

— Гранаты к бою! — командовал Соколов. — Связать по две-три штуки!

Он уже не мог стрелять из пулемета — правая рука не действовала, — и с пистолетом в левой лежал на бруствере из мешков с зерном.

Басмачи бросились к мазару. Но пулеметы били почти в упор, чудовищной силы

взрывы отбросили их назад. Басмачи отхлынули.

— Вперед! За веру, за шариат! — раздалась команда.

Басмачи выскочили из-за укрытий, и снова огромные, непонятные взрывы преградили дорогу.

— Вперед! Вперед! — кричал Капланбек.

Басмачи не решались повторить атаку. Они вообще не умели долго сражаться в пешем строю. Другое дело на лошади, с саблей в руке. Но сабли были бессильны против каменных стен.

До вечера шла перестрелка. Басмачи стреляли из-за укрытий, красноармейцы — в щели между сторами ворот.

Стемнело. Капланбек попробовал атаковать под покровом темноты, но его люди отказывались повиноваться. Красные были вооружены какими-то новыми, неизвестными гранатами, которые рвались с чудовищной силой. Зачем искать смерти? Наверное окружены. Через день, через два у них кончатся патроны, и они сами сдадутся.

На следующий день положение не изменилось. Продолжалась только перестрелка. Не было ни одной атаки. Басмачи убедились, что мазар неприступен. Может быть, сам святой Али помогает красным? Но разве может он помогать неверным?

Так в рядах нападавших родилось сомнение. Да, красные осквернили усыпальницу, но сила духа Али настолько крепка, что преодолеть ее нельзя. Святой Али защищает не красных, он защищает себя, он оберегает стены своей обители.

Мазар неприступен. Дух божий охраняет его. Этот слух мгновенно распространился среди басмачей, и уже никакая сила не могла заставить их идти на мавзолей.

Миян Кудрат слал одного гонца за другим. Когда будет взята усыпальница? Он требовал, чтобы Капланбек приехал к нему.

Но тот, мысленно посылая хазрата ко всем шайтанам, сам уже начинал подумывать о том, что красным помогает какая-то неведомая сила. Настроение басмачей передалось и ему. Мазар неприступен. Святой Али не даст одолеть себя. А гробница... черт с ней! Пусть хазрат сам разбирается во всем.

Кроме того, Капланбек понимал, что рано или поздно пропавшего отряда Соколова хватятся в Фергане. И тогда в тыл ударят свежие силы красных. А и так уже потеряно больше половины отряда. Надо уходить.

И вот когда он почти принял это решение, от Мияна Кудрата приехал шейх Исмаил.

— Неверные второй день топчут прах святого Али, — сказал Исмаил, — вы ничего не можете сделать. Хазрат приказал поджечь мазар.

— Что, что? — не поверил Капланбек. — Поджечь святое место?

— Вы знаете, что находится в гробнице, — угрюмо сказал шейх Исмаил. — Если большевики узнают об этом, мы будем опозорены.

— Степан Петрович, скорее сюда! Смотрите!

Степан Соколов подошел к гробнице. Саркофаг от постоянных сильных взрывов сдвинулся в сторону. Под ним была яма. — Что там? Подземный ход?

Зажгли факел, осветили яму. Она была заполнена английскими карабинами и ме-

таллическими ящиками с патронами и гранатами.

— Вот это да! Вот это святое местечко! Целый арсенал.

Николай Каплин, обвязавшись веревкой, спустился вниз. В углу ямы стоял сундук. Каплин поднял крышку.

— Степан Петрович! Здесь документы какие-то!

— Давай сюда! Касым, помоги перевести, — Соколов позвал бойца отряда Мирсалимова, выступавшего перед бедняками и батраками на митинге.

Это были списки отрядов басмачей, антисоветские листовки, перечень английского оружия, доставленного из-за границы, и многие другие секретные документы, относящиеся к началу басмаческого движения в Ферганской долине.

— Ну, ребята, теперь надо держаться до последнего, — сказал командир полка, обводя взглядом стоявших вокруг бойцов. — Мы должны сохранить эти бумаги. Это документы огромной разоблачительной силы. Они должны быть переданы в руки представителям Советской власти Туркестана. Весь мусульманский мир обязан узнать, кто осквернил гробницу святого Али.

Сундук подняли вверх. На дне его поблескивали золотые и серебряные кольца, серьги, ожерелья. Это были остатки сокровищ Садыкджана-байбаччи.

Соколов посмотрел на Абдували Маматкулова. В глазах узбекского парня были слезы. Он не верил, что шахимарданские шейхи могли сделать такое.

— Я не могу поджечь мазар, — прозвучало Капланбек, — рука не поднимется. Это слишком тяжкий грех. Где и когда мусульманин поджигал могилу святого?

— Дурак! — крикнул Миян Кудрат. — Поджигай! Я все беру на себя!

— Мои люди убьют меня — это же святое место.

— Поджигай! Так хочет Аллах! Сегодня святой Али явит чудо — земля разверзнется под ногами неверных и поглотит их вместе с мазаром!

Миян Кудрат сделал паузу и спокойно добавил:

— Мы будем спасены, Кара, глупая твоя голова. Все превратится в пепел.

На четвертую ночь осады мавзолеем святого Али-Шахмардана загорелся. Его поджег шейх Исмаил.

Всю ночь накануне он вместе с несколькими ишанами и муллами, получившими благословение самого хазрата, обкладывал стены мазара дровами, соломой и обильно поливал керосином тряпьем.

Красноармейцы почувствовали запах керосина.

— Степан Петрович, — доложил командиру полка его заместитель Григорий Михайлов, — кажется, нас поджечь хотят.

Соколов потерял много крови. Рана начала гноиться. Сознание иногда покидало его.

— Где же наши? — с тоской спросил Степан, поднимая тяжелую голову.

Он сидел на полу мазара. Вокруг лежали раненые бойцы.

— Где Каплин?

— Убит.

Соколов уронил голову на грудь.

— Поджечь нас хотят, Степан Петрович. Что делать?

— Держаться, держаться... — шептал Соколов, теряя сознание. — Держаться до последнего.

Пламя охватило здание мавзолея. Ог-

ромный столб дыма поднялся над горами. Языки огня лизали деревянные перекрытия и купол. Издалека было видно, как он, сильно накалившись, стал похож на малиновую юрту.

Внутри мазара начали рваться ящики с патронами.

Вдруг оглушительный взрыв потряс все здание. И еще один! И еще! Пламя подобралось к ящикам с гранатами.

Пылающий купол рухнул. И сразу, ничем больше не удерживаемые, обвалились высокие обгоревшие кирпичные стены.

Рвались гранаты и патроны под развалинами. Облако гари и сажки висело над уничтоженным огнем мавзолеем. Но земля под гробницей не разверзлась. Святой Али не явил чуда...

Потрясенные этим не сбывшимся предсказанием Миян Кудрата и не исполнявшейся волей Аллаха, жители кишлака начали постепенно покидать холмы Шаланга, уходить подальше от проклятого места, где было совершено небывалое святотатство и невиданное надругательство над мусульманской верой.

И самое страшное заключалось в том, что надругательство это — сожжение усыпальницы святого Али — благословили столпы шариа.

Только на пятый день в ущелье Шахмардана появились первые части Красной Армии. За ними шел отряд коммунистов-добровольцев Ферганы. Хамза был среди них.

Потрясенный, стоял Хамза перед дымящимися руинами мавзолея, под которым погиб Степан. Слезы застилали ему глаза. Но потом пришла ярость. «Надо продолжать борьбу, — думал Хамза. — Враг исчез, враг скрылся. Он ушел в горы, затаился, но он рядом, он будет нападать еще не один раз. Он изменит свое обличье, он будет действовать другими способами, но это не спасет его. Пощады ему не будет — нигде и никогда!»

Перевел с узбекского
В. ОСИПОВ

Пьер Жан Беранже

ДУХИ МОНЛЕРИ

Я продрог от непогоды...
Где укрыться до зари?
Мне пришлось зайти под своды
Старой башни Монлери.
Я запел, но испугался,
Услыхав какой-то гул.
Печальный стон раздался:
«Увы, наш век минул!»

Огоньки во тьме мерцают...
Я увидел возле них
Дико пляшущую стаю
Гномов, фей и домовых.
Что за шабаш там под крышей,
Духов бешеный разгул?
Я снова голос слышу:
«Увы, наш век минул!»

Близок утра час ужасный.
Праздник кончен, как и ночь.
Человека разум ясный
Гонит нас отсюда прочь.
Не творить чудес нам боле,
Он их сам вершить дерзнул...
Мы гибнем поневоле,
Увы, наш век минул!

Мы давно, попав в Элладу,
Людам создали богов,
Чтоб дарить сердцам усладу
Под гирляндами цветов.
Галлов край нас принял древний
И народ не оттолкнул,
Но ныне и в деревне,
Увы, наш век минул!

Короли и паладины
Не жалели нам даров.

Замечательный французский поэт Пьер Жан Беранже с ранних лет воспринял освободительные идеи Великой французской революции. Многие песни Беранже, которого К. Маркс называл «бессмертным», стали шедеврами, достоянием мировой литературной классики. Мы предлагаем читателям новые переводы стихотворений Беранже.

Колдуны — вот властелины
Человеческих умов!
Мы дивили чудесами,
Но рассудок нас спугнул.
Теперь мы видим сами:
Увы, наш век минул!

Разум — враг наш самый страшный,
Он несет беду для нас!
Смогло все, и старой башни
Своды рухнули точас.
Голос духа оробелый
В шуме крыльев утонул,
Лишь эхо долетело:
«Увы, наш век минул!»

МОЩИ

С мощами (весь приход их чтит)
Я лобызал однажды раку.
Вошел причетник и спросил:
«Желаешь, чтоб воскрес оракул?»
«Конечно!» — я пробормотал.
Он сделал знак в масонском стиле,
И вот святой зевнул, привстал,
Затем насмешливо сказал:
«Мой прах целуйте, простофили!»

И засмеялся сей скелет,
Стал хохотать он до упада.
«Я восемьсот, не меньше, лет
Провел в кругах различных ада.
Но тело, что в земле гниет,
В святые мощи превратили.
Чтоб монастырь из года в год
Мог извлекать из них доход.
Мой прах целуйте, простофили!

При жизни был я плут и вор,
Клятвопреступник, лжесвидетель,

Мошенник ловкий... С давних пор
Возвел я кражу в добродетель.
Случалось, грабил и в церквах
Все ценности, какие были,
Я похищал, забыв про страх...
Терпели все на небесах.
Мой прах целуйте, простофили!

Вот рядом — горсточка костей.
Все, что осталось от мотовки.
Была любовницей моей
Та черноглазая плутовка.
Из-за нее, как говорят,
Прелаты вере изменили.
Теперь они в аду горят.
Зато ее останки чтят...
Сей прах целуйте, простофили!

Там дальше — череп... Тот святой
При жизни был всем смертным равен.
Сначала — конокрад простой,
Он как палач потом стал славен,
Ведь короли, людей казня,
Глядеть на муки их любили.
Скажу, его в том не виня:
Он обезглавил и меня.
Сей прах целуйте, простофили!

Так мы попали в божий дом,
Нам поклоняться стали всюду.
Монеты сыплются дождем,
Вот самое большое чудо!
Но дьявола я слышу зов...
Прощайте! Ладанку купили?»
И он улегся под покров.
Ставив распятие — все ж улов!
Сей прах целуйте, простофили!

Перевел с французского
Валентин ДМИТРИЕВ

НОВЫЙ ДРЕВНЕГО ЛАОСА

БОЛЕЕ шести лет назад, в декабре 1975 года, в Лаосе была упразднена монархия и провозглашена Лаосская Народно-Демократическая Республика (ЛНДР). До этого почти 30 лет ее народ вел героическую борьбу против местной и международной реакции, против империализма и неокOLONиализма, за национальную свободу, независимость и мир. Национально-демократическая революция вырвала из оков рабства все этнические группы и народности Лаоса и сделала их хозяевами своей родины и судьбы — так охарактеризовал эти исторические перемены Генеральный секретарь ЦК Народно-революционной партии Лаоса (НРПЛ) и премьер-министр ЛНДР Кейсон Фомвихан. Страна встала на путь созидания основ социалистического общества.

В небольшом государстве в самом центре Индокитайского полуострова живет менее четырех миллионов человек. Главным образом это крестьяне, постепенно объединяющиеся в сельскохозяйственные кооперативы. Растут ряды рабочего класса и национальной интеллигенции.

Для Лаоса характерна исключительная этническая пестрота: здесь до 70 крупных и мелких народностей, объединенных в три группы. Первая — лаолумы, или долинные лао — самая крупная и развитая народность, состоящая из собственно лао и тай и живущая в основном по берегам рек. Ко второй группе — лаотенгам, или верхним лао — относятся горные мон и кхмеры, они обитают преимущественно по склонам гор и на плоскогорьях. Третья этническая общность — лаосунги, или вершинные лао — населяют высокогорные районы и состоят из народностей мео, яо, лаху и акха, говорящих на тибето-бирманских языках. Роль общенационального языка в стране выполняет лаосский.

В течение длительного времени, вплоть до революции

1975 года, лаосское государство было расчленено на две части в результате империалистического вмешательства и развязанной местной реакцией войны. Север страны — освобожденная зона — контролировался Патриотическим фронтом Лаоса (ПФЛ, ныне Фронт национального строительства Лаоса), руководящим ядром которого была НРПЛ. Здесь с первых лет освобождения национальные меньшинства получили равные права во всех областях общественно-политической, экономической и культурной жизни, были ликвидированы феодальные порядки и повинности, запрещена эксплуатация человека человеком, земли справедливо распределены между крестьянами.

В трудные годы освободительной войны ПФЛ выдвинул лозунг: крепить сплоченность всего лаосского народа, независимо от социального происхождения, пола, возраста, этнической принадлежности и вероисповедания. В программе фронта было записано, что он борется за мир, нейтралитет, независимость, демократию, единство и процветание и охватывает представителей всех слоев населения, включая служителей культа. Один из пунктов программы признавал историческую роль буддизма в жизни лаосского народа, его культуре и национально-освободительном движении. ПФЛ видел в прогрессивной части национального духовенства союзника в борьбе против империализма, неокOLONиализма и местной реакции.

Иное положение сложилось в районах, подвластных королевскому правительству: здесь все малые народности оставались бесправными и жестоко эксплуатировались в условиях феодального и даже дофеодального уклада. В первый же день заседания Национального конгресса народных представителей, объявившего о ликвидации монархии и образовании ЛНДР, его делегаты призвали крепить союз лаосского общества, состоящего из многих народностей и этнических групп, защитить новый социаль-

На полях одного из сельскохозяйственных кооперативов провинции Вьентьян. Фотохроника ТАСС.

Лаосская мебель пользуется широким спросом не только на родине, но и за рубежом.

Столица Лаоса Вьентьян узкой лентой протянулась вдоль берега крупнейшей водной артерии Индокитайского полуострова — «отца рек» Меконга, который в летнее время сильно мелеет.

Выдающийся памятник средневековой лаосской архитектуры — буддистский храм (тхат) Луанг близ Вьентьяна (XVI в.).

ный строй и счастье всех народов страны. В это благородное дело, говорилось в обращении конгресса, должны внести свой вклад и лица духовного звания, которые могут способствовать подъему экономического и культурного уровня населения, устранив социальные язвы прошлого. Провозглашение ЛНДР с удовлетворением встретила значительная часть духовенства, монахи активно включились в общественную жизнь.

В Лаосе в той или иной степени представлены едва ли не все типы религиозных верований — от тотемизма, анимизма и шаманства до христианства и буддизма. Последний исповедуют три четверти верующих: в основном это лаолумы.

В конце прошлого века лаосские буддисты раскололись на два направления, одно из них — маханай — получило наибольшее распространение. Из его сторонников вышло много монахов, примкнувших к патриотическому и революционному движению. Второе течение — дхаммаютникай — выступало в годы революции на стороне правых, проимпериалистических сил. После 1975 года большинство его приверженцев покинули страну.

Для лаосского духовенства характерны свои особенности. Прежде всего — относительная малочисленность: оно составляет не более 0,1 процента населения. В отличие от других стран, где распространен буддизм, здесь духовенство не владело ни значительным состоянием, ни монастырскими землями, ни подневольными людьми. Большинство его представителей были тесно связаны с крестьянами, поскольку многие из них на какое-то время постригались в монахи, а затем вновь возвращались в свои деревни.

Ортодоксальный буддизм встречается в основном в городах, а в сельской местности сочетается с пережитками традиционных верований и культов, например с почитанием духов — «пхи», олицетворяющих живую и мертвую природу.

С древних времен в Лаосе сохранилось множество памятников старины, представляющих значительную историческую и художественную ценность. Среди них, например, башни-святилища под г. Саваннакхетом, мегалиты I—V веков в Долине кувшинов, а также великолепные деревянные пагоды (ваты), давно исчезнувшие в большинстве соседних стран. В каждом вате — обязательная статуя Будды, молельня, библиотека и святилище (тхат), схожее с индуистскими часовнями-ступами. Наиболее известные из храмовых комплексов построены в XVI веке. Это Луанг близ столицы Лаоса — Вьентьяна и Сиенгтхон в г. Луангпрабанг. Здесь в пагоде Ват Май находится золотая статуя Будды — Пра Банг — отсюда и название города. Во вьентьянской пагоде Пракео (что значит изумрудный Будда) сейчас создан историко-археологический музей. Пагоды есть в каждой лаосской деревне, и, как правило, в селении это самые крупные постройки.

Буддистские храмы и монастыри в Лаосе всегда были очагами не только религиозной, но и общественной жизни. При храмах имелись религиозные школы, а так как светское образование почти отсутствовало, они в определенной степени восполняли этот пробел: здесь обучали грамоте, сообщали элементарные сведения по географии и истории, давали навыки ручного труда. Но основное внимание при таком обучении (а учиться могли только мальчики) уделялось заучиванию буддистских текстов, много времени тратилось на обслуживание пагод и самих бонз (монахов).

В годы национально-освободительной борьбы многие представители лаосского духовенства выступали на стороне ПФЛ, оказывали материальную поддержку патриотическим силам страны. Часть бонз входили в его руководящие органы. Пройдя специальные педагогические курсы, многие монахи приняли активное участие в ликвидации неграмотности среди жителей освобожденной зоны.

С буддизмом в Лаосе связано множество традиционных обрядов и праздников, которые постепенно утрачивают религиозное содержание.

Как и в некоторых других странах Юго-Восточной Азии, в Лаосе наряду с григорианским сохраняется и буддистский календарь, основанный на смене времен года. Он состоит из 12 месяцев, отсчитываемых с декабря. Каждый год носит название одного из животных, и оно повторяется каждые 12 лет (например, 1982-й — год собаки).

Встреча Нового года — Пи Май — отмечается по всей стране в середине апреля, когда на смену иссушающему летнему сезону приходит сезон муссонных дождей. В нынешнем году, например, по древнему лаосскому календарю уже 2525 год. В предновогодние дни лаосцы тщательно приводят в порядок дома (по старинным поверьям, чистота в них привлекает добрых духов), выпускают на волю птиц, рыбок и другую мелкую живность. В честь Пи Май устраивают ритуальные танцы и красочные мистерии на священной горе Фуси близ Луангпрабанга, где, по преданию, живет богиня Нага, которую верующие считают покровительницей страны. На берегах рек сооружают тысячи песчаных пирамид, чтобы в году было столько же счастливых дней, сколько в них песчинок. Другие старинные народные праздники посвящены концу сезона дождей, встрече нового урожая: ведь большинство лаосцев — крестьяне. В августе и октябре устраиваются состязания в гребле, чтобы, как гласят древние поверья, водные духи вышли из рек и перешли на рисовые поля.

Среди горных таи, горных кхмеров и других национальных меньшинств, проживающих в основном на севере страны и вдоль границы с Вьетнамом, все еще распространены анимистические верования. Здесь почитают духов гор, водных источников, деревьев, земли и т. д. Поэтому обрядовые действия, как правило, совершаются в священной роще. В прежние времена большое влияние на горцев оказывали колдуны, знахари и шаманы.

Христианство в Лаосе появилось лишь с приходом колонизаторов и французских миссионеров, но не получило широкого распространения среди местного населения, в отличие, например, от Вьетнама. В 70-х годах христиане в Лаосе составляли не более 1,5 процента населения (50 тысяч человек), а после революции 1975 года многие из них к тому же эмигрировали. В основном это католики, живущие в городах, как, впрочем, и еще более малочисленные протестанты. Индуизм в Лаосе сейчас исповедует только немногочисленное тамильское меньшинство, хотя в древности эта религия здесь господствовала, а на юге страны даже сохранились остатки индуистских храмов.

Новое все больше проникает в быт лаосцев. В трудовой праздник превратился Пи Май, когда подводятся итоги прошедшего года и обсуждаются новые планы. Баси¹ теперь приурочиваются к общенациональным событиям. Например, к Дню Республики — 2 декабря.

Со времени ее провозглашения (1975 г.) церковь отделена от государства, а всем гражданам предоставлена свобода совести и вероисповедания. Вопросы религии находятся в ведении министерства образования, спорта и культов. В соответствии с законодательством все верующие в Лаосе свободно отправляют свои обряды, в их распоряжении — храмы и другие святыни, религиозные школы.

Прогрессивно настроенное духовенство лояльно к народной власти, сотрудничает с ней, его представители входят в состав Верховного народного собрания и руководящие органы Фронта национального строительства Лаоса (ФНСЛ). НРПЛ и правительство ЛНДР стремятся привлечь священнослужителей к участию в работе по ликвидации неграмотности, а также к охране и восстановлению исторических памятников.

В провинциях организуются семинары, на которых священнослужители изучают документы партии и правительства, знакомятся с содержанием общеобразовательной учебной программы.

Что касается исторических памятников, которыми так богат Лаос, как, впрочем, и вся Юго-Восточная Азия, то народное государство уделяет большое внимание их

охране и реставрации, в том числе и храмов в Луангпрабанге, Вьентьяне, Долине кувшинов, архитектурного комплекса Пху в Тямпасаке.

Строительство новой жизни в Лаосе, переустройство общества по социалистическому пути идет рука об руку с работой по повышению культурного уровня народа и преодолению ряда пережитков эксплуататорского строя, включая и религиозные предрассудки и обычаи. Это сложный процесс, требующий много времени и терпения, ибо, как сказано в «Манифесте Коммунистической партии», «вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия,— одним словом, их сознание»².

Взять хотя бы такую проблему, как преобразование отсталой лаосской деревни, где зачастую сохраняется натуральный или полунатуральный уклад, приобщение ее к современным способам ведения сельского хозяйства. Здесь очень живучи древние обычаи и понятия, патриархально-крестьянская психология, которая веками складывалась под влиянием религии. Например, у некоторых горных племен существует предубеждение против «чужеродных» орудий труда и агрономических приемов; они считают, что употребление железных предметов при посеве и уборке, обмолоте и засыпке риса может «оскорбить его душу». Или взять проблему бонз (монахов). До революции они практически не занимались производительным трудом, проводя все дни в молитвах и изучении религиозных текстов. В королевском Лаосе монастыри ничего не производили и жили исключительно за счет пожертвований верующих.

Эти примеры показывают, с какими трудностями, обусловленными пережитками прошлого, приходится сталкиваться партии и народной власти при осуществлении глубочайших социально-экономических и общественно-политических преобразований в стране, где еще вчера царил феодальный и даже дофеодальный уклад.

Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК НРПЛ III съезду партии (апрель 1982 г.), лаосский народ под ее руководством собственными силами и при значительной помощи Советского Союза, Вьетнама и других стран социалистического содружества «за шесть истекших лет добился определенных успехов: валовой общественный продукт возрос приблизительно на 43 процента, национальный доход на душу населения — почти на 40 процентов, валовая продукция сельского и лесного хозяйства — примерно в 1,5 раза...»³.

IV Пленум ЦК НРПЛ (1977 г.) в качестве важнейшей задачи переходного периода, переживаемого страной, выдвинул осуществление одновременно трех революций: в области производственных отношений, в области науки и техники и в области идеологии и культуры. При этом «культурно-идеологическая революция опережает остальные на один шаг» и рассматривается как обязательный компонент социалистической революции⁴. Подчеркивается также, что работа по повышению политического и идеологического уровня в первую очередь должна быть развернута среди этнических групп, проживающих в отдаленных, отсталых районах, чтобы выработать у них единство взглядов и устремлений, воплощающих в себе то лучшее, что есть у каждой из этих групп.

Эта политика НРПЛ нашла дальнейшее подтверждение и развитие в Отчетном докладе ЦК НРПЛ III съезду партии, с которым выступил тов. Кейсон Фомвихан. «Генеральный курс революции в нашей стране в переходный период к социализму состоит в том, чтобы,— как отметил он, в частности,— одновременно осуществить революции в области производственных отношений, научно-технической, культурной и идеологической областях».

Народная власть уже много сделала в этом направлении. Большое внимание уделяется воспитанию социалистической сознательности, патриотизма и пролетарского интер-

национализма, активно проводятся кампании по ликвидации неграмотности, развитию народного просвещения. Увеличивается выпуск газет, книг, фильмов.

Введение в ЛНДР бесплатного всеобщего школьного образования подняло народное просвещение на новую качественную ступень. С 1 сентября 1977 года страна перешла к единой системе школьного образования. Пока что полное решение этой проблемы упирается в малочисленность национальных педагогических кадров, недостаточную обеспеченность учебных заведений оборудованием и пособиями, в нехватку школьных зданий. Но эти трудности постепенно преодолеваются как с помощью братских стран социализма, так и благодаря энтузиазму самих народных масс.

В ходе общенациональной кампании по борьбе с неграмотностью во всех районах Лаоса появились курсы ликбеза — своеобразные народные университеты, где учатся взрослые, в том числе и старики, а преподают студенты и старшеклассники. Только в 1980 году научились читать и писать более двух миллионов граждан. В некоторых провинциях — Вьентьяне, Луангпрабанге, Хуапхане — уже полностью покончено с неграмотностью. Работа с этническими меньшинствами имеет особое значение для многонационального Лаоса. Впервые у них появились свои школы и учебники на родном языке. Сотни деревень сами возводят школы методом народной стройки.

В 1975 году в г. Луангпрабанге и одноименной провинции была всего одна школа и королевский лицей, а через три года народной власти число школ здесь приблизилось к 600 и, кроме того, открыто девять колледжей. А в столице ЛНДР Вьентьяне уже действуют два института и 24 средних учебных заведения. 140 тысяч детей посещают школу. По сравнению с предреволюционным периодом в стране в несколько раз возросло число студентов, вдвое — учеников начальных классов и в 20 раз — посещающих средние школы.

НРПЛ, народная власть и сегодня продолжают уделять первостепенное внимание решению задач социально-культурного развития, образования и здравоохранения. III съезд НРПЛ подчеркнул «необходимость развивать культуру социалистическую по содержанию и национальную по характеру, добиваться ликвидации неграмотности, введения всеобщего обязательного начального образования среди всех народностей Лаоса».

НРПЛ выдвинула задачу превращения социалистической идеологии в основу духовной жизни лаосского общества.

Важный вклад в социалистическое воспитание вносит Союз народно-революционной молодежи Лаоса (СНРМЛ). Он вовлекает ее в строительство новой жизни, пропагандирует среди молодых граждан республики марксистско-ленинское учение, решения партии, заботится о повышении их культурно-профессионального уровня. Многие члены Союза молодежи ведут занятия в группах ликбеза в отдаленных деревнях. По всей стране ширится движение за культуру поведения, за искоренение пережитков прошлого.

Как подчеркнул тов. К. Фомвихан, единство народа в период перехода к социализму предстает как тесный союз трудящихся города и деревни, трудовой интеллигенции, всех слоев населения, включая представителей религиозных кругов, которые стремятся внести полноценный вклад в создание нового общественного строя⁵.

¹ Традиционный народный обряд пожелания счастья, долголетия, здоровья, успехов.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 445.

³ «Правда», 28 апреля 1982 г.

⁴ См.: К. Фомвихан. Революция в Лаосе: некоторые основные уроки и главные задачи. М., 1980, стр. 182, 194.

⁵ См.: К. Фомвихан. Стратегия перехода к социализму, стр. 24.

"ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСЛАМА"

ИЛИ

ПРОБУЖДАЮЩИЕ НАРОДА?

А. GERMANOVICH,
Л. MEDVEDKO,
кандидат
исторических наук

В последнее десятилетие в странах Ближнего и Среднего Востока, в ряде районов Африки одно за другим происходят события и явления, привлекающие интерес и внимание всего мира. Иранская революция; затяжная ирано-иракская война; гражданская война и непрекращающееся кровопролитие в Ливане; правительственные перевороты в Пакистане; бурные потрясения в Бангладеш, Чаде, Судане; антиправительственные выступления в Саудовской Аравии; периодически вспыхивающие конфликты между различными мусульманскими странами; обострение напряженности в зоне Персидского залива; буря возмущения в арабских и во всех мусульманских странах в связи с аннексией Израилем сначала Восточного Иерусалима, а затем — Голанских высот на территории Сирии; убийство египетского президента Садата; развитие апрельской революции в Афганистане и т. д. Общая черта большинства этих весьма разнородных и неоднозначных событий заключается в том, что они так или иначе связаны с исламом или даже проходят под исламскими лозунгами. Эта особенность политических и социальных движений в мусульманском мире вызвала повышенный интерес к исламу. На Западе и на Востоке различные политические силы оживленно, на разные лады обсуждают вопрос о некоем «возрождении ислама» — это выражение пуцено в обиход буржуазной прессой. Однако эти разговоры менее всего касаются сущности происходящих в мусульманском мире процессов, напротив, всячески маскируют ее. «Возрождением ислама» на Западе объясняют явления не только не однозначные, но и прямо противоположные.

Реалистическая и трезвая оценка роли ислама в современной политической жизни, в тех явлениях и процессах, которые охватили в настоящее время исламский мир, дана в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. «Главное в том, — заявил Л. И. Брежнев, — какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги. Под знаменем ислама может разворачиваться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе и самый недавний. Но он же говорит, что исламскими лозунгами оперирует и реакция, поднимающая контрреволюционные мятежи. Все дело, следовательно, в том, каково реальное содержание того или иного движения»¹.

В основе этой позиции советских коммунистов лежит принципиальное марксистское положение о том, что любые идеологические течения, в том числе и религиозные, имеют свои «земные» причины, в их основе всегда лежат социально-политические интересы определенных общественных групп, слоев и классов.

Активизация социальных и политических процессов на мусульманском Востоке вызвана особенностями нынешнего этапа развития этого региона. Освобождение от колониальной зависимости, противоборство разных сил в вопросе выбора пути развития, борьба за экономическую независимость, развитие промышленности, проникновение в мусульманский мир атрибутов западного образа жизни и т. п. — все это привело в движение огромные мусульманские массы, вызвало невиданный прежде рост их социальной и политической активности. Этим массам более всего близки и понятны исламские лозунги, язык их исконной религии, поэтому движения, в которые они вовлекаются, часто принимают религиозную форму. Религиозная окраска многих социально-политических процессов на мусульманском Востоке как раз прежде всего говорит о том, что происходит вовлечение в них широких народных масс, а не «возрождение ислама». На Западе не желают видеть социальной дифференциации религиозных движений и весь комплекс сложных событий в этом регионе именуют «возрождением ислама».

Интересно, что сегодня усиление исламских тенденций в ряде районов Ближнего и Среднего Востока и в некоторых африканских странах вызывает беспокойство политических кругов на Западе. Если бы этот процесс оказывал влияние на жизнь мусульманского Востока только «справа», это бы вряд ли тревожило западный мир. Однако особенностью нынешнего этапа социальной и политической борьбы в этом регионе явилось как раз то, что под исламскими лозунгами в ряде случаев активно разворачиваются национально-освободительные, революционно-демократические движения антиимпериалистической направленности, которые ослабляют позиции западных государств на мусульманском Востоке, меняют сложившиеся и удобные Западу соотношения сил. События эти показали, что мусульманские массы составляют мощную антиимпериалистическую силу.

Буржуазная пропаганда усиленно рекламировала неоколониалистскую модель экономической «взаимозависимости» империализма и мусульманских стран. Однако в рамках этой модели примирение сторон не произошло, противоречия между ними усилились. Наглядное доказательство тому — антимонархическая, антиимпериалистическая революция в Иране, считавшемся образцом «взаимозависимого» неоколониалистского процветания. Новое доказательство тому убийство египетского президента Садата возмущенными его политикой единоверцами. А ведь он был, казалось бы, образцовым союзником неоколониализма в мусульманском мире. Воспеваемая западной

пропагандой «взаимозависимость» подразумевает одностороннюю зависимость мусульманских стран от мира капитала, — и мусульманские страны ее отвергают. В условиях, когда соотношение сил в мире меняется в пользу социализма, освободившиеся страны могут противостоять империалистическому диктату и добиваться установления равноправных экономических отношений. В такой ситуации неоколониализм выдвигает новую теорию «взаимозависимости» — теперь, например, США объясняют свою экспансию и милитаристскую активность в мусульманском регионе интересами безопасности мусульманских стран, необходимостью защиты их от «коммунистической угрозы».

Исторический опыт и события последнего времени показали мусульманским народам опасность «симбиоза» с неоколониализмом. В экономической сфере отношения в рамках неоколониалистской модели «взаимозависимости» привели к так называемому «росту без развития», то есть к появлению в мусульманских странах практически непреодолимых трудностей, чреватых социальными взрывами и потрясениями. В сфере военной это может обеспечить лишь «рост милитаризма без безопасности». Такая перспектива не прельщает народы мусульманских стран, освободившиеся недавно от колониальной зависимости. Эти теории «взаимозависимости» их уже не обманывают.

В иранской революции ярко проявилась ее антимонархическая направленность, в то же время в ней выразились протест и борьба против современного неоколониализма. Вот почему, отмечая особый характер иранской революции, Л. И. Брежнев в докладе на XXVI съезде КПСС подчеркнул, что при всей сложности и противоречивости это в своей основе антиимпериалистическая революция, хотя внутренняя и внешняя реакция стремится изменить ее характер.

ЕДИН ЛИ МИР ИСЛАМА?

В буржуазной литературе много говорится о «мусульманском мире», о «мире ислама» как о каком-то особом сообществе, объединенном только ему присущими целями и идеями, живущем по единым законам и движущемся в одном направлении. Так ли это на самом деле?

По различным, весьма противоречивым оценкам, колеблущимся в зависимости от того, как определить границы мусульманского мира, ислам исповедуют от 600 до 800 миллионов человек. В 38 государствах Азии и Африки мусульмане

¹ «Материалы XXVI съезда КПСС». М., 1981, стр. 13.

составляют большинство населения, в 10 афро-азиатских государствах их насчитывается от 50 до 85 процентов и еще в 30 мусульмане образуют довольно значительные религиозные общины. Более 120 миллионов мусульман живут в арабских странах, около 220 миллионов — в Индокитае (Пакистан, Бангладеш, Индия), более 60 миллионов — в Иране и Афганистане. В «черной» Африке — около 70 миллионов мусульман. В 18 странах ислам объявлен государственной, а в 20 он является господствующей религией.

Страны, где живут мусульмане, весьма различны по государственному устройству, по социально-политической структуре, характеризуются различной степенью экономического и культурного развития. Среди них имеются государства с абсолютной и конституционной монархией — королевства, султанаты, эмираты; есть республики — буржуазные, «исламские» (Иран, Пакистан, Мавритания), народно-демократические, в том числе и те, что избрали путь социалистической ориентации. Ряд мусульманских стран до сих пор находится на положении вассалов промышленно развитых капиталистических государств, хотя формально они считаются политически независимыми. Существенно, что в огромном регионе проживания мусульман сосредоточено более двух третей запасов нефти капиталистического мира. На этот регион приходится весьма значительная доля других видов сырья, ценных металлов, минералов, каучука, производства сельскохозяйственной продукции.

Этим разнообразием и порой существенным различием государственных и социально-экономических структур стран мусульманского мира и объясняется далеко не равнозначный, противоречивый характер событий и явлений, которые происходят под исламскими лозунгами. Мир ислама, сколько бы ни говорили о том, что все в нем объединены высшими, священными узами религии, никогда на протяжении своей истории не был единым. Уже в первые десятилетия существования ислама (VII в.) в нем появилось множество различных сект и течений, которые боролись между собой, отрицали друг друга, считали лишь себя «истинно мусульманскими» и т. д.

С точки зрения мусульманских богословов, главной причиной этих разногласий было расхождение в толковании Корана, Сунны, различных мусульманских догматов. В историческом же плане в основе возникновения различных течений в исламе (как и в других религиях) лежали национальные и социальные противоречия. Социальная борьба носила внешне религиозный характер, но от этого не переставала быть таковой.

Примером может служить движение хариджитов (VII в.), которое впоследствии назвали первой социальной революцией в мире ислама. Хариджиты выдвинули ряд положений, отличавших их вероучение от традиционного ислама. Однако это религиозное течение было рождено социально-политическими причинами, оно выражало протест трудящихся масс против произвола местных феодалов, имущественного неравенства. Движение хариджитов получило поддержку сельских и городских низов.

Как сильное движение, оппозиционное ортодоксальному исламу, возник шиизм, под знаменем которого в течение истории ислама неоднократно выступали раз-

личные социальные слои и силы, протестовавшие против засилья правящей суннитской верхушки и местных феодалов на мусульманском Востоке. Идеальным основанием борьбы народных масс под знаменем шиизма против деспотизма властей служил тезис о том, что последние «узурпировали» власть, отняв ее у «законных» вождей мусульман — имамов, потомков пророка. (Во время иранской революции шах был также объявлен «узурпатором», а его власть — незаконной с точки зрения шиизма.)

СУТЬ НЕ В РЕЛИГИОЗНЫХ ЛОЗУНГАХ

На протяжении веков многие антифеодальные выступления народных масс принимали форму религиозных движений. Таким было восстание рабов-зинджей в IX веке, положившее начало движению карматов, которые провозгласили идею всеобщего равенства и справедливого распределения; таким было и возникшее уже в новое время движение бабидов в XIX веке в Иране, выдвигавшее демократические лозунги на коранической основе. Именно социальные требования, выдвигаемые в религиозной форме, обеспечивали подобным движениям массовый характер. Общим в них было то, что все они в той или иной форме апеллировали к идеям равенства и справедливости, обоснование которым находили в Коране. Однако расправлявшиеся с этими движениями силы также находили идеологическое обоснование своих действий в исламских установлениях.

Возможность использования мусульманской доктрины различными общественными силами во многом заключена в самом мусульманском учении. Появившись в условиях распада родоплеменного строя и зарождения классов, ислам содержал в себе противоречивые элементы. С одной стороны, он оправдывал частную собственность, которая к началу VII века была исторически более прогрессивной формой собственности по сравнению с первобытнообщинной. В Коране есть аяты, защищающие неравенство и наемный труд. С другой стороны, первоначальный ислам, явившийся также выражением протеста народных масс против их эксплуатации племенной знатью и ростовщиками, выдвинул идею всеобщей справедливости, равенства, осудил ростовщичество, коррупцию и деспотизм. Однако многие коранические положения сформулированы достаточно абстрактно и нечетко, что дает повод для их различного толкования.

Так, например, идея равенства, содержащаяся в Коране, может получить как чисто религиозную, так и социальную трактовку, в зависимости от классовых интересов тех сил, которые к этой идее обращаются. В религиозной трактовке, которая вполне удовлетворяет сторонников сохранения эксплуатации, равенства, по Корану, означает равенство всех людей перед богом при сохранении существующих между ними социальных различий. Прогрессивные силы, выдвигающие религиозные лозунги, и мусульманские массы, наоборот, видят в этой идее призыв к ликвидации имущественного неравенства и классовой дифференциации.

В период антиколониальной борьбы во многих арабских странах, таких, как Алжир, Ливия, Сирия и другие, ислам наряду с национализмом во многом сыграл роль той идеологической основы, на которую опирались национально-освободительные

движения. Мусульманские массы противопоставляли положения и принципы ислама враждебной им идеологии капиталистического Запада.

Как уже говорилось, и в наши дни ислам может быть использован как знамя антиимпериалистической борьбы за политическую независимость. Это происходит там, где, во-первых, сохраняются отсталые социально-экономические отношения, во-вторых, где преобладающую часть населения составляет неграмотная или малограмотная масса крестьянства, ремесленников, мелкой буржуазии, находящаяся под влиянием религиозной идеологии, в-третьих, — там, где еще не сформировались влиятельные политические партии. Все эти условия в полной мере наличествовали в Иране, — и в нем движущей силой революции стал лозунг борьбы за чистоту ислама, против «оскорбления ислама шахом». Однако и в Иране дело не в возрождении ислама, не в его «очищении». Как справедливо писал французский еженедельник «Монд дипломатик», революция в Иране явилась «выражением отказа целой нации от определенной модели социального и экономического развития, которая была ему навязана извне» — с Запада.

После освобождения от колониального ига мусульманские страны Ближнего и Среднего Востока, как и другие молодые государства, должны были выбирать путь развития. В некоторых из них наряду с сохранением пережитков старых, традиционных форм общественной жизни начали распространяться идеи научного социализма. Другие государства и после достижения политической независимости продолжали оставаться под сильным воздействием буржуазной идеологии и культуры. В них господствующая элита сохраняет политический и экономический союз с неокOLONIZаторами, насаждая буржуазную идеологию, западный образ жизни, а это у широких трудящихся масс ассоциируется с их бывшими угнетателями и недавним колониальным прошлым. Однако массы еще неспособны в полной мере воспринять передовую, пролетарскую идеологию. «Единственным лозунгом, во имя которого можно мобилизовать бедняков, неспособных к восприятию иной идеологии», как пишет в вышеуказанной книге в 1966 году французский исследователь этой религии М. Родинсон, явился ислам. При этом те положения ислама, которые идут вразрез с интересами народных масс, нередко объявляются искажением «истинного» вероучения. Отсюда — идея возврата к «истинному исламу», присущая многим современным социальным движениям. Однако, если лидеры «исламской революции» будут внедрять в жизнь средневековые догматы и пытаться перенести их в современность, это может существенно ослабить ее прогрессивный характер. Опыт Ирана уже показывает, что одни лишь исламские установки не могут служить программой социально-экономических преобразований, не в состоянии вывести страну из кризисной ситуации.

Интересно в этом плане заявление лидера ливийской революции М. Каддафи в интервью журналу «Африк-Ази» (1979, № 5): «Первоначально ислам был революционным. Он был создан для борьбы с несправедливостью, коррупцией, расслоением общества на классы... Если не произойдет преобразования ислама в прогрессивную революцию, он будет забыт и отойдет в прошлое».

В так называемом возрождении ислама находит свое отражение стремление трудящихся масс мусульманских стран к социальному прогрессу и освобождению от иностранной зависимости. Следовательно, в основе «неоисламизма», так называемого возрождения ислама, лежит не возросший интерес к самой религии, а усиление именно социальных тенденций в исламском движении.

«ИСЛАМСКИЙ СОЦИАЛИЗМ»: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТЕНДЕНЦИИ

Несомненно усиление влияния идей научного социализма на трудящиеся массы мусульманских стран. Этому способствуют успехи мирового социализма, бескорыстная помощь социалистических стран развивающимся странам, деятельность коммунистических партий в мусульманском мире. В странах социалистической ориентации правящие революционные демократы учитывают религиозный характер мировоззрения масс при проведении прогрессивных социально-экономических преобразований, показывая им, что эти реформы не противостоят духу ислама. В Народной Демократической Республике Йемен, например, научный социализм стал официальной идеологической платформой национально-демократической революции.

Лидеры ряда стран пытаются соединить отдельные положения научного социализма с идеями Корана. В результате такого соединения появляются различные теории «исламского социализма». В одних случаях они выдвигаются идеологами буржуазного класса, при этом собственно «социалистическим» в них остается лишь название. В других — эти теории создаются революционными демократами и нередко сохраняют перспективу постепенной эволюции к научному социализму.

Концепции «исламского социализма» зачастую под социалистической вывеской преподносят народным массам выгодные для буржуазии идеи. Так, например, утверждается, что научный социализм (его называют, в отличие от «исламского социализма», коммунизмом) неприемлем для мусульман из-за того, что проповедует материализм и атеизм, вследствие чего, дескать, является бездуховным и антигуманным. «Исламский социализм», предлагаемый такими теоретиками, напротив, якобы развивает в человеке духовное, нравственное начало. За обвинениями научного социализма в антигуманности скрывается, как правило, страх мелкого производителя перед обобществлением производства. В условиях отсутствия крупной индустрии, когда процесс производства в значительной мере опирается на непосредственное общение внутри небольших групп людей, от чьих взаимоотношений во многом зависит успех дела, мелкая буржуазия и апеллирует к таким общечеловеческим ценностям, как гуманизм, доброта, сочувствие и т. д. При этом утверждается, что они возможны лишь там, где люди руководствуются исламом.

В ряде стран, в частности в Египте, именно такого рода мелкая и средняя буржуазия стала основой «нового» класса — паразитической буржуазии, которая при Садате вышла на политическую арену страны. Сколотив огромные состояния на эксплуатации трудящихся и превратившись в господствующий класс, она отбросила все разговоры о гуманизме и любви к ближнему, не забывая при этом повто-

рять, что действует согласно истинному исламу.

Идеологи «исламского социализма» нападают на то, что священное право частной собственности предоставлено людям Аллахом и это зафиксировано в Коране. При этом, однако, частная собственность в «исламском социализме» противопоставляется капиталистической. Мелкая буржуазия защищает так называемую «неэксплуататорскую» или «ограниченную» частную собственность, выступает против сверхприбылей и всяческих «излишеств», что всего лишь отражает противоречия между ней и крупной буржуазией. Сторонники подобных теорий, затушевывая антагонистический характер классовой борьбы, пытаются представить всех мусульман как братьев — членов единой религиозной общности («уммы»). Они утверждают также, что все социалистические идеи в наиболее полном виде уже существовали в Коране задолго до того, как были разработаны в трудах Маркса, Энгельса, Ленина.

В целом, однако, нельзя отрицать того, что попытки буржуазных и мелкобуржуазных классов приспособить ислам к требованиям времени свидетельствуют об известной капитуляции открыто буржуазной и феодальной идеологии перед лицом растущей тяги народных масс к социализму. Сегодня уже невозможно закрыть глаза на рост авторитета реального социализма в мусульманских странах.

В свое время В. И. Ленин указывал, что положение «социализм есть религия» может быть формой перехода от религии к социализму². Известно, например, что в таких странах, как Алжир, Ливия, и некоторых других под флагом ислама проводятся прогрессивные преобразования. В Ливии в последние годы осуществлен ряд мероприятий по расширению государственного и кооперативного секторов в экономике, ограничению размеров частной недвижимой собственности, на многих бывших частных предприятиях создается так называемая «народная администрация» и т. д.

Доказывая соответствие аграрной реформы принципам ислама, покойный президент Алжира Х. Бумедьен подчеркивал, что «нет ни одного религиозного положения, препятствующего проведению аграрной революции. Наоборот, в исламе есть положение, которое ясно говорит: «Люди совместно владеют огнем, то есть энергией, пастбищами, то есть землей и водой»³. Позднее новый президент Алжира Шадли Бенджедид, развивая идеи Бумедьена, заявил, что никто не имеет права давать Алжиру «уроки ислама, который по своей концепции есть прогрессивная религия, основанная на социальной справедливости».

Борьба между двумя противоположными тенденциями в исламском движении — прогрессивной и реакционной — проявляется и в социальной, и в политической сферах. По мере обострения этой борьбы происходит и более четкое размежевание сил как внутри мусульманских стран, так и на международной арене. Силы империализма и неокolonизма выступают в роли защитников реакционного, консервативного течения ислама. Напротив, марксисты-ленинцы не только провозглашают солидарность и боевой союз с трудящимися мусульманскими массами, но и на деле оказывали и оказывают поддержку тем освобождавшимся странам и народам, которые борются за укрепление независимости и социальный прогресс.

ЗНАМЯ КОНСЕРВАТИЗМА

Мера и степень воздействия религии на политические процессы в конечном итоге зависят от того, какие классы и социальные силы приходят к власти в той или иной мусульманской стране. Эксплуататорские классы, будь то феодалы или капиталисты, в конечном счете стремятся к тому, чтобы от ислама осталось лишь религиозное равение, доходящее до фанатизма, — в этом случае его можно обратить против национально-освободительной борьбы и социальных преобразований. И когда знамя ислама разворачивают контрреволюционные силы, империалисты тут же объявляют себя союзниками и даже защитниками ислама. Под флагом защиты прав мусульман они организуют бандитские акции, мешающие строительству новой жизни в Афганистане. В союзе с пехкиским гегемонизмом и мусульманской реакцией контрреволюционные силы пытаются развернуть «зеленое знамя ислама» для «священной борьбы» против того, что всегда было действительно свято и дорого всем честным мусульманам, в том числе и живущим в Афганистане. Они оказывают всяческую помощь афганским контрреволюционерам в разжигании религиозной и племенной вражды, в организации кровавых мятежей, провоцировании массовых убийств не только активистов Народно-демократической партии Афганистана, но и мирных жителей. Учителей убивают за то, что они осмелились учить девушек; женщин — за то, что они сняли паранджу; крестьян — за то, что они согласились взять землю, принадлежавшую раньше помещику; мулл — за лояльность по отношению к народному режиму. Этих убийц западная пропаганда называет «мусульманами», а их жертвы — «неверующими коммунистами».

Выступая на XXVI съезде КПСС, глава Демократической Республики Афганистан Бабрак Кармаль говорил, что все эти черные силы «судорожно пытаются в своих зловещих и корыстных целях сыграть на глубоких религиозных и национальных чувствах народа, прикрываясь при этом именем ислама». Однако жизнь показывает трудящимся-мусульманам, патристически настроенным представителям национальной буржуазии, служителям исламского культа, что их враг и кто друг.

Состоявшийся в Кабуле в середине июня 1981 года учредительный конгресс Национального ответственного фронта показал, что рожденная апрельской революцией народная власть пользуется поддержкой самых широких слоев афганского населения, включая служителей исламского культа. Выступавшие на конгрессе религиозные деятели выражали благодарность правительству за то, что оно не только провозгласило, но и обеспечивает на деле свободу совести для всех последователей ислама и других религий, создало условия, в которых в наибольшей степени могут реализовываться интересы, надежды и стремления трудящихся-мусульман. Около 11 миллионов крестьян освобождены от кабальной задолженности помещикам и ростовщикам. Получили землю многие батраки. Незадолго до созыва конгресса правительство предприняло еще один важный шаг в интересах

²См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 423.

³Цит. по: «Азия и Африка сегодня», 1979, № 9, стр. 21.

трудового крестьянства — освободило от налога на землю более четырех миллионов мелких землевладельцев.

Отвечая тем, кто пытается извратить политику Народно-демократической партии Афганистана в отношении религии, Бабрак Кармаль в своем докладе на конгрессе заверил, что в стране уважаются и впредь будут так же соблюдаться принципы ислама, отвечающие интересам трудящихся-мусульман. На вопрос, кого же считать «истинным и правозверным мусульманином», ясный ответ дал на конгрессе представитель духовенства Раза Афшери, заявив, что им, конечно же, является не тот, кто уничтожает продовольственные обозы, направляемые в отдаленные горные селения, чтобы накормить верующих, не тот, кто поджигает школы и убивает учителей, а тот, кто везет эти продукты питания мусульманам, тот, кто учит детей грамоте...⁴

Известно, что религия в одних случаях используется как активное, в других — как пассивное орудие реакции и консервативных сил. Еще не так давно в мусульманском мире многие идеологи ислама пытались оторвать массы от политики, ссылаясь на то, что политическая деятельность несовместима с «истинным» исламом. Однако в последнее время осуществление такой тактики стало практически невозможным. Участие широких мусульманских масс в политических движениях вызывает сегодня всей ситуацией в мусульманских странах, вынуждающей их бороться за свои права. Кроме того, многие крупные мусульманские деятели выступают в наши дни с явно антиимпериалистических позиций и провозглашают религию духовной основой политической деятельности.

Мировая реакция пытается любыми путями укрепить свои позиции в мусульманском мире, организует борьбу против освободительных революций и социального прогресса в мусульманских странах, не останавливаясь и перед физическим уничтожением религиозных деятелей, провозглашающих неугодные империализму идеи. Для борьбы с прогрессивными режимами используется разветвленная реакционная организация «братьев-мусульман», действующая, чаще всего секретно, почти во всех мусульманских странах. Она издавна связана с империалистическими кругами Запада и некоторыми монархическими режимами на Ближнем и Среднем Востоке, а в последнее время и с Пекином.⁵

ВАЖНАЯ КАРТА В СТРАТЕГИИ ИМПЕРИАЛИЗМА

Идеологи империализма представляют основные социально-классовые противоречия и главнейшее из них — между социализмом и капитализмом — как противоборство веры и неверия, морали и безнравственности, верности религиозным устоям и безбожного коммунизма. Они объявляют мир империализма оплотом религии, а социалистический лагерь — врагом всех верующих. Политический смысл этих провозглашений быстро обнаруживается в конкретных ситуациях. Империалисты сразу же перестают быть защитниками религии, когда религиозные лозунги наполняются демократическим содержанием.

В иранской и афганской ситуациях, равно как в арабо-израильском конфликте и в ливанском кризисе, империалистические круги и местная реакция показали свое

подлинное лицо врагов мусульманских народов. Вот уже более 30 лет американский империализм выступает вдохновителем и соучастником политики агрессии, расизма и геноцида, проводимой Израилем в отношении арабских стран.

После свержения шаха США грозили применить не только экономические санкции, но и всю свою военную мощь для подавления «исламской революции». Вместе с пехинскими гегемонистами американские империалисты делали все возможное, чтобы дискредитировать, а затем и задушить апрельскую революцию в Афганистане. Многие выдворенные из Ирана американские «специалисты» окопались в Исламской республике Пакистан, откуда организуют и направляют борьбу против мусульманского населения Афганистана.

«Защита ислама» по-американски означает в первую очередь поддержку антинародных реакционных режимов, таких, например, как военная диктатура в Пакистане, превращение их в плацдарм для агрессивных и подрывных действий против государств, стоящих на антиимпериалистических позициях.

После явного краха открытой блоковой политики на Ближнем и Среднем Востоке неокOLONизаторы до сих пор не отказываются от идеи создания исламского пакта, и хотя он планируется без непосредственного участия империалистических государств, от этого его реакционная, неокOLONиалистская сущность не меняется. Стремление использовать ислам для раскола освободительного движения, подавления народных революций и подрыва прогрессивных режимов было и остается одним из традиционных методов империализма.

Правда, сегодня в свою стратегию и тактику империализм вносит кое-какие коррективы. Важное значение теперь придается разжиганию всякого рода конфликтов в мире ислама. Провоцируя локальные войны между мусульманскими странами, империалисты стремятся извлечь из них максимум выгод, всячески стимулируя и подталкивая эти страны к гонке вооружений, к созданию военно-политического регионального блока антисоветской направленности. Именно с такой меркой подходят империалисты, например, к ирано-иракской войне, «войне», как было отмечено на XXVI съезде, — абсолютно бессмысленной с точки зрения интересов этих государств. Но весьма выгодной империализму, который спит и видит, как бы восстановить свои позиции в этом районе.⁶

В Вашингтоне уже сейчас допускают возможность такой ситуации, когда американские «силы быстрого развертывания» будут сами выполнять задачу «реколонизации» обширных нефтяных районов Аравийского полуострова или же действовать совместно с Израилем в соответствии с подписанным в конце 1981 года «меморандумом» об американско-израильском стратегическом сотрудничестве. Не исключаются при этом варианты использования и ядерного, в том числе нейтронного, оружия, которое Пентагон считает особенно «потенциально эффективным» в зоне Персидского залива. Таким образом, речь идет не только о готовящихся в самых широких масштабах рецидивах военного колониализма, но и о реальной опасности появления неокOLONиализма ядерного.

После развала Багдадского пакта и СЕНТО империализм лишился своих прежних союзников на Ближнем и Среднем Восто-

ке, однако этот урон США пытаются компенсировать заключением двусторонних соглашений с Египтом, Оманом, Сомали. В последнее время Вашингтон стремится присоединить к своей военной колеснице и Саудовскую Аравию. Потеряв свою политическую власть в бывших колониях и получив в последние годы ощутимые удары в сфере экономики, Запад стремится таким образом взять реванш с помощью всеобъемлющего милитаризма.

Специфика современного национально-освободительного движения в мусульманском мире состоит в том, что здесь, в отличие от других регионов мира, до сих пор не завершен первый освободительный, то есть, по существу, антиколониальный, этап, поскольку задача освобождения оккупированных Израилем арабских земель еще не выполнена. В связи с этим в мусульманском мире существует реальная возможность совмещения в рамках решения задач первого этапа национально-освободительного движения двух направлений — социально-классового и национально-религиозного, а также объединения его двух потоков — антиколониального (включая борьбу против израильской оккупации) и антикапиталистического (отказ от капиталистического пути развития) — в единый процесс антиимпериалистического движения.

Обострившийся в последнее время конфликт между капиталистическим Западом и мусульманским Востоком стал одним из ярких выражений идейно-морального кризиса неокOLONиализма, поскольку речь идет фактически об отказе в моральном доверии капитализму, который еще сравнительно недавно рассматривал ислам как своего союзника.

Как видим, использование ислама в социально-политических движениях — процесс противоречивый, неоднозначный. Однако несомненно, что во многих случаях он означает пробуждение народных масс, их стремление объединиться для борьбы за свои права против империализма. Советский Союз оказывает поддержку всем народам мусульманского Востока, которые борются против империализма, за укрепление национальной независимости и социальный прогресс.

Для трудящихся всего мира — являются ли они атеистами или верующими, христианами или мусульманами — Советский Союз всегда был и остается надежным оплотом и союзником в их борьбе за национальное и социальное освобождение. В Советском Союзе, где построены развитый социализм, уже осуществлены многие идеалы и чаяния, с которыми связывают свои надежды люди труда, в том числе и верующие. Советский Союз солидарен с теми, кто борется против всех форм угнетения и эксплуатации, ибо, как писал В. И. Ленин, «единство... действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе».⁷

⁴Цит. по: «За рубежом», № 25, 19 июня 1981 г.

⁵Об этой организации подробнее см. в статье Е. Артюхова и А. Остафского в нашем журнале № 2 за 1981 г. (прим. ред.).

⁶«Материалы XXVI съезда КПСС», стр. 14.

⁷В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 146.

В последние годы американская печать все чаще сообщает о странных поступках, связанных с верой в бога. Полицейский в Арлингтоне останавливает автомашину и требует, чтобы водитель предъявил документы. Тот отвечает, что ни у него, ни у его спутников таковых не имеется, поскольку они из «церкви армагеддона», в которой прежние, «официальные» имена не признаются. Они не могут также указать ни даты, ни места своего рождения, поскольку считают себя «вечными созданиями».

Театральный постановщик из Нью-Йорка О. Бовар объявляет себя Христом и находит массу последователей. Когда один из них внезапно умирает, он три месяца молится над трупом о его воскресении. Вмешивается полиция, принуждая захоронить покойника. «Христос» в знак протеста выбрасывается из окна небоскреба.

Некий Д. Джофер воздвигает около Сент-Луиса пирамиду «Храм Иошуа» (то есть Иисуса), обошедшуюся в 200 тысяч долларов, а себя объявляет сыном божьим и главой нового движения — иошуизма.

Л. ТИМОШИН

Английские поклонницы «миссии божественного света» встречают своего «гуру».

Фото из журнала «Штерн».

США: НОВЫЕ «КУЛЬТЫ»

За рубежом

И МОЛОДЕЖЬ

Глава «церкви унификации» Сан Мён Мун с супругой на богослужении.

Фото из журнала «Тайм».

Пресса сообщила также о группах молодежи, которые в пустынных местах ждут спасителя из Космоса, о людях, практикующих коллективные порки в целях «изгнания дьявола», о тех, кто упорно отказывается от медицинской помощи, даже от очков...

Всего не перечислишь.

Известно, что в США выходит множество книг и фильмов, радио- и телепередач, повествующих об «исцелениях» и «пророчествах», изгнании ведьм и прочих проявлений «нечистой силы». До поры до времени подобные факты воспринимались как невинные чудачества, достойные внимания лишь психиатров и, быть может, полиции. Но в один день от прежнего благодущия не осталось и следа.

Как уже известно из печати¹, 18 ноября

1978 года последователи так называемого «народного храма», основавшие в Южной Америке, в Гайане, колонию Джонстаун, по призыву своего лидера Дж. Джонса приняли смертельный яд. Погибли 914 человек, в том числе 180 детей. Эта трагедия стала сенсацией года. Она привлекла внимание не только агентов спецслужб и газетных репортеров, но и серьезных исследователей-социологов.

Вскоре был обнародован неожиданный вывод: уже много лет в США действует множество аналогичных организаций, объединяющих в своих рядах по меньшей мере 3—5 миллионов человек. Больше того, выяснилось, что в последнее десятилетие такие группы усиленно мигрировали в Западную Европу: в Англии теперь насчитывается более 400 тысяч их последо-

вателей, в ФРГ — 150 тысяч и по несколько десятков тысяч — в других капиталистических странах. В западной литературе их называют «культами», или «религиями Нового века». Постепенно стало ясно, что трагедия в Гайане — не изолированный эпизод, вызванный болезненной психикой Дж. Джонса, но проявление — пусть даже самое крайнее — каких-то специфических особенностей этих религиозных новообразований.

Возникновение диссидентских групп и течений — явление для истории религии привычное. Известно, что в рамках основных конфессий существуют десятки и сотни различных толков. Но в данном случае речь идет не о каких-то эпизодических явлениях, а о взрывообразном появлении множества однотипных групп. Американские эксперты считают, что с 1965 года в США возникло свыше тысячи таких организаций. Главное даже не в количестве. При всех различиях между отдельными «культами» они обнаруживают столь существенное сходство, что можно рассматривать их как конкретные формы специфического движения, вызванного глубокими сдвигами в массовом мироощущении населения страны.

За минувшие годы зарубежные специалисты внимательно изучали это явление. Но даже авторы, подчеркивающие антигуманность таких «культов», как правило, не показывают глубоких социально-психологических корней, определивших как характер новых групп, так и причины их влияния на умы людей.

В нашей литературе о подобных течениях писали преимущественно в связи с судь-

¹ См., например, Л. Борисоглебский «Из мира ханжества — в небытие». «Наука и религия», 1979, № 5.

бой «народного храма». В последнее время, правда, вышел ряд работ, посвященных современному религию в США². Но «культы» в них затрагиваются мимоходом. Между тем знакомство с ними позволяет нагляднее представить болезненные процессы, характерные для духовной жизни современного буржуазного общества, проследить причудливые метаморфозы религиозного сознания в наши дни.

Тема эта оказывается сложной и трудоемкой. Причин тому много: неразработанность целого ряда проблем современной религии, недостаток достоверных источников, множество и пестрота самих «культов» и т. д. Естественно, что в рамках одной статьи невозможно дать представление об отдельных организациях: каждая должна стать предметом специального разговора. Поэтому есть смысл первоначально охарактеризовать «религии Нового века» в целом, в их наиболее существенных чертах, а затем остановиться на особенностях наиболее многочисленных из них. В свою очередь систематическое знакомство с конкретными «культами» поможет более убедительно обосновать один принципиальный вывод: их существенные черты обусловлены отношениями и структурами государственно-монополистического общества и характерны для него духовно-идеологическим климатом.

Число «религий Нового века» огромно. Но все же условно их можно подразделить на три категории.

Прежде всего это «культы», апеллирующие к отдельным идеям и символам христианства. К ним относился и «народный храм» Джонса, в прошлом методистского проповедника. Среди них и такие известные организации, как упоминавшаяся «церковь армагеддона» («семья любви»), «церковь живого слова», «жизненный путь», «местная церковь», «церковь библейского понимания», «международный путь», «вера алтаря» и другие. Громче всех, однако, заявляет о себе воинственная «церковь унификации» Сан Мён Мун³, который утверждает, будто у него более 2 миллионов последователей в 120 странах, в том числе 37 тысяч — в США.

Значительную долю «культов», далее, составляют группы восточного происхождения. Считается, что в США у них около 2 миллионов приверженцев. Наиболее крупные из этих религиозных новообразований — «движение Харе Кришна» («международное общество сознания Харе Кришна»), «миссия божественного света» и дзен-буддизм. Можно также упомянуть «организацию здоровья, счастья и святости», «товарищество самореализации», «движение Мехер Бабы», «Анд-Марг» и другие.

Наконец, имеется ряд объединений, чье внимание в основном сосредоточено на «духовных» упражнениях, психотерапевтических сеансах и процедурах, под которые подводятся религиозные обоснования. Наиболее влиятельные среди таких «культов» — «церковь сайентологии» (по ее собственным, явно завышенным данным, 5 миллионов приверженцев в 33 странах, в том числе 3 миллиона в США) и «общество трансцендентной медитации». Упомянем еще «синанон», рекламирующий свои успехи в лечении алкоголизма и наркомании. К ним надо добавить множество мелких групп, проповедующих астральные и оккультные представления, спиритизм, парапсихологию и т. д.

При всей видимой пестроте этого движе-

ния его характерные черты наиболее выпукло проявляются в деятельности названных крупных организаций, о которых и пойдет речь в дальнейшем.

При знакомстве с «культами» в глаза бросается целый ряд особенностей, которые отличают их как от традиционных, сложившихся религий и церквей, так и от диссидентских образований, обычно именуемых сектами.

Прежде всего по своему происхождению «культы» никак не связаны с уже существующими в стране религиозными течениями — в этом их отличие от сект. Население США, как известно, формировалось за счет иммигрантов из самых различных регионов. Поэтому здесь образовалось поистине вавилонское смешение церквей, сект, всевозможных мистических течений, школ, групп. При этом одни из них возникали, набирали силу, другие, напротив, угасали и исчезали вовсе. К началу XX века, однако, общая религиозная панорама США как бы устоялась и новые группы возникали лишь sporadически. Существующие там вероисповедания конституировались, сосредоточили в своих руках огромные материальные богатства, установили тесные связи с большим бизнесом, создали разветвленную проповедническую сеть, способную, казалось бы, заполнить любого потенциального верующего.

В 60-е годы эта устойчивость оказалась нарушенной. В предельно уплотненную религиозными идеями атмосферу стали врываться и отбрасывать пасту самозваные пророки — часто крикливые и предельно вульгарные, — претендующие на роль единичных «спасителей» человечества, погрязшего в «грехах и тьмоте». Они не только игнорировали традиционные «респектабельные» церкви, но и громкогласно обличали их как прислужников «духовного Вавилона», способных довести мир до гибели. Если же эти «мессии» порой и апеллировали к отдельным сюжетам и эпизодам традиционных священных книг, то использовали их скорее как исходный материал для построения собственных фантастических доктрин, проникнутых необузданным самовозвеличением.

Далее, бросается в глаза не совсем обычный социальный состав приверженцев «религий Нового века». В США и прежде не раз заявляли о себе разные «пророки» и «мессии». Однако к ним обычно тянулись люди из наименее обеспеченных и образованных слоев, преимущественно пожилые негры, убившиеся в собственной жизненной неудачливости. «Культы» же обычно пополняются людьми иного типа. Большинство здесь составляют юноши и девушки из белого так называемого среднего класса. Как правило, они имеют неплохое образование.

Это обстоятельство, кстати, дало повод некоторым западным авторам возвести о приходе «нового, религиозно-мистического поколения». Но столь категорическое суждение едва ли справедливо. Хотя сейчас движение молодежи и не носит того массового, организованного характера, как в предшествующем десятилетии, однако она по-прежнему активно участвует в классовых битвах, выступает против социальной несправедливости, милитаризма и разгула правых сил. Так что речь может идти об оживлении богоскательских настроений среди определенной части подрастающего поколения.

Наконец, значительную роль среди приверженцев «религий Нового века» играют

«восточные» группы. Правда, уже в 50-е годы многие «битники» увлекались дзен-буддизмом. Но это поветрие коснулось лишь незначительной части юношей и девушек и не сопровождалось появлением особых организаций. В 70-е годы в США возникли и активно заявили о себе многие новые культы восточного образца, а некоторые из них приобрели беспрецедентное влияние. Американские эксперты считают, что в «обществе трансцендентной медитации» (ТМ), например, уже вовлечено не менее миллиона их сограждан.

Эти особенности — а их перечень можно было бы продолжить — выдвигают серьезный вопрос: каковы же причины появления и влияния «религий Нового века» в США и как им удастся столь гладко вписываться в общественное сознание? В общей форме ответ очевиден: именно обострение противоречий, присущих современному капитализму, нарастание в нем различных кризисных явлений, так или иначе осознаваемых людьми, — все это и составляет объективную глубинную основу тех болезненных состояний общественной идеологии и психологии, которые, в частности, приводят к такому уродливому явлению, как «культы». Чтобы пояснить свой вывод, остановимся вкратце на тех существенных сдвигах, которые произошли в массовом сознании американцев за минувшее десятилетие.

Росла безработица, усиливалась инфляция, возрастала стоимость жизни. Деморализующее влияние на людей оказывал бурный рост преступности, особенно организованной, алкоголизм, наркомания, коррупция, подкупы, политические скандалы. Все возрастающую тревогу вызывают проблемы окружающей среды, начиная от вырубки лесов и кончая загрязнением атмосферы. Пугающими казались и многие события международной жизни: непрекращающиеся локальные войны, разгул терроризма, реакционные политические пути и т. д. Апогеем всех беспокойств и страхов, однако, стала мысль о возможности ядерной катастрофы, способной погубить цивилизацию, тем более что эти опасения постоянно подогреваются заявлениями буржуазных средств массовой информации о «советской военной угрозе». Итак, с миром что-то творится, что-то происходит. Но что?

В то время как научный подход показывает, что эти кризисные явления порождены объективными противоречиями современного государственно-монополистического общества, политикой военно-промышленного комплекса, в обыденном буржуазном сознании возникают представления о каких-то иррациональных силах, вышедших из-под контроля людей и безжалостно распоряжающихся их судьбами. Такой человек чувствует себя затаившимся, заброшенным, одиноким в этом мире, ощущает духовный вакуум, бессцельность существования. Примеров тому немало. Ограничимся здесь свидетельством бывшего президента США Картера, который в июле 1979 года отмечал «кризис доверия», выражающийся в «растущем сомнении относительно смысла наших собственных жизней, в утрате единства целей нашей нации». Отсюда и потребность людей в идеях и ценностях, способных

² См., например, кн.: Л. Н. Великович. Религия и церковь в США. М., 1978; Д. Е. Фурман. Религия и социальные конфликты в США. М., 1981; П. С. Гуревич. Спасет ли мессия? М., 1981.

³ См.: В. Андропова. Мессия антикоммунизма. «Наука и религия», 1976, № 3.

возродить утраченные надежды, установить «человеческие отношения», излечить социально-психологические недуги.

В такой обстановке исканий позитивной программы действий, устойчивых моральных ценностей и выходят на сцену многочисленные «пророки», «спасители», «мессии», которые в предельно эмоциональной, агрессивной форме драматизируют пессимистические размышления и предлагают рецепты их врачевания.

О чем бы ни говорили наставники «культов», их проповеди в конечном счете сводятся к предсказаниям скорой вселенской катастрофы, к определению современной эпохи как «железного века» («Харе Кришна»), или «века невежества» («общество трансцендентной медитации»), либо периода «великих мук», «конца времен» («церковь тела Христового») и т. п. Порой подобные пророчества формулируются более конкретно. Глава «церкви унификации» Мун, например, утверждает, будто космическая борьба с Сатаной, предваряющая наступление «века завершения нового завета», уже началась, а «божьи дети»⁴ назначили «конец света» на 1993 год...

Именно идея пограничности нашего времени, исторической отмеренности его существования и составляет ту «высшую истину», которую прежде всего спешат поведать миру эти самозванные «пророки». Официальные идеологи, утверждают они, не способны ни понять ее, ни указать выход из тупика. Сделать это в состоянии лишь «новые мессии» (каждый из них при этом, конечно, имеет в виду лишь самого себя), озаренные неказенной, «небесной» мудростью. Лишь они вместе со своими верными последователями, вовремя порвавшими с порочным обществом, смогут безболезненно пережить грядущий роковой катаклизм истории.

Удивительно ли, что самые фантастические и экстравагантные заявления такого рода находят отклик в сердцах многих американцев, если даже серьезные ученые и политики запросто рассуждают о возможности гибели человечества!

Подобные настроения легко передаются молодежи. И дело тут не только в том, что именно она прежде всего сталкивается с материальными трудностями. Еще не сформировавшееся мироощущение юношей и девушек наиболее чутко реагирует на социальную несправедливость; оно бескомпромиссно в отстаивании собственных идеалов и наиболее беззащитно в случае их краха. Напомним также, что часть молодежи, которая в 60-е годы активно выступала за гражданские права негров, за прекращение войны во Вьетнаме и обуздание милитаристских кругов, испытала острое разочарование в результатах своей деятельности.

Одни из этих людей утратили свою былую политическую активность, склонились перед всемогущим истеблишментом, другие поддались настроениям растерянности, пассивности, скептицизма и порой в поисках позитивной программы стали обращаться к «культам», которые, как им представлялось, также выступали против официальных, казенных идеалов.

Американские социологи Джеймс и Марсия Рудин, например, отмечают в этой связи, что основная причина привлекательности «культов», по-видимому, коренится в одиночестве и отчуждении, а «главным симптомом этого все усиливающегося одиночества и отчаяния является возрастающее число самоубийств, особенно среди молодежи». По данным Нью-Йоркского

комитета общественных отношений, сообщают эти авторы, в стране ежегодно покушаются на самоубийство около 400 тысяч молодых людей, причем более 4 тысяч — со смертельным исходом.

Но вернемся к «религиям Нового века». Дело не только в содержании их проповедей, но и в особенностях их организации и практической деятельности. Каждый «культ» представляет собой сплоченный коллектив, вдохновляемый групповыми целями. Вступив в него, человек избавляется от чувства одиночества, приобщается к тем ценностям и взаимоотношениям, которые, по его мнению, давно забыты в окружающем его мире. Руководители таких общин понимают притягательность подобных чувств и настроений и настойчиво рекламируют свои организации как оазисы подлинной человечности, прообразы коллективизма «Нового века», спасительные колонии небожителей. Лишь у нас, говорят они, можно найти искреннюю любовь и бескорыстное самопожертвование, встретить родных людей, потому что речь идет о «подлинной семье» во главе со строгим, но заботливым и всемогущим «отцом».

Такие призывы, разумеется, привлекают не только юношей и девушек, у которых не сложились отношения с родителями, но и пожилых одиноких людей, измученных равнодушием и черствостью окружающих. Тем более что реклама «культов» сочетается с тщательной отработанной системой вербовки. Ею занимаются особо доверенные фанатичные приверженцы, которые стремятся завязывать разговоры и знакомства на улицах, в кафе, на вокзалах, в дискотеках и университетских городках. Они умело провоцируют собеседника на откровенный рассказ о его тревогах и волнениях, ненавязчиво расписывают ему радости пребывания в своей общине, приглашают на молитвенное собрание или на лекцию. «А почему бы не пойти — просто из любопытства?» — часто решает новичок. Обычно от подобной встречи он выносит радостное ощущение такой «человечности» и «внимательности», о которых прежде и не подозревал. «После богослужения», вспоминает одна девушка, «каждый казался таким счастливым, каждый выражал желание встретиться со мной. Я давно не ощущала подобного внимания». И лишь впоследствии новообращенный узнает, что за всеми этими улыбками и неподдельными восторгами стояла тщательно отработанная режиссура.

Как только человек, растроганный «теплотой» первой встречи, приобщается к жизни общины, он попадает в мир особых отношений и порядков. За рекламным обликом «подлинного отца» начинают все резче проступать черты беспощадного диктатора. Его деспотизм носит всеобъемлющий характер: он закрепляется и идеологией культа, и внутренним распорядком, и всеохватывающей системой репрессивных мер.

Прежде всего новообращенному внушают, что лидер — это особый, неповторимый спаситель, небесный избранник. У каждого «культа» имеется на сей счет своя легенда. «Церковь унификации», например, всерьез уверяет, будто Сан Мён Мун — это новый мессия, которого господь бог направил в США для того, чтобы завершить дело спасения человечества, не удавшееся Христу. Сам же Мун неоднократно хвастал, что «беседовал с учителями, включая Христа, и в мудрости победил их». Дж. Джонс тоже сначала объявлял себя земным воплощением Христа, Будды

и... Мао Цзедун, а потом стал именовать себя просто богом. Основатель «семьи любви» оповестил всех, что имел спиритические контакты с Распутиным, Жанной д'Арк и волшебником Мерлином и даже ухитрился где-то в поднебесье переспать с неким духовным существом женского пола, которое он определил как «богиню».

Новообращенный оказывается в полной материальной зависимости от «культа». Если он поселяется в «коммуне», то от него требуют передать на «общее дело» все свое имущество. Другие же должны отдавать в пользу общины значительную (до половины) часть дохода. Стремясь закрепить собственное безраздельное влияние, лидеры делают все, чтобы физически и духовно изолировать членов общины от внешнего мира, отарать от прежних ценностей и привязанностей, парализовать личностное самосознание. Это достигается предельно насыщенной программой различных групповых мероприятий. Она включает семинары, совместные молитвы и беседования, повторения одних и тех же гимнов («Харе Кришна»), прослушивание записей уроков лидера («семья любви»), отупляющие лекции о принципе веры («церковь унификации»), механические танцы, изнуряющие спортивные игры и т. д. Кроме того, верующего заставляют работать на предприятиях, принадлежащих тому или иному «культу», собирать пожертвования на улицах и т. д.

Одним словом, день в подобных «коммунах» распланирован так, чтобы верующий ни на минуту не оставался наедине с собой. К этому надо добавить постоянное недосыпание, скудное питание, разного рода ночные собрания, объявляемые внезапно и длящиеся часами. Наставники стремятся поставить под свой контроль все эмоции, раздумья, сомнения подопечных, назойливо вмешиваются в их самые интимные отношения, жестко регламентируют даже чувства взаимной симпатии, право выбирать друзей и любимых, особенно вне общины.

Особо жестокие меры принимаются против тех членов «коммуны», которые, по мнению лидера, недостаточно лояльны к нему или в чем-то сопротивляются его капризам. Тогда идут в ход угрозы, запугивание, заключение в темных помещениях, вызовы на специальные комитеты, даже телесные наказания в присутствии других членов общины. Наглядное представление о такой практике дает рассказ бывшей последовательницы «веры алтаря».

...Ночью, вспоминает она, нас неожиданно разбудили и повели в темное помещение, откуда исходило ужасное зловоние. В зале можно было различить столы с разлагающимися продуктами, над которыми роились мухи. На стенах висели картины, изображавшие всякие ужасы, зверства, сцены садистских убийств и половых извращений. Из темноты раздались голоса: «Приходи и ешь, это дьявол зовет тебя!» Неожиданно показались руководительница общины и пронзительно закричала: «Вот какого угощения вы хотите, вот что вы избрали вместо божьей трапезы!» После этого нам разрешили вернуться обратно. Но когда измученные и запуганные мы добрались до своих постелей, нас снова позвали в зал. Перед нами в белой одежде предстала наставница. По ее знаку в помещение втолкнули

⁴ См. о них статью Л. Борисоглебского «Божьи дети» — кто они?», «Наука и религия», 1978, № 12.

девушку, наряженную ведьмой, которая, как было объявлено, нарушила дисциплину. Затем зачитали список ее прегрешений и все стали дружно издеваться над ней, надеясь показным рвением избежать подобной же расправы...

Предположим, мы выяснили, кто и почему вступает в общины «религий Нового века». Но естественно возникает вопрос, с чего бы это вдруг, скажем, скромный пилот, инженер, заурядный исполнитель эстрадных песен, рядовой коммивояжер, домохозяйка, медсестра, служащий, писатель-фантаст, наконец (речь идет о реальных фактах), в один прекрасный день бросает свое общественно полезное дело и провозглашает себя «спасителем грешного мира», «пророком» или «мессией»?

Вполне возможно, что некоторые из них искренне верят в свое особое предназначение. Однако многочисленные факты — подтасованные «исцеления» и «пророчества», присвоение общинной кассы и сутяжничество, нечестные политические махинации и безграничная жестокость, а главное вызывающая роскошь, которой эти «пророки» и «мессии» обычно себя окружают, — увы, заставляют сделать печальный вывод о том, что ими чаще всего движут не соображения высшей истины и справедливости, а вполне земные и часто весьма неблагоприятные страсти и страстишки.

Легко понять, что карьера «мессии» окружает ореолом исключительности даже заурядного человека, давая ему возможность распоряжаться чужими судьбами и удовлетворять ненасытное честолюбие. И все же наиболее типичный побудительный мотив в таких случаях обычно предельно тривиален: деньги — и притом немалые. За всеми широкоовещательными проектами спасения цивилизации, исправления безнадежно испорченного общества, помощи бедным, внедрения «новой морали» и религиозного опыта, как правило, скрывается могучее стремление к обогащению.

И действительно, в руках лидеров «культов» сосредоточиваются суммы, превосходящие всякое воображение. Лишь за обязательные для новообращенных платные курсы «местная церковь», например, ежегодно получает более 400 тысяч долларов. После трагической самоликвидации сравнительно немногочисленного «народного храма» Дж. Джонса осталось свыше 12 миллионов долларов, из которых 5 миллионов были тайно вложены в иностранные банки. «Церковь живого слова» владеет имуществом в 20 миллионов долларов. Такую же сумму от одной лишь продажи своей литературы ежегодно выручает «движение Харе Кришна».

Все эти цифры, однако, меркнут, когда речь заходит о «церкви унификации», которая превратилась в могучую транснациональную корпорацию по эксплуатации людей. В одном лишь Нью-Йорке она владеет имуществом в 17 миллионов долларов, а личное состояние самого Муну оценивается в 11 миллионов. В общем, есть все основания повторить слова одного американского автора: «Мессианский бизнес имеет массу преимуществ. От вас не требуется академической подготовки или диплома. Нет необходимости в финансовых вложениях, а материальные выгоды превосходят всякую реальность. Вряд ли какая другая работа, доступная смертному, более престижна. Даже неблагоприятное прошлое тут не может служить препятствием».

Отвечая на критику, приверженцы «культов» настойчиво оправдывают свой выбор, причем случаи добровольного разрыва с общиной среди них сравнительно редки. «Мы стали другими людьми, — часто говорят они. — Мы обрели душевный покой». Постараемся понять, в чем же состоит суть этих перемены.

Болезненные нравственно-психические состояния, о которых шла речь, возникают в тех случаях, когда человек, сознавая себя самостоятельным, независимым существом, в то же время ощущает невозможность добиться реализации собственных планов, идеалов, ценностей. Где же выход? Видимо, он состоит в том, чтобы совершенствовать понимание общественной жизни, строить планы на основе достоверного социального знания, активно бороться за осуществление высоких человеческих идеалов.

Однако «религии Нового века» всеми средствами стремятся воспрепятствовать такому подходу, систематически вытравляют из сознания своих приверженцев представление о себе как о самостоятельном, независимом существе, заставляют их отказываться от собственных интересов и желаний в пользу так называемых «общих интересов», за которыми фактически скрываются своекорыстные расчеты лидера и его ближайшего окружения. «Местная церковь», например, категорически требует: «Перестань думать. Кто полагается на собственный ум — попадает в беду».

Иначе говоря, сознание социально развитого человека, ответственно и целенаправленно определяющего свою судьбу, идеологи «культов» стремятся подменить мироощущением ребенка, во всем полагающегося на готовые решения «отца». «Вдруг я понял, — вспоминает бывший последователь Муну, — чего они хотят от меня. Их роль в том, чтобы дразнить меня своей любовью, пытаться пручить меня, перестав выказывать ее, когда сочтут это нужным. Моя же роль в том, чтобы ничего не спрашивать, а быть их ребенком, зависимым от показной любви. Ребятчий игры, пронзительное пение, глупый смех — все это части сценария, заранее составленного так, чтобы облегчить мне принятие этой новой личности». Таким образом, секрет обретенного душевного покоя и утешения предельно прост: тревожных проблем нет, потому что уже не существует личности, которую те могли бы волновать. Она разрушена и полностью растворилась в групповых интересах и поэтому спокойна и удовлетворена, что бы ни происходило.

Красноречивым подтверждением сказанного могут служить судьбы конкретных людей. Уход молодого человека в «культ» оборачивается трагедией прежде всего для его родителей, которые теряют с ним всякую связь. Нередко, не находя другого выхода, они похищают своих детей и отдают их в руки «депрограмматоров» — психологов, специализирующихся на перевоспитании. Наиболее известный из них — Тэд Патрик, который, по его собственным словам, вызволил из «культов» около 1700 человек. «После пребывания в такой общине, — пишет он, — сознание людей перестает существовать, и они становятся либо растениями, либо самоубийцами».

За последние годы на Западе вышло немало работ, в которых подчеркивается антигуманный характер идеологии и практики «религий Нового века». С такой оценкой нельзя не согласиться: эти движения действительно паразитируют на страданиях десятков тысяч людей. Но ее

следует дополнить указанием на социально-политическую природу подобных групп.

Новоявленные «пророки» и «мессии» отвергают официальную идеологию и традиционные верования, постоянно обличают жестокость и аморальность в западном обществе, предлагая свои рецепты его врачевания. Может даже возникнуть мысль: а не содержат ли эти проповеди элементы здорового социального критицизма, способного дать толчок к преобразованию капиталистического общества?

Ответ, однако, может быть только отрицательным. Дело не только в том, что «религии Нового века» пытаются вдохнуть жизнь в отжившие антинаучные, фантастические представления о ходе общественного развития. Всей своей идеологией и практикой они отвергают любую общественную активность, а предлагаемые ими рецепты спасения никак не затрагивают реальных, классовых причин социального зла. Так что классовая природа «культов» может быть определена однозначно: они объективно освещают современные буржуазные порядки, посвоему дополняя официальную идеологию государственно-монополистического общества.

ЧУР, ЧУР, ЧУР...

● На башнях кафедрального собора столицы Мальты Ла-Валетты установлены двое часов, которые всегда показывают разное время. На вопросы туристов дается такое объяснение: это было сделано еще в средние века, чтобы ввести в заблуждение дьявола, если он захочет явиться на мессу, которая, по традиции, начинается всегда в одно и то же время.

НА ГРОШАХ БЕДНЯКОВ

● В городе Сан-Манго-сул-Калоре близ Неаполя издавна существовала легенда о том, что возле местной церкви Сан-Теодоро когда-то были запрятаны сокровища. Многие пытались проверить это предание. Но всякий раз безрезультатно. И вот тут, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: в Южной Италии произошло сильное землетрясение, разрушившее многие здания городка. Тогда-то среди развалин церкви и обнаружилось легендарное сокровище — тяжелый железный сундук с золотыми монетами и утварью, украшениями и драгоценными камнями. И хотя находка такого крупного клада — сама по себе большая редкость, однако удивление вызвало не только это, но и внешний вид самого сундука, лишенного каких-либо следов ржавчины и грязи. Очевидно было, что он хранился вовсе не в земле или в каком-нибудь склепе. Тогда где же? Ответ ясен для всех. Но церковники делают вид, будто и знать ничего не знают. Ведь они всегда твердили о бедности своего прихода и не гнушались брать у бедняков последние гроши. Теперь по решению мэрии клад будет использован для помощи пострадавшим от землетрясения.

Е. М. Бабосов. НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И УТВЕРЖДЕНИЕ АТЕИСТИЧЕСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», №2), 1982, 64 стр., 39 630 экз., 11 коп.

Автор показывает, что противоречивый характер развития НТР в условиях капитализма формирует у значительной части масс трудящихся настроения неуверенности, страха и социального пессимизма. Только в условиях социализма НТР обретает отвечающее интересам человека развитие, способствует формированию атеистической убежденности все более широких слоев населения.

«ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ АТЕИЗМА». Учебное пособие. Изд. 2-е. М., «Мысль», 1982, 430 стр., 80 000 экз., 1 руб. 10 коп.

Учебное пособие написано в соответствии с программой курса, разработанной кафедрой истории и теории атеизма МГУ. В работе определен предмет научного атеизма, раскрывается структура и функции атеизма, его место в системе марксистско-ленинского мировоззрения.

Н. А. Костенко. АТЕИЗМ И ПРАВОСЛАВНОСТЬ. М., «Мысль», 1982, 175 стр., 35 000 экз., 65 коп.

Монография посвящена разработке нравственного содержания научного атеизма, в частности таким проблемам, как созидательная роль, оптимизм и гуманизм научного атеизма.

В. Н. Кузнецов. ФРАНЦУЗСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ XVIII ВЕКА. М., «Мысль», 1982, 303 стр., 28 000 экз., 1 руб. 20 коп.

Книга представляет собой первое в советской литературе обобщающее исследование французского материализма XVIII века. Автор освещает учение французских материалистов о природе, концепцию сознания, понимания человека и общества, выявляет значение этого учения в современной конфронтации основных философских направлений.

К. И. Никонов, З. А. Тахуризина. КРИТИКА ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», №3), 1982, 64 стр., 39 640 экз., 11 коп.

Опираясь на фактический материал, авторы критикуют религиозно-аскетические идеалы монашества и старчества, вскрывают подлинный смысл христианского понимания «греховной жизни», «нравственного самосовершенствования». Большое внимание в брошюре уделено показу отрицательной роли монашества в общественной и культурной жизни России XIX века.

И. Р. Григулевич. ПАПСТВО. ВЕК XX. Изд. 2-е, доп. М., Политиздат, 1981, 532 стр. с илл., 100 000 экз., 1 руб. 10 коп.

«ДРЕВНЕРУССКАЯ РУКОПИСНАЯ КНИГА И ЕЕ БЫТОВАНИЕ В СИБИРИ». Сборник статей. Новосибирск, «Наука», 1982, 871 стр., 2 950 экз., 2 руб. 20 коп.

В. Лихачев. ИСКУССТВО ВИЗАНТИИ IV—XV ВЕКОВ. Л., «Искусство», 1981, 311 стр. с илл., 50 000 экз., 2 руб.

Х. Майбаум. СИРИЯ — ПЕРЕКРЕСТОК ПУТЕЙ НАРОДОВ. М., «Наука», 1982, 320 стр., 30 000 экз., 1 руб. 80 коп. (главы из этой книги были напечатаны в нашем журнале, 1981, №1, 2, 4).

«МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ». Архитектурные сокровища Узбекистана. Бухара. Самарканд. Хива. Наманган. Альбом. Ташкент, Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма. 1981, 260 стр. с илл., 30 000 экз., 20 руб. 50 коп.

«ПО «ЗОЛОТОМУ КОЛЬЦУ» РОССИИ». Фотопутеводитель. М., «Планета», 1981, 255 стр. с илл., 38 000 экз., 5 руб. 90 коп.

М. Твен. ПИСЬМА С ЗЕМЛИ. Рассказы, очерки, памфлеты. Пер. с англ. Минск. «Вышш. школа», 1981, 286 стр., 100 000 экз., 1 руб. 70 коп.

«ТРОИЦА АНДРЕЯ РУБЛЕВА». Антология. М., «Искусство», 1981, 215 стр. с илл., 25 000 экз., 4 руб. 40 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

Ю. Е. Ануфриев. Русская религиозная философия конца XIX — начала XX в. и современная идеологическая борьба. В кн.: «Социально-политические теории современной буржуазной идеологии». М., 1981, стр. 262—293.

М. Г. Воскобойников. О космогонических преданиях эвенков. В кн.: «Языки и фольклор народов Севера». Новосибирск, 1981, стр. 221—228.

И. Е. Задорожнюк. Рецензия на кн.: Д. Е. Фурман. Религия и социальные конфликты в США. М., 1981. «Вопросы философии», 1982, №3, стр. 160—161.

К. Кедров. Космический миф и литература. В кн.: «Писатель и жизнь». М., 1981, стр. 149—168.

Н. А. Костенко. Научный атеизм как фактор формирования активной жизненной позиции ученого. В кн.: «Методология науки и научный прогресс». Новосибирск, 1981, стр. 52—65.

М. А. Маслин, Н. С. Федоркин. Исследование религиозной философии в России и современность. «Вестник Моск. ун-та». Серия 7. Философия, 1981, №3, стр. 69—72.

М. Н. Федорова. Метафизика бытия Луи Лавеля. В кн.: «Человек, общество, познание». М., 1981, стр. 40—50.

- ♦ Божественное начало — это конец продвижения к истине.
- ♦ Если дьявол покупает души, то бог старается приобрести их бесплатно.

Сергей ЛАРИОНОВ
Ленинград

- ♦ Наблюдательный человек всегда найдет для себя хорошую примету.
- ♦ Вселенная все расширяется, а в мире становится все теснее...
- ♦ На каждый божий день запланировали мероприятие по антирелигиозной пропаганде.

Лев БЕЛОПОЛЬСКИЙ
г. Одесса

- ♦ Грехи молодости в старости нельзя повторить — остается их замалчивать.
- ♦ При падении можно потеряться нимб.
- ♦ Грешными могут быть и молитвы.
- ♦ Какой рай может быть на небесах, если столько труб копят небо?

Владимир СИТНОВ
г. Бор
Горьковской области

- ♦ В конце каждого дня творенья бог восхитился созданным. А даже Солнце не смог сделать без пятен.
- ♦ Как решать проблему триединого бога наших предков? Змею-Горынычу они навесили три головы.

Вилис СТИНКУЛИС
г. Рига

- ♦ Ада страшится тот, кто его уже заслужил.
- ♦ Почему искра божья обычно влечет за собой божью кару?
- ♦ Вера в себя не нуждается в доказательстве.
- ♦ Самооправдание: «Если даже сознание нематериально, то сознательность — тем более».
- ♦ Если души не существует, почему же она требует?

Николай НИКИТИН

Метеорологическая станция совхоза «Омолон» Чукотского национального округа.

В селе Чара Каларского района Читинской области проходит традиционный праздник завершения охотничье-промыслового сезона. Лучшие охотники и оленеводы района показывают свое умение и профессиональное мастерство. Особенно популярны скачки на верховых оленях.

Для тех, чьи стада кочуют в сотнях километров от центральной усадьбы, все необходимое доставляется по воздуху. На снимке: Вертолет у оленеводов совхоза «Расцвет Севера» Магаданской области.

Мастерицы северной вышивки бисером из села Гижига Магаданской области.

Ансамбль «Эвенкия».

Студенты-чукчи из Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена в гостях у своего земляка писателя Юрия Рытхэу.

Семья оленеводов.

Фотохроника ТАСС.

Сдано в набор 19.04.82.
Формат издания 60×90¹/₁₆.
Подписано к печати 08.06.82.
А 04795.
Глубокая печать.
Кр. отт. 9,75
Условных печатных листов — 8
Учетно-издательских листов — 11,99.
Тираж 400 000.
Зак. 01868.

Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-31, 297-10-89.
Ордена Ленина
комбинат печати
издательства «Радянська Україна»
252047, Киев-47,
Брест-Литовский проспект, 94.

Текст набран с применением отечественного
фотонаборного комплекса «Каскад».

В СЕМЬЕ РАВНЫХ

О Советском Таджикистане, его славном пути к вершинам экономики и культуры в семье братских народов СССР рассказывают статьи, интервью, заметки.

НА ЯЗЫКЕ ИМПУЛЬСОВ

О том, как ленинградские нейрофизиологи во главе с академиком Н. П. Бехтеревой изучают мозговые эквиваленты слов, пишет кандидат биологических наук Т. Г р е к о в а.

ПОЛЕТ НАД БРУСТВЕРОМ

Странствия души после клинической смерти — это абсурд, мистика, доказывает на примере из собственной жизни кандидат философских наук Ф. Зиннуров.

НА КРАЮ СВЕТА

Ненецкий писатель В а с и л и й Л е д к о в, автор поэтических сборников и прозаических произведений, выступает с автобиографической повестью «Живая тундра».

ОЧЕРЕДНОЕ «ЧУДО»

Провокационной возне хорватских клерикальных националистов вокруг «явления богородицы» в Герцеговине посвящен обзор югославской печати историка С. М е л а м е д а.

ВАТИКАН «ОТКРЫВАЕТ» АФРИКУ

За последние два года это вторая поездка папы римского по государствам Черного континента. О причинах повышенного внимания «святого престола» к этому региону рассказывает член-корреспондент АН СССР И. Р. Г р и г у л е в и ч.

О РАЗНЫХ ПОДХОДАХ

к идеям сионизма — тема выступления кандидата философских наук М. Г о л ь д е н б е р г а.